

Ян Флеминг Мунрейкер

1. «Совершенно секретно»

Оба «кольта» 38-го калибра грянули одновременно.

Стены подземного тира подхватили ломкое эхо и перебрасывались им до тех пор, пока оно не заглохло. Джеймс Бонд наблюдал, как расположенные в разных концах тира воздухозаборники вентиляционной системы «Вент-Аксия» высасывают из помещения пороховой дым. Правая рука еще хранила воспоминание того, как одним молниеносным рывком слева он вскинул пистолет и открыл огонь; воспоминание придавало уверенность. Он вынул из рукоятки «кольта» отстрелянную обойму и, направив оружие в пол, ждал, пока инструктор преодолит те двадцать ярдов тускло освещенного туннеля, что разделяли их.

На лице инструктора Бонд заметил усмешку.

— Прямо-таки не верится, — воскликнул он. — Снова моя взяла.

Теперь они были вместе.

— Я на больничной койке, а вы, сэр, на том свете, — продолжал инструктор. В одной руке он держал поясную мишень, в другой — поляроидный снимок форматом с почтовую карточку. Его он протянул Бонду, и они оба повернулись к стоявшему позади столику, на котором была лампа с зеленым абажуром и большое увеличительное стекло.

Притянув лупу к себе, Бонд склонился над фотоснимком. На снимке, в зареве фотовспышки, был изображен он сам. Его правую кисть обволакивало размытое облачко белого пламени. Бонд поймал в фокус левый борт своего темного пиджака. Точно в сердце булавочным уколom светлело крошечное пятнышко.

Не говоря ни слова, инструктор положил под лампу большую белую мишень. Черный круг диаметром в три дюйма обозначал сердце. Прямо под ним и с полдюйма вправо зияла пробоина.

— Пуля продырявила левую стенку желудка и прошла навывлет, — удовлетворенно прокомментировал инструктор. Взяв карандаш, он тут же на мишени небрежным росчерком произвел подсчет.

— Двадцать кругов, итого в общей сложности вы должны мне, сэр, семь шиллингов и шесть пенсов, — голос его был ровен.

Рассмеявшись, Бонд отсчитал серебро.

— В следующий раз удвоим ставки, — сказал он.

— Не возражаю, сэр, — ответил инструктор. — Однако, сэр, машина все равно сильнее вас. А если вы хотите попасть в команду «Дьюар Трофи», то следовало бы дать отдых «кольтам» и посвятить какое-то время «ремингтону». Этот новый удлиненный патрон 22-го калибра позволяет преспокойно выбить 7900 очков из необходимых 8000. Большинство ваших пуль должны угодить точно в «яблочко» размером не более шиллинговой монеты, когда та лежит прямо у вас под носом, однако на дистанции в сто ярдов это все равно, как ее вовсе нет.

— К дьяволу «Дьюар Трофи», — бросил Бонд, — меня интересуют ваши деньги. — Он вытряхнул на ладонь неиспользованные патроны и вместе с «кольтом» положил их на стол. — Значит, до понедельника. Время обычное?

— Десять часов в самый раз, сэр. — Инструктор рванул книзу две рукоятки на металлической двери. Провожая взглядом спину Бонда, уже ступившего на лестницу, что вела на первый этаж, он не смог сдержать улыбку. Он был доволен стрельбой Бонда, которого считал лучшим во всей Секрет Сервис стрелком, но которому ни за что не решился бы сказать это прямо. Это полагалось знать только М. и его

начальнику штаба, в круг обязанностей которого входило заносить результаты стрельб сотрудников в личные дела.

Бонд протиснулся в обитую зеленым сукном дверь, и подошел к лифту, которому предстояло поднять его на девятый этаж высокого серого здания неподалеку от Риджентс-Парк, где размещалась штаб-квартира Секрет Сервис. Он был удовлетворен результатом, но отнюдь им не гордился. Пытаясь понять, за счет чего можно было бы дополнительно выиграть в скорости и победить наконец машину — сложный агрегат, который на каких-нибудь три секунды поднимал мишень, выстреливал холостым патроном 38-го калибра, посылал концентрированный пучок света и фотографировал «противника», пока тот вел ответный огонь, стоя в очерченном мелом на полу круге, — Бонд помимо воли дернул в кармане указательным пальцем.

Двери лифта со вздохом отворились, и Бонд вошел в кабину. Исходивший от Бонда запах кордита лифтер уловил сразу. Так пахло всегда, когда они возвращались из тира. Он любил этот запах, напоминавший ему о днях армейской службы. Лифтер нажал кнопку девятого этажа и положил свою изувеченную левую руку на рычаг контроля.

Если бы только освещение было не таким скверным, мысленно посетовал Бонд. Однако по настоянию М. все занятия по огневой подготовке проходили в одинаково неблагоприятных условиях. Тусклый свет и подвижная мишень призваны были как можно точнее копировать действительность. «В простую картонку любой дурак попадет», — такую фразу предпослал М. в качестве предисловия к «Руководству по методам самообороны стрелковым оружием».

Лифт плавно остановился. Шагнув в коричневый со специфическим зеленым оттенком, свойственным лишь интерьерам министерства общественных работ, коридор, наполненный суетой снующих туда-сюда с папками девушек, звуками хлопающих дверей и приглушенных телефонных звонков, Бонд тут же оставил все мысли о стрельбе и приготовился с головой окунуться в рутину обычного рабочего дня в штабе.

Он направлялся к расположенной в конце коридора по правую руку двери. Ничто не выделяло ее в ряду прочих дверей, которые оставались у него за спиной. Номера отсутствовали. Если у вас есть дело на девятом этаже и вы тут не работаете, то за вами придут и проводят в нужный кабинет, а потом, когда дело будет решено, проводят до лифта.

Бонд постучал в дверь и теперь ждал ответа. Он посмотрел на часы. Было ровно одиннадцать. Дьявол бы побрал эти понедельники. Впереди два дня бумажной канители. Почти каждый уик-энд занят работой за границей: взломы пустых квартир, сбор фотокомпромата. Куда приятнее «автокатастрофы» — с ними меньше хлопот, особенно в том побоище, которое начинается на дорогах с приходом выходных. Кроме того, должны поступить и пройти сортировку еженедельные пакеты из Вашингтона, Стамбула и Токио. Может, найдется что-нибудь и для него.

Дверь отворилась, и он увидел хорошенькую секретаршу, которую видел каждый день и которой каждый день готов был любоваться заново.

— Привет, Лил, — сказал Бонд.

Дозированно радушная улыбка, которой она встретила его, сразу «остыла» градусом на десять.

— Давайте сюда пиджак, — приказала она. — Насквозь провонял порохом. И не называйте меня Лил. Вы ведь знаете, что мне это неприятно.

Сняв пиджак, Бонд протянул его секретарше.

— Каждая женщина, окрещенная при рождении Лоэлией Понсонби, обязана мириться с тем, что рано или поздно ей придумают уменьшительное имя.

Она была высока, темноволоса и сохраняла некую нетронутую, девственную

прелесть, к которой война и пять лет службы в Сикрет Сервис добавили определенный оттенок строгости. Если только в ближайшее время она не выскочит замуж, уже в сотый раз думал Бонд, или не заведет себе любовника, то эта патина холодной суровости очень просто может обернуться сварливостью старой девы, и тогда она пополнит собой армию женщин, навсегда обручившихся с собственной карьерой.

Бонд не раз говорил ей об этом и вместе с двумя другими сотрудниками секции «00», в разное время, предпринимал решительные атаки на ее невинность. Она же с неизменной надменностью матроны (которую все трое, льстя своему мужскому самолюбию, приписывали фригидности) отражала их и уже на следующий день относилась к очередной своей «жертве» с подчеркнутым вниманием и великодушием, как бы давая понять, что сама во всем виновата, но что больше не сердится.

Однако, что им не дано было знать, так это то, что, любя всех троих одинаково, она до боли в сердце переживала за каждого из них, когда им грозила смертельная опасность, и не желала связывать себя духовными узами с человеком, которого через неделю могло уже не быть в живых. Служба в Сикрет Сервис — это своего рода кабала, и коли ты женщина, то не много остается у тебя возможностей для посторонних связей. Мужчинам легче. Разводить амуры на стороне им не возбранялось. Ведь для них — в случае если они хоть как-то использовались в, как это тактично именовалось, «полевых условиях», — такие понятия, как брак, дети, дом, попросту не существовали. Однако для женщины связь вне пределов Сикрет Сервис автоматически означала «опасность утечки информации», и в конечном счете она становилась перед выбором: либо увольнение, и тогда нормальная жизнь, либо вечное «сожитительство» с Королем и Отечеством.

Лоэлия Понсонби знала, что почти достигла того возраста, когда пора принимать решение, и все в ней склонялось к тому, чтобы уйти. Но с каждым днем мученический ореол Эдит Кавелл и Флоренс Найтингейл все теснее замыкал ее в круг подруг по штабу, с каждым днем становилось все труднее и труднее решиться покинуть эти ставшие ей родными стены.

А пока, будучи одной из самых преуспевающих девушек в штабе, она входила в состав высшего сословия старших секретарей, имевших доступ к самым сокровенным секретам службы и вправе была рассчитывать, что через двадцать лет радениями управления личного состава ее имя вкупе с именами чиновников из Совета рыбной промышленности, почтового ведомства и Женского института будет внесено золотыми чернилами в самый конец рождественского списка награжденных орденом Британской империи 4-й степени — мисс Лоэлия Понсонби, старший секретарь, министерство обороны.

Она отвернулась от окна. На ней была розовая в белую полоску сорочка и простая темно-синяя юбка.

Глядя в ее серые глаза, Бонд улыбнулся.

— Я зову вас Лил только по понедельникам, — запротестовал он. — И мисс Понсонби в остальные дни. Но я никогда не назову вас Лоэлией. Это имя ассоциируется у меня с одним неприличным лимериком [шуткой (англ.)]. Есть что-нибудь для меня?

— Нет, — отрезала она, но, смягчившись, добавила. — У вас и так полно работы. Правда, не срочной, но все равно очень много. Ах, «сарафанное радио» сообщает, 008 выкарабкался. Сейчас в Берлине, набирается сил. Боже мой, как я рада!

Бонд вскинул глаза.

— Когда вы об этом узнали?

— С полчаса тому назад, — ответила она.

Бонд вошел в просторный кабинет, где кроме его стола стояли еще два, и плотно закрыл за собой дверь. Подошел к окну. Его взору открылась уже почти

летняя зелень Риджентс-Парка. Значит, Билл все-таки сделал это. В Пенемюнде и обратно. Набирается сил в Берлине — звучит не больно-то обнадеживающе. Видимо, здорово ему досталось. Что ж, придется ждать новостей из единственно доступного в штабе источника достоверной информации — дамской уборной, известной, к бессильной ярости Отдела внутренней безопасности, как «сарафанное радио».

Бонд вздохнул и сел за стол, придвигая к себе корзину с коричневыми папками, помеченными красными звездочками, которые заменяли гриф «совершенно секретно». Как там дела у 0011? Минуло уже два месяца, как он бесследно исчез в портовых трущобах Сингапура. И с тех пор ни слова. В то время как он, Джеймс Бонд, агент 007, старший из трех агентов, заслуживших право иметь в личном номере индекс «00», сидит за удобным столом, возится с какими-то бумажками и пытается ухаживать за секретаршей.

Он поежился и решительно раскрыл верхнюю папку. В ней была подробная карта южной Польши и северо-восточной Германии. В глаза бросилась кривая красная линия, соединявшая Берлин и Варшаву. К карте прилагался пространный меморандум, отпечатанный на машинке и озаглавленный «Железнодорожная магистраль: Надежный вариант отхода с Востока на Запад».

Бонд достал черный вороненый портсигар и черную зажигалку «Ронсон» и положил перед собой. Прикурив сигарету — одну из тех, набитых македонским табаком, с тремя золотыми кольцами на мундштуке, что изготовляли специально для него в лавке «Морлендс» на Гросвенор-Стрит, — он придвинулся в мягком шарнирном кресле к столу и погрузился в чтение.

Таково было начало обыкновенного рабочего дня для Бонда. Лишь два-три раза в год выпадали задания, требовавшие от него специальных навыков. В остальное время он выполнял не слишком обременительные обязанности старшего государственного служащего — присутственные часы с десяти до шести, которые, впрочем, не требовали строгого присутствия; ленч, как правило, тут же в столовой; приятный вечер за карточным столом в компании близких друзей, или в казино «Крокфордс», или занятия любовью, без особой страсти, с одной из трех одинаково благорасположенных к нему замужних женщин; уик-энды, посвященные игре в гольф по-крупной в одном из клубов в пригородах Лондона.

Отпуска он не брал, разве что по болезни, и то только в случае необходимости, но, завершив очередную миссию, почти всегда получал две недели отдыха. В год имел 1500 фунтов, обычное жалование старшего чиновника на государственной службе, и плюс к этому еще 1000 фунтов необлагаемого налогом дохода из собственных источников. Впрочем, находясь на задании, Бонд волен был тратить любые суммы, так что в остальное время года мог вполне безбедно существовать на чистые 2000.

У него была небольшая, но уютная квартирка в районе Кингс-Роуд, за которой присматривала пожилая шотландка, этаким божий одуванчик по имени Мэг, и двухместный закрытый «бентли» 1930 года выпуска с усиленным двигателем, который Бонд держал в таком превосходном состоянии, что при необходимости тот выдавал все сто миль в час.

На это и тратил он все свои деньги и гордился тем, что коли суждено ему погибнуть до предельного в его профессии возраста в сорок пять лет, в чем в минуты хандры был абсолютно уверен, то на его банковском счету не останется ни пенса.

До той поры, когда его автоматически исключат из списка сотрудников с индексом «00» и переведут на работу в штаб, оставалось еще восемь лет. Или по меньшей мере восемь опаснейших заданий. Может, шестнадцать. А то и все двадцать четыре. Мало не покажется.

К тому моменту, когда Бонд закончил фиксировать в памяти подробности меморандума, в большой стеклянной пепельнице уже лежали шесть окурков. Взяв

красный карандаш, он пробежал глазами приклеенный к титульному листу список сотрудников, допущенных к ознакомлению с документом. Список возглавлял М., следом шел «начштаба», затем около дюжины литер и цифровых индексов и уже в самом конце «00». Напротив нулей Бонд поставил аккуратную галочку, вместо подписи приписал семерку и отложил папку в корзину исходящих материалов.

Было уже двенадцать. Бонд взял следующую в стопке папку и раскрыл ее. Папка с грифом «только для ознакомления» поступила из дивизиона радиоразведки НАТО и была озаглавлена «Идентификация почерка радиста».

Бонд придвинул к себе остальные папки и бегло просмотрел заголовки. Они были таковы:

«Инспектоскоп — прибор для обнаружения контрабанды».

«Филопон — японский наркотик-убийца».

«Вероятные тайники на железнодорожном транспорте. № 11. Германия».

«Методы Смерша. № 6. Похищения».

«Маршрут № 5 в Пекин».

«Владивосток. Данные аэрофотосъемки США».

Причудливая пестрота материалов, которые ему предстояло усвоить, нисколько не удивила Бонда. Входя в структуру Сикрет Сервис, секция «00» не касалась текущих операций других подразделений; здесь обрабатывали лишь информацию общего характера, которая могла оказаться полезной единственным во всей Сикрет Сервис трем агентам, в чьи обязанности входило убивать, или — точнее — кто мог получить такой приказ. Лежавшие сейчас на столе папки не требовали срочного рассмотрения. Бонд, как и двое его коллег, должен был только кратко излагать суть тех документов, которые, по его мнению, следует прочесть его товарищам, когда те в следующий раз будут прикомандированы к штабу. Когда секция «00» заканчивала обработку очередной порции материалов, материалы прямиком поступали в архив.

Бонд снова взял в руки натовскую папку. "Стиль работы радиооператора, — читал он, — в мельчайших подробностях отражающий особенности его характера и не поддающийся имитации, фиксируется посредством уникальных характеристик почерка каждого радиста. Этот почерк, или стиль работы на ключе, проявляется достаточно ярко и легко узнается опытными радиоперехватчиками. Кроме того, он может фиксироваться при помощи сверхчувствительных приборов. Эти данные были с успехом применены на практике Бюро радиоразведки США в 1943 году при раскрытии в Чили радиостанции противника, которой руководил молодой немецкий разведчик по кличке «Педро». Когда чилийская полиция накрыла радиостанцию, «Педро» удалось скрыться. Год спустя опытные радиоперехватчики обнаружили новый нелегальный передатчик и по почерку узнали в радиооператоре «Педро». В целях маскировки почерка он работал на ключе левой рукой, однако маскировка не удалась, и «Педро» был схвачен.

В последнее время научно-технический отдел радиоразведки НАТО провел ряд опытов с так называемым «скрамблером», который, присоединяясь к запястью радиооператора, осуществляет микровмешательства в деятельность нервных центров, контролирующую деятельность мышц рук. Однако..."

Три телефона стояли на столе перед Бондом: черный — для связи с городом, зеленый — служебный, и красный, который соединял его только с М. и с начальником штаба. Как раз в этот момент тишь кабинета нарушило знакомое жужжание красного аппарата.

Звонили от начальника штаба.

— Можешь сейчас подняться? — услышал он приятный голос.

— К М.? — спросил Бонд.

— Да.

— Что-нибудь серьезное?

— Просто сказал, что если ты на месте, то он хотел бы тебя видеть.

— Иду, — ответил Бонд и положил трубку.

Забрав пиджак и предупредив секретаршу, что будет у М. и что, когда вернется, не знает, он вышел в коридор и направился к лифту.

Пока он ждал лифта, на память ему явились другие случаи, когда вот так же, в середине абсолютно пустого дня, красный телефон разрезал тишину кабинета и переносил его из одного мира в совершенно иной. Он вздрогнул — понедельник! Стало быть, жди неприятностей.

Подошел лифт.

— Десятый, — сказал Бонд и сделал шаг.

2. Колумбитовый король

Десятый этаж был в здании последним. Большую его часть занимало Управление коммуникаций — вспомогательное подразделение, состоявшее из горстки высококлассных специалистов, интересы которых не простирались далее микроволн, солнечных пятен и среднего слоя ионосферы. Над ними, на плоской крыше были установлены три невысокие антенны одного из самых мощных в Англии передатчиков, принадлежавшие, как явствовало из укрепленной в вестибюле аккуратной бронзовой дощечки со списком арендующих организаций, радиоремонтной фирме «Рэйдио Тестс Лимитед». Другие квартировавшие в здании службы именовались — «Юниверсал Экспорт Кампани», «Делоней Бразерс (1940) Лимитед», «Омниум Корпорэйшн» и «Справочное Бюро (Мисс Э.Туайнинг, дама ордена Британской империи)».

Собственно мисс Туайнинг существовала реально. Лет сорок тому назад она тоже была начинающей Лоэлией Понсонби. Теперь же, уйдя в отставку, она сидела в крошечном кабинетике на первом этаже и коротала дни, разрывая в клочья докучливые рекламные проспекты, заполняя тарифные и налоговые карточки мифических арендаторов и отсылая восwoяси коммивояжеров, а вместе с ними и всех тех, кто желал предложить что-нибудь на экспорт или отдать в ремонт радиоаппаратуру.

Здесь, на десятом этаже, всегда было тихо. Выйдя из лифта и повернув направо, Бонд зашагал по мягкой ковровой дорожке, направляясь к обтянутой зеленым сукном двери, за которой располагался кабинет М. и весь его штаб. До ушей Бонда долетал лишь слабый — нужно было напрягать слух — высокий гул.

Без стука войдя в зеленую дверь, Бонд поспешил к предпоследней в открывшемся проходе комнате.

Личный секретарь М. мисс Манипенни оторвалась от машинки и улыбнулась. Они всегда ладили друг с другом, и мисс Манипенни знала, что ее внешность не оставляет Бонда равнодушным. На ней была сорочка того же фасона, что и у его секретарши, только в голубую полоску.

— Это что, новая форма, Пенни? — съязвил Бонд.

Она рассмеялась.

— Просто у нас с Лоэлией одна портниха, — объяснила она. — Мы разыграли, и мне досталась голубая.

Из средней комнаты сквозь приоткрытую дверь донеслось сердитое ворчание. Потом на пороге кабинета показался начштаба; он был примерно одних лет с Бондом, на его бледном, усталом лице играла сардоническая усмешка.

— Поторопись-ка, — сказал он. — М. ждет. Обедаем вместе?

— Само собой, — отозвался Бонд. Повернувшись к двери, что была прямо возле стола мисс Манипенни, он вошел в кабинет. Над закрывшейся дверью загорелась зеленая лампочка. Мисс Манипенни вопросительно подняла глаза на

начальника штаба. Тот покачал головой.

— Вряд ли по делу, — сказал он. — Так, вызвал ни с того ни с сего. — И он удалился к себе, чтобы вновь вернуться к прерванной работе.

В момент, когда Бонд входил, сидевший за своим широким столом М. как раз раскуривал трубку. Сделав горячей спичкой пространный жест, он указал на стоявшее напротив кресло, Бонд сел, М. пристально посмотрел на Бонда сквозь завесу дыма, затем кинул перед собой на свободное пространство обитого красной кожей стола коробок спичек.

— Отпуск прошел нормально? — спросил он вдруг.

— Так точно, благодарю, сэр, — ответил Бонд.

— Загар, я вижу, еще не сошел, — взгляд М. выражал неудовольствие. В действительности, однако, он ничуть не завидовал каникулам Бонда, часть которых была посвящена лечению. Нотка неудовольствия исходила скорее от духа пуританизма и ханжества, обитающего в каждом начальнике.

— Да, сэр, — сказал Бонд, не вполне еще сориентировавшись. — Вблизи экватора сущее пекло.

— Это точно, — согласился М. — Отдых заслуженный. — Он прищурился, в глазах его не было лукавства. — Надеюсь, скоро сойдет. В Англии загорелый человек вызывает подозрения. Либо ты бездельник, либо греешь пузо под кварцевой лампой. — Коротко взмахнув трубкой, он дал понять, что тема исчерпана.

Снова вложив трубку в рот, М. с задумчивым видом затянулся. Погасла. Потянулся за спичками и какое-то время снова разжигал трубку.

— Похоже, то золото станет в итоге нашим, — выдавил он наконец. — Поговаривали о Международном суде в Гааге, но Эшенхайм опытный адвокат.

— Хорошо, — сказал Бонд.

Наступила пауза. М. устался в чашечку трубки. Из распахнутого окна доносился далекий шум лондонских улиц. Хлопая крыльями, на карниз сел голубь и тут же снова взлетел.

Бонд попытался было хоть что-нибудь прочитать на этом столь знакомом ему обветренном лице, которому так доверял. Однако серые глаза были спокойны, и маленькая жилка, всегда в минуты напряжения пульсировавшая в верхней части правого виска М., теперь не подавала признаков жизни.

Внезапно у Бонда зародилось подозрение, будто М. чем-то смущен. Складывалось впечатление, что он не знает как подступиться к делу. Бонд решил помочь. Поерзав в кресле, он переменял положение и отвел глаза. Теперь он устался на свои руки и стал безучастно ковырять обломившийся ноготь.

М. оторвал взгляд от трубки и откашлялся.

— Ты сейчас не особенно занят, Джеймс? — спросил он как-то неопределенно.

«Джеймс». Это было необычно. В этой комнате М. редко обращался к подчиненным по имени.

— Бумажные дела, рутина, — ответил Бонд. — А что, есть что-нибудь для меня, сэр?

— Откровенно говоря, есть, — сказал М., бросив на Бонда хмурый взгляд. — Но не по линии разведки. Вопрос деликатный. Думаю, ты мог бы помочь.

— Конечно, сэр, — сказал Бонд. Он почувствовал облегчение — лед наконец-то сломан. По всей вероятности, кто-то из родственников старика попал в беду, и М. не хочется обращаться за помощью в Скотленд-Ярд. Шантаж. Или же наркотики. Хорошо, что М. позвал именно его. Он, разумеется, поможет. Ведь М. так щепетилен, когда речь заходит об использовании государственной собственности и личного состава. Для него привлечь Бонда к частному делу все равно что залезть в чужой карман.

— Я несколько не сомневался, — хрипло буркнул М. — Это не займет у тебя

много времени. Должно хватить одного вечера. — Он помолчал. — Так вот, приходилось ли тебе слышать что-нибудь о человеке по имени сэр Хьюго Дракс?

— Конечно, сэр. — Упоминание этого имени удивило Бонда. — Стоит развернуть любую газету, и вы непременно наткнетесь на информацию о нем. В «Санди Экспресс» сейчас публикуется его биография. Занятная история.

— Знаю, — коротко сказал М. — Изложи факты, как видишь их ты. Хочу знать, насколько твоя точка зрения совпадает с моей.

Собираясь с мыслями. Бонд бросил пристальный взгляд за окно. М. не любил, когда разговор протекал сумбурно. Он любил обстоятельные доклады, без запинок. Все по порядку.

— Итак, сэр, — начал Бонд, — этот человек, прежде всего, национальный герой. Его любит публика. По-моему, он чем-то напоминает Джека Хоббса или Гордона Ричардса. Эта любовь искренна. Его считают «своим» с той лишь разницей, что ему улыбнулась слава. Он вроде супермена. Отнюдь не красавец, и шрамы, оставшиеся после ранения, не делают его привлекательнее, вдобавок он шумлив, душа нараспашку. Людям это нравится. Это придает ему сходство с лонсдейлским боксером, и вместе с тем ставит на одну с ними ступень. Людям нравится, когда друзья называют его «Хаггер» — «Медведь». Это дает ему дополнительное очко и, вероятно, привлекает женщин. А если вспомнить, что он делает для страны, да еще на собственные средства и в размерах, намного превышающих возможности государства, то остается лишь удивляться, что его кандидатура до сих пор не выдвинута на пост премьер-министра.

Бонд заметил, что и без того суровый взгляд шефа стал еще суровее. Он изо всех сил старался скрыть от своего более опытного собеседника собственное восхищение успехами Дракса.

— В конце концов, сэр, — продолжал Бонд рассудительно, — похоже, он и в самом деле оградил нашу страну от угрозы военного нападения на годы вперед. Вряд ли ему может быть сильно за сорок. Я отношусь к нему так же, как и большинство людей. Плюс еще эта загадка его личности. Меня несколько не удивляет, что люди относятся к нему с сочувствием, несмотря на его миллионы. Хотя он и ведет жизнь, полную удовольствий, сам он, похоже, одинок.

М. сухо улыбнулся.

— Все, что ты рассказал, очень напоминает мне продолжение истории Дракса из «Экспресса». Сомнений нет, человек он выдающийся. Но я спрашивал тебя о фактах. Вряд ли мне известно больше, чем тебе. Может, даже и меньше. Газеты я читаю вполглаза, а досье на него нет, только в военном ведомстве, да и то не больно-то вразумительнее. В чем суть статьи в «Экспрессе»?

— Прошу прощения, сэр, — извинился Бонд, — факты, изложенные в ней, довольно скользкие. Дело вот в чем, — сосредотачиваясь, он снова бросил взгляд за окно, — в ходе арденнского контрнаступления зимой сорок четвертого немцы широко использовали отряды диверсантов и партизан, которые не без претензий именовались «Вервольфы» — оборотни. Асы камуфляжа и минирования, они наносили нам весьма ощутимый ущерб. Даже после того, как операция в Арденнах провалилась и мы форсировали Рейн, некоторые из них долго еще продолжали действовать. Считалось, что они не сложат оружия даже тогда, когда мы оккупируем всю Германию. Правда, как только запахло жареным, все они посдавались.

Среди самых удачных их акций был взрыв одного из наших тыловых штабов связи между американской и британской армиями. Это было смешанное подразделение союзников — американские сигнальщики, английские водители санитарных машин — и его пестрый состав постоянно менялся. «Вервольфам» удалось каким-то образом заминировать полевую столовую, и когда та взлетела на воздух, то унесла с собой и значительную часть лазарета. Погибших и раненых

насчитывалось больше сотни. Разбирать тела было адски трудно. Одним из англичан оказался Дракс. Он лишился половины лица. Целый год длилась абсолютная амнезия, но и по прошествии года никто, в том числе и он сам, не знал, как его зовут. Оставалось еще двадцать пять неопознанных трупов, которых ни мы, ни американцы не смогли определить; либо не хватало частей тела, либо это были прикомандированные, либо без документов. Таким было это подразделение. Конечно, два командира, штабные документы велись кое-как, архив отсутствовал. Пока Дракс в течение года валялся по госпиталям, его проверяли по спискам пропавших без вести военного министерства. Когда наткнулись на бумаги некоего Хьюго Дракса, не имевшего родственников и до войны работавшего в ливерпульских доках, пациент стал проявлять признаки узнавания, в добавок фотоснимок и словесное описание вроде бы соответствовали тому, как выглядел пациент до взрыва. С того момента он начал выздоравливать. Потихоньку стал говорить о самых простых вещах, которые помнил, врачи были им очень довольны. Военное министерство разыскало человека, который служил вместе с этим самым Хьюго Драксом, и доставило в госпиталь, где он заявил, что убежден в том, что перед ним именно Дракс. На этом все и закончилось. Публикации в газетах иного Хьюго Дракса не выявили, и в конце сорок пятого он был выписан из госпиталя под этим именем с компенсацией и пожизненной пенсией.

— Тем не менее, он до сих пор в точности не знает, кто он, — вставил М. — Он член клуба «Блейдс». Мне приходилось играть с ним в карты и беседовать затем за ужином. Он утверждает, что испытывает подчас сильнейшее чувство «дежа-вю». Часто ездит в Ливерпуль, пытается вспомнить прошлое. Ну да ладно, что еще?

Бонд напряг память.

— После войны он исчез, — продолжают Бонд, — однако три года спустя в Сити отовсюду стали стекаться слухи о нем. Первыми о нем прослышали на рынке металла. Поступили сведения, что он монопольно овладел рынком весьма ценной руды, которая называется колумбит. Этот материал нужен всем. Он чрезвычайно стоек к воздействию высоких температур и поэтому незаменим при производстве реактивных двигателей. Мировые запасы колумбита очень скудны, в год его добывается всего несколько тысяч тонн, и то в основном в качестве побочного продукта на оловянных копях Нигерии. Вероятно, Дракс предвидел эру реактивных самолетов и поспешил прибрать к рукам рынок ключевого сырья. Чтобы начать дело, он добыл где-то около 10.000 фунтов стерлингов, поскольку, как сообщает «Экспресс», закупил в 1946 году три тонны колумбита, который идет примерно по три тысячи фунтов за гонцу. От одной американской самолетостроительной компании, которой срочно понадобился колумбит, он получил за эту партию что-то около 5.000 фунтов прибыли. После этого он стал скупать руду про запас — на шесть, девять, двенадцать месяцев вперед. Через три года он добился монополии. Всякий, кому нужен был колумбит, шел за ним в компанию «Дракс Метал». Все это время он не оставлял попыток захватить рынки и других товаров — шеллак, сизаль, перец, словом все, что сулило быстрый успех. Разумеется, он блефовал, но ему всегда хватало здравого смысла держать правую ногу на тормозе даже тогда, когда гонка казалась неуправляемой. И каждый раз, получив прибыль, он мгновенно вкладывал деньги снова. К примеру, он одним из первых стал скупать отработанную породу в Южной Африке. Теперь она вторично используется для добычи урана. И снова успех.

М. не сводил с Бонда своих спокойных глаз. Попыхивая трубкой, он внимательно слушал.

— Само собой, — рассказывал дальше увлеченный собственным повествованием Бонд, — все это потрясло Сити. Биржевые брокеры тут и там натывались на имя Дракса. В чем бы они ни испытывали нужду, Дракс имел это, но предлагал по гораздо более высокой цене, нежели готовы были платить покупатели.

Он вел свои операции из Танжера, который был порто-франко, где нет ни пошлин, ни валютных ограничений. К 1950 году он стал мультимиллионером. Потом вернулся в Англию и принялся тратить деньги. Он буквально швырялся ими. Самые лучшие дома, автомобили, женщины. Ложи в опере и на гудвудском ипподроме. Чемпионские стада коров джерсейской породы. Чемпионские гвоздики. Призовые жеребцы-двухлетки. Две яхты, финансирование команды игроков в гольф на Кубок Уокера, 100.000 фунтов стерлингов в фонд помощи пострадавшим от наводнений, бал для сестер милосердия в Альберт-Холле — не было и недели, чтобы он с помпой не попал в тот или иной заголовок. И все время только богач и богач, становясь всеобщим любимцем. Не жизнь, а сплошной праздник. Это вдохнуло в людей новую энергию. Если увечный солдат из Ливерпуля смог достичь такого за пять лет, то почему не смогут они или их дети? Кажется, будто это так же просто, как вытянуть счастливый билет.

И вдруг — это его поразительное послание к Королеве: «Ваше Величество, я беру на себя дерзость...», и типичный в таких случаях заголовок во весь лист в утреннем «Экспрессе» — «ДЕРЗОСТЬ ДРАКСА», и рассказ о том, как Дракс даровал Британии все свои запасы колумбита с тем, чтобы построить атомную сверхракету, которая смогла бы держать под прицелом практически любую из европейских столиц — немедленно возмездие всякому, кто посмеет сбросить атомную бомбу на Лондон. Десять миллионов фунтов он собирался выложить из своего кармана, у него имелся уже и проект ракеты, и он готов был набрать штат для претворения проекта в жизнь.

Затем потянулись месяцы проволочек, нетерпение нарастало. В парламенте один за одним сыпались запросы. Оппозиция поднимает вопрос о доверии к правительству. И наконец, заявление премьер-министра о том, что проект одобрен комиссией экспертов министерства ассигнований и что Королева выражает высочайшее удовлетворение, принимая дар от имени британского народа, и жалуется дарителю рыцарское достоинство.

Почти замороженный рассказом об этом недюжинном человеке, Бонд замолчал.

— Да, — заключил М. — «Мир на все времена»... Я помню этот заголовок. Год назад. Сейчас ракета почти готова. И судя по отзывам, это и вправду то, что он обещал. Все это очень странно. — Он погрузился в молчание и уставился в окно.

Повернувшись, он вдруг посмотрел Бонду прямо в глаза.

— Все так, — медленно проговорил он. — Тебе все известно не хуже меня. Занятная история. Удивительный человек, — задумавшись, он умолк. — Но вот какое дело... — М. постучал мундштуком трубки по зубам.

— Слушаю, сэр? — сказал Бонд.

Казалось, М. что-то решал. Его взгляд смягчился.

— Сэр Хьюго Дракс — шулер.

3. «Длинные лепестки» и другие...

— В картах?

М. нахмурился.

— Именно, — сухо подтвердил он. — Не кажется ли тебе странным, что мультимиллионер жульничает за карточным столом?

На лице Бонда появилась извиняющаяся улыбка.

— Не более, чем все остальное, сэр, — сказал он. — Мне известно, что очень богатые люди частенько позволяют себе маленькие хитрости за пасьянсом. Но то, о чем говорите вы, признаюсь, как-то не вяжется с моими представлениями о Драксе. Принижает, что ли.

— То-то и оно, — сказал М. — Зачем ему это нужно? Заметь кстати, нечестная игра все еще может подмочить репутацию человека. В так называемом обществе это

единственное преступление, которое в состоянии поставить на тебе крест независимо от твоего положения. Дракс мухлюет так тонко, что покуда его никто не поймал. По правде говоря, я уверен, что никто этого даже не подозревает, кроме Бэзилдона. Он председатель в «Блейдсе», заходил ко мне. У него есть какие-то смутные подозрения, что я связан с разведкой, да и в прошлом я раз или два уже оказывал ему помощь. Вот и теперь он просит совета. Поднимать шум в клубе ему, естественно, не хочется, и кроме того, он полон решимости спасти Дракса от позора. Он не меньше нас восхищается им, но этот инцидент просто ужасает его. Развяжись скандал, его будет не погасить. В клубе состоят многие члены парламента, начнутся шушуканья в кулуарах. Потом в дело вступят сплетники из газет. Драксу придется оставить «Блейдс», и тогда кто-нибудь из друзей Дракса выдвинет в его защиту контробвинение в клевете. Таким образом, повторится дело Трэнби Крофта. По крайней мере так это видится Бэзилдону, да, признаться, и мне тоже. Как бы там ни было, — подвел черту М. — я согласился помочь, и, — М. внимательно посмотрел на Бонда, — тут необходимо твое участие. Во всей разведке нет человека, который бы умел обращаться с картами лучше, чем ты, или, — он иронически улыбнулся, — так по крайней мере, должно быть после той твоей миссии в казино. Помнится, когда до войны мы отправляли тебя с заданием в Монте-Карло, против румын, то ухлопали уйму денег, обучая тебя всем этим карточным премудростям.

Бонд сумрачно улыбнулся.

— Стеффи Эспозито, — тихо проговорил он. — Славный был парень. Этот американец целую неделю заставлял меня вкалывать по десять часов в сутки, пока я в совершенстве не освоил весь арсенал трюков. Потом я составил подробный рапорт, который теперь вероятно погребен где-нибудь в дебрях архива. Стеффи знал дело до тонкостей. Так умело наводить тузы, что колода открывалась на них сама собой; делал бритвой насечку на рубашках старших карт; подрезал края, по-всякому доставал карты из рукава. Вот, скажем, так называемые «длинные лепестки» — с обеих сторон колода подрезается меньше, чем на миллиметр, а нужные карты — к примеру, тузы — чуть-чуть вылезают. Или еще — «светляки» — это крошечные зеркальца, вделанные в перстни или в донья чашечек трубок. Кстати, — признался Бонд, — как раз с подачи Стеффи Эспозито я вышел в Монте-Карло на «светописцев». Крупье пользовался особыми невидимыми чернилами, которые банда различала при помощи специальных очков. Отличный был парень. Для нас его разыскал Скотленд-Ярд. Мог перетасовать колоду, а потом срезать ее именно в тех местах, где тузы. Истинный художник в своей области.

— Ну, для нашего клиента это уж чересчур профессионально, — возразил М. — Такое «художество» требует ежедневных многочасовых тренировок или на худой конец сообщника, найти которого в «Блейдсе» маловероятно. Нет, в его шулерстве ничего этакого сверхъестественного нет, в конце концов все может оказаться фантастической полосой везения. Странно. В общем-то классным игроком его не назовешь — кстати, играет он только в бридж, — но очень часто ему удаются поистине феноменальные заявки, реконтры, импасы, требующие специального расклада. Но ему все сходит с рук. Он всегда выигрывает, а ведь в «Блейдсе» играют по-крупной. С тех пор, как год тому назад он вступил в клуб, ему ни разу не пришлось лезть за бумажником. В клубе есть два-три игрока мирового уровня, но даже у них никогда не было за двенадцать месяцев подобного рейтинга. Об этом уже начали поговаривать, пока в шутку, но по-моему, Бэзилдон прав, когда просит принять хоть какие-нибудь меры. Какой системой, на твой взгляд, пользуется Дракс?

Бонд с воодушевлением думал о предстоящем обеде. Наверняка начштаба, не дождавшись его, уже с полчаса как ушел. О разных карточных трюках Бонд мог бы рассказывать М. часами, и М., который, казалось, никогда не испытывал потребности в сне или пище, прослушал бы все до конца и навсегда бы запомнил. Но Бонд был

голоден.

— Если принять во внимание то обстоятельство, сэр, что Дракс не профессионал и не умеет подготавливать карты, то можно сделать два предположения: либо ему удастся каким-то образом подглядывать, либо у него своя особая система обмена информацией с партнером. Он часто играет с одними и теми же партнерами?

— После каждого роббера мы тянем карту кому с кем играть, — сказал М. — За исключением тех случаев, когда пары оговорены заранее, или в гостевой день — понедельник и вторник — когда сидишь в паре со своим гостем. Почти всегда Дракс приводит некоего Мейера, своего личного брокера. Он приятный парень. Еврей. Очень сильный игрок.

— Я должен посмотреть, — сказал Бонд.

— Именно это я и собирался предложить, — сказал М. — Как насчет сегодняшнего вечера? По крайней мере прилично поужинаешь. Встретимся в шесть в клубе. Сначала я слегка «пощипаю» тебя в пикет, а затем понаблюдаем за игрой. После ужина сыграем пару робберов с Драксом и его приятелем. Их всегда можно найти в клубе по понедельникам. Согласен? Надеюсь, я не отрываю тебя от дел?

— Нисколько, сэр, — усмехнулся Бонд. — Буду рад помочь вам. Сочетание приятного с полезным. Если Дракс и в самом деле мухлюет, я дам ему понять, что он уличен, и этого, думаю, будет достаточно, чтобы образумить его. Не хотелось бы, чтобы он оказался замешанным в скандале. Я вам больше не нужен, сэр?

— Нет, Джеймс, — сказал М. — Благодарю за помощь. Похоже, Дракс не больно умен. С придурью. Сам по себе он мало меня интересует. Но не хочется ставить под удар его проект. Ведь Дракс — это в какой-то степени самое «Мунрейкер». Ну ладно, до шести. Насчет туалета не беспокойся. Одни надевают вечерние костюмы, другие нет. Мы не будем. А теперь ступай и натри подушечки пальцев пемзой, кажется, так принято готовиться у вас, у шулеров.

Бонд улыбнулся и встал. Вечер обещал быть интересным. Выходя в приемную. Бонд подумал о том, что разговор с М. все-таки состоялся, и без всякой натянутости.

Секретарша М. по-прежнему сидела за столом. Рядом с ее машинкой стояла тарелка с сэндвичами и стакан молока. Мисс Манипенни пристально посмотрела на Бонда, однако его лицо было непроницаемо.

— Меня он, конечно, не дождался, — заметил Бонд. — Час как ушел, — в ее голосе слышались нотки упрека. — Сейчас половина третьего. Он обещал быть с минуты на минуту.

— Побегу в столовую, пока не закрылась, — сказал он. — Передай, что обед за мной. — Улыбнувшись на прощание, он вышел в коридор и поспешил к лифту.

В служебной столовой оставалось всего лишь несколько человек. Сев в одиночестве. Бонд съел жареную камбалу, большую порцию салата ассорти, обильно политого горчичным соусом, немного сыра бри с тостом, выпил полграфина бордо. Проглотив напоследок две чашечки черного кофе, в три он был уже у себя. Не переставая думать о той задаче, которую задал ему М., Бонд в темпе долистал натовский материал и, сообщив секретарше, где его искать вечером, и попрощавшись с ней, в четыре-тридцать уже забирая свой автомобиль из штабного гаража, что располагался на заднем дворе здания.

— Малость барахлит нагнетатель, — предупредил Бонда механик, ветеран ВВС, ухаживавший за «бентли» Бонда как за своим собственным. — Если завтра в обед машина вам не понадобится, оставьте, я посмотрю.

— Спасибо, — поблагодарил Бонд. — Буду очень признателен. — Он осторожно вырулил со стоянки и под аккомпанемент двухдюймовой выхлопной трубы, выплевывавшей клубы жирного дыма, покотил в сторону Бейкер-Стрит.

Через пятнадцать минут он был у дома. Оставив машину под сенью платанов в

маленьком скверике, он поднялся на первый этаж перестроенного, эпохи Регентства дома и прошел в гостиную с тянувшимися вдоль стен книжными стеллажами, откуда после недолгого поиска вытянул книгу «Скарн о картах», которую положил на изящный ампирный столик возле широкого окна.

Затем, перейдя в небольшую спальню с бело-золотыми обоями и темно-красными шторами, он разделся, сложив кое-как одежду на стеганом темно-синем покрывале двуспальной кровати. Зашел в ванную и наскоро принял душ. Прежде чем покинуть ванную он внимательно изучил в зеркале лицо и пришел к выводу, что не вправе жертвовать издавна заведенной привычкой бриться дважды в день.

Из глубины зеркала на него глядели серо-голубые глаза, светившиеся теперь дополнительным блеском, который приобретали всегда, когда мозг их обладателя был занят поисками решений. Худощавое, с жесткими чертами лицо придавало глазам выражение алчности, готовности вступить в схватку. Было что-то хищное и решительное в жесте руки, которой он провел по щеке, та же решительность сквозила в том нетерпеливом движении, которым он откинул щеткой свесившуюся на дюйм над правой бровью прядь черных волос. Вдруг он заметил, что по мере того, как сходит загар, белевший на правой щеке рубец становится все менее явным: машинально осматривая свое обнаженное тело, он обратил внимание, что и неприличная светлая полоса, оставленная купальным костюмом, выделялась уже не так резко. Что-то вспомнив, он улыбнулся и вернулся в спальню.

Десять минут спустя в тяжелой белой шелковой сорочке, темно-синих саржевых брюках, темно-синих носках и до блеска отполированных черных туфлях он сидел за письменным столом с колодой карт в руке, держа перед собой в раскрытом виде замечательное руководство Скарна по шулерологии.

С полчаса, пробегая глазами раздел, посвященный различным техническим приемам, он упражнялся в маскировке и имитации снятия. В то время, как взгляд его скользил вдоль строк, руки работали сами собой. К своему удовлетворению Бонд обнаружил, что пальцы его по-прежнему были гибки и уверенны, и даже когда он выполнял самые сложные приемы одной рукой, карты не шелестели. Ровно в пять-тридцать он отложил карты и захлопнул книгу.

Вернувшись в спальню, он наполнил сигаретами портсигар, положил его в задний карман брюк, повязал черный шелковый плетеный галстук, надел пиджак, проверил, на месте ли чековая книжка.

Мгновение он стоял в нерешительности. Затем выбрал два белых шелковых платка, тщательно сложил их и сунул в боковые карманы пиджака.

Закурив сигарету, он вернулся в гостиную, где снова сел у стола и минут десять отдыхал, глядя в окно на пустынный сквер, предаваясь мыслям о грядущем вечере и о самом клубе «Блейдс», который, наверное, был самым известным частным карточным клубом в мире.

Точную дату основания «Блейдса» назвать трудно. Вторая половина XVIII века явилась свидетельницей открытия десятков кофейных домов и игорных комнат, однако непостоянство моды и фортуны заставляло их часто менять свое местонахождение и владельцев. Клуб «Уайтс» был основан в 1755 году, «Альмакс» — в 1764, «Брукс» — в 1774, в том же году в тихом уголке Лондона, неподалеку от Сент-Джеймского дворца, на Парк-Стрит распахнул свои двери «Скавуар Вивр», из лона которого и вышел впоследствии «Блейдс».

«Скавуар Вивр» был эксклюзивным клубом и потому по прошествии года прекратил свое существование из-за отсутствия достаточно аристократических кандидатов. Хорас Уолпол писал в 1776 году по этому поводу: «Новый клуб открылся неподалеку от улицы св.Якова и кичится безмерно своим превосходством над предшественниками». А в 1778 в письме историка Гиббона впервые встречается

название «Блейдс», Гиббон связывал этот клуб с именем его основателя немца Лоншана, содержавшего в это же время «Жокей Клуб» в Ньюмаркете.

С самого первого своего дня «Блейдс» оказался прибыльным предприятием, в 1782 году герцог Вюртембергский восторженно писал домой младшему брату: «Это подлинный „Клуб клубов“! В комнате стоит четыре или пять булитовых столов, за которыми кипит игра, далее идут столы для виста и пикета, а за ними — роскошный стол для игры в кости. Я принял участие в двух столах одновременно. Двух сундуков, набитых свертками по 4.000 гиней каждый, едва хватало для обращения одной ночи».

Упоминание о костях дает, по-видимому, ясное представление об источниках процветания клуба. Позволение играть в столь рискованную, сколь и популярную игру, как кости, вероятно, было дано правлением в обход своему же собственному постановлению, гласившему: «В означенном собрании не дозволяется играть ни в какие игры, исключая шахматы, пикет, криббидж, кадриль, ломбер и тредриль».

Однако как бы там ни было, клуб неуклонно процветал и до сего дня оставался прибежищем любителей азартных игр из «самых высоких сфер общества». Правда, теперь он уже не столь аристократичен, каким был некогда, — процесс перераспределения богатства сделал свое дело, — но до сей поры пребывает в числе самых труднодоступных клубов Лондона. Количество членов «Блейдса» ограничивается двумя сотнями, каждый кандидат для участия в выборах обязан предоставить две рекомендации, а также вести себя сообразно званию джентльмена и быть в состоянии выложить по первому требованию 100.000 фунтов наличными или золотом.

Помимо возможности вести азартные игры «Блейдс» стремится предоставить своим членам максимум удобств, поэтому правлением клуба было введено положение, в соответствии с которым каждый член клуба должен в течении года выиграть или проиграть на территории клуба не менее пятисот фунтов, либо уплатить годовой штраф в размере двухсот пятидесяти фунтов. Здесь лучшие в Лондоне кухня и вина, и не предъявляют счетов — стоимость обедов и ужинов в конце каждой недели автоматически вычитается просто из выигрыша победителей. Если учесть, что каждую неделю за столами из рук в руки переходит до пяти тысяч фунтов, то налог этот не кажется слишком обременительным, вдобавок проигравшие получают удовлетворение частичной компенсацией неудачи; тем же обосновывается справедливость налога для тех, кто уклоняется от игры.

Слуги — либо опора, либо гибель любого клуба, слуги «Блейдса» не имеют себе равных, Полдюжины официанток, обслуживающих обеденную залу, подобраны в соответствии с такими высокими стандартами внешности, что известны случаи, когда иные молодые члены клуба протаскивали их инкогнито на бал дебютанток, ну а если какая-либо из девушек позволяла уговорить себя остаться на ночь в одной из дюжины спален, устроенных в задних комнатах, то это рассматривалось как сугубо личное дело члена клуба.

Существуют еще две-три мелочи, которые лишь усиливают атмосферу комфорта в клубе. При расчетах здесь выдаются только новенькие банкноты и серебро, а если вы остаетесь на ночь, то слуга, который приносит утром чай и свежий номер «Таймс», заберет ваши деньги и обменяет их. Ни одна газета не займет своего места в читальном зале, пока не будет хорошенько отутюжена. В уборных и спальнях все да имеется мыло и лосьоны; из конторки портье всегда можно связаться по прямой линии с «Лэдброксом»; клуб абонирует лучшие ложи и трибуны на главных спортивных состязаниях Англии — крикетных матчах на стадионе «Лордс», хенлейской регате, теннисном турнире «Уимблдон»; а путешествуя за границей, член «Блейдса» автоматически принимается в лучшие клубы всех европейских столиц.

Короче говоря, членство в «Блейдс» всего лишь за сто фунтов вступительного взноса и пятьдесят фунтов годовой подписки обеспечит вам викторианский стандарт

роскоши плюс возможность весьма комфортно проиграть или выиграть любую сумму в пределах двадцати тысяч фунтов в год.

Размышляя обо всем этом, Бонд пришел к выводу, что вечер доставит ему удовольствие. За всю жизнь ему лишь дюжину раз довелось побывать в «Блейдсе», и в последний раз он изрядно обжегся, играя в покер по-крупной. Однако предчувствие большой игры и риск лишиться нескольких, отнюдь не лишних для него сотен фунтов, сводили мышцы напряжением ожидания.

И было еще, конечно, небольшое дельце сэра Хьюго Дракса, которое могло придать дополнительный драматический штрих грядущему вечеру.

Даже странное происшествие во время поездки по Кинг-Роуд в направлении Слоун-Сквер, нисколько не встревожило его.

Было без нескольких минут шесть, когда внезапно ударил гром. Небо заволочло грозowymi тучами, и вдруг впереди, высоко в воздухе, замигали яркие электрические буквы. Угасающий поток световых волн привел в действие катодную трубку, в свою очередь включившую механизм, который будет поддерживать работу табло в мигающем режиме до тех пор, пока около шести часов утра первые лучи солнца вновь не воздействуют на трубку и та не замкнет цепь.

Увидев неожиданно перед собой огромные кроваво-красные буквы, Бонд вздрогнул. Свернув к тротуару, он вылез из машины и пересек улицу, чтобы получше разглядеть рекламу.

Ага! Вот в чем дело. Часть букв заслоняло соседнее здание. Это был один из световых рекламных щитов компании «Шелл». «ШЕЛЛ — ЭТО КЛАД, КОТОРЫЙ ВСЕГДА С ТОБОЙ», — гласила надпись.

Бонд усмехнулся; вернувшись в машину, он продолжил путь.

Когда он увидел надпись в первый раз, наполовину заслоненную домом, огромные мерцавшие в вечернем небе кровавые буквы заключали в себе совсем иной смысл. Они кричали:

«АД, КОТОРЫЙ ВСЕГДА С ТОБОЙ... ВСЕГДА С ТОБОЙ...» [Shell — название фирмы; Hell (англ.) — ад].

4. «Светляк»

Припарковав свой «бентли» неподалеку от клуба «Брукс», Бонд завернул за угол и оказался на Парк-Стрит.

Фасад «Блейдса», выстроенный в адамовском вкусе и утопленный на ярд или два вглубь по сравнению с соседними домами, смотрелся в мягких сумерках особенно эффектно. Сводчатые окна первого этажа по обеим сторонам входной двери были уже затянуты темно-бордовыми портьерами; на втором этаже в одном из трех окон Бонд заметил слугу, спускавшего шторы. В среднем окне виднелись головы и плечи двух мужчин, склонившихся над столом и игравших, скорее всего, в триктрак; над ними сияла одна из трех огромных люстр, что освещали знаменитую игорную залу.

Бонд толкнул дверь и поднялся к старинной конторке, за которой восседал страж клуба, а также советчик и семейный друг доброй половины членов, Бреветт.

— Добрый вечер, Бреветт. Адмирал уже здесь?

— Добрый вечер, сэр, — ответил Бреветт, знавший Бонда, который уже бывал несколько раз в клубе в качестве гостя. — Адмирал ожидает вас в игровой зале. Гарсон, проводите командера Бонда к адмиралу. И поживей!

Следуя за облаченным в ливрею гарсоном по стоптанным белым и черным мраморным плитам вестибюля, а затем по широкой лестнице с великолепными черного дерева решетками Бонд вспомнил историю о том, как однажды на выборах нового члена в ящике для голосования вместо восьми — по количеству

присутствовавших членов правления — черных шаров оказалось девять. Бреветт, обносивший голосовавших ящиком, позже сам признался председателю в том, что это он опустил лишний шар. Никто не возражал, ибо правление скорее решится распрощаться со своим председателем, нежели с портье, чьи предки занимали эту должность целые сто лет.

Гарсон распахнул створку двери на верхней площадке и пропустил Бонда в залу. Продолговатая комната была полна людей, однако Бонд сразу заметил М., сидевшего в одиночестве в нише у окна и раскладывавшего пасьянс. Бонд отпустил гарсона и пошел по густому ворсистому ковру, отмечая про себя аромат дорогих сигар, приглушенный говорок, вившийся над тремя столами для бриджа, резкий стук костей, сыпавшихся на какую-то невидимую доску.

— А вот и ты, — проговорил М., завидев Бонда. Он указал на свободное кресло, стоявшее напротив. — Сейчас, только закончу. Этот треклятый пасьянс не дается мне уже несколько месяцев. Выпьешь?

— Нет, благодарю, — отказался Бонд. Он сел, закурил сигарету и с любопытством принялся наблюдать за тем, с какой сосредоточенностью М. перекладывает карты.

«Адмирал сэра М... М... — занимает пост в министерстве обороны». Внешне М. ничем не отличался от завсегдатаев других клубов на Сент-Джеймс-Стрит. Тот же темно-серый костюм, накрахмаленный белый воротничок, неизменный темно-синий галстук, завязанный довольно свободно, тонкий черный шнурок монокля, которым М., похоже, пользуется только тогда, когда читает меню, резко очерченное лицо моряка с ясным, пронизательным взором. С трудом верилось, что всего час назад он разыгрывал партию против врагов Англии с участием тысяч живых фигур, что именно в этот вечер на его совести могла быть чья-то кровь, или удачный взлом, или что именно сейчас его угнетало известие о попытке гнусного шантажа.

А что непредвзятый наблюдатель мог подумать о нем, «коммандере Джеймсе Бонде», тоже «занимавшем ложность в министерстве обороны»? Что-то холодное и угрожающее проглядывает в этом лице. Подтянут и натренирован. Возможно, выполняет определенного сорта работу в Малайе. Или Найроби. А может, борется с «Мау-мау». Суровый посетитель. Среди завсегдатаев «Блейдса» такого встретишь не часто.

Бонд знал, что в его внешности есть что-то от иностранца. Он знал, что такому человеку, как он, сделаться незаметным нелегко. Особенно в Англии. Он повел плечами. Но ведь для него главное быть незаметным за границей. Ему никто не поручит задание в Англии. Вне компетенции разведки. Однако, как бы там ни было, сегодня скрываться ему нужды нет. Сегодня отдых.

М. фыркнул и отложил карты. Бонд машинально взял колоду и так же машинально перетасовал ее в соответствии рекомендациям Скарна, то есть разделил колоду на две части и быстрым движением соединил половинки торцами, приподнимая карты за углы так, чтобы они не отрывались от стола. Выровняв, он отложил колоду.

М. подозвал проходившего мимо лакея.

— Принесите, пожалуйста, карты для пикета, Тэннер, — попросил он.

Лакей исчез и почти тут же появился вновь, неся две тонкие пачки. Сорвав с карт обертку, он положил их вместе с мелкими на стол и приготовился ждать дальнейших распоряжений.

— Мне виски с содовой, — сказал М. — Ты уверен, что ничего не будешь пить?

Бонд взглянул на часы — половина седьмого.

— Я бы, пожалуй, выпил сухой мартини, — сказал он. С водкой и большим куском лимонной цедры.

— Ядерная смесь, — коротко прокомментировал М. заказ Бонда, когда лакей

удалился. — Давай теперь я быстренько обставлю тебя в пикет, а потом сходим посмотрим, как обстоят дела за столами для бриджа. Нашего клиента пока не видно.

С полчаса они провели за игрой, в которой опытный игрок почти всегда имеет шанс победить, даже если ему не идет карта. В конце игры Бонд, смеясь, отсчитал три банкноты по фунту.

— Как-нибудь на днях соберусь с силами и выучусь играть в пикет по-настоящему, — сказал он. — До сих пор мне ни разу не удавалось у вас выиграть.

— Все дело в памяти и умении использовать преимущество, — с удовлетворением пояснил М. Он допил виски. — Пойдем посмотрим, что творится за бриджевыми столами. Наш друг играет за столом Бэзилдона. Пришел минут десять назад. Если что заметишь, кивни, спустимся вниз и потолкуем.

Он стал, Бонд последовал за ним.

Дальний конец залы постепенно заполнялся посетителями, за полудюжиной столов уже кипела игра. Под центральной люстрой, где размещался стол для покера, трое игроков в ожидании еще двух партнеров раскладывали жетоны на пять стопок. По-прежнему пустовал изогнутый в форму человеческой почки стол для баккара, вероятно, так, укрытый чехлом, он простоит до тех пор, пока после ужина его не оккупируют любители «железки».

Пропустив вперед М., Бонд вышел из ниши. Открывшаяся картина радовала глаз — зеленые оазисы столов, звяканье бокалов на подносах снующих между столами лакеев, гул разговоров, прерываемый внезапными восклицаниями и добродушным смехом, голубоватый табачный дым, поднимавшийся сквозь темно-бордовые абажуры, которые нависали над центром каждого из столов. Проходя через залу, Бонд почувствовал, что пульс его участился, ноздри слегка расширились. Наконец, они оба оказались в дальнем конце залы и соединились со всеми.

Прохаживаясь как бы без дела между столами и обмениваясь приветствиями с игравшими, М. и Бонд очутились в конце концов возле последнего стола, рядом с адамовским камином, над которым висел великолепный портрет Дж.Бруммеля работы Лоренса.

— Контра, черт вас дери, — раздался громкий, с примесью злорадства возглас игрока, сидевшего спиной к Бонду, который мог видеть лишь его поросший короткими рыжеватыми волосами затылок. Бонд перевел взгляд влево и увидел сосредоточенный профиль лорда Бэзилдона. Председатель «Блейдса» сидел, откинувшись на спинку кресла, и оценивающе разглядывал карты, которые держал на вытянутой руке, словно музейный экспонат.

— Моя игра столь очевидна, что я вынужден объявить «реконтру», любезный Дракс, — сказал он. Бросив через стол взгляд на своего партнера, он прибавил. — Томми, если что-то выйдет не так, я отвечаю.

— Вздор, — возразил партнер. — А что скажете вы, Мейер? Хорошо бы «опустить» Дракса.

— Только без меня, — отозвался румяный мужчина средних лет, игравший в паре с Драксом. — Пас. — Он взял из бронзовой пепельницы сигару и осторожно вложил ее себе в рот.

— Я тоже пас, — сказал партнер Бэзилдона.

— И я, — раздался голос Дракса.

— Пять трэф реконтра, — объявил Бэзилдон. — Ваш ход, Мейер.

Бонд заглянул через плечо Дракса. На руках у него был туз пик и туз червей. Дракс тут же взял на них и опять зашел с червы, которую партнер Бэзилдона убил королем.

— Отлично, — заметил Бэзилдон. — У вас остается еще четыре козыря плюс дама. Сейчас мы избавим Дракса от нее. — Он импасировал против Дракса, однако

дама оказалась у Мейера, которой тот и взял взятку.

— Проклятие, — воскликнул Бэзилдон. — Откуда эта дама взялась у Мейера? Разрази меня гром. Ладно, остальное мое. — Он выложил карты веером на столе и выжидающе посмотрел на своего партнера. — Ты видел что-нибудь подобное, Томми? Дракс объявляет «контру», а дама оказывается у Мейера. — В его голосе слышалась лишь естественная в такой ситуации досада.

Дракс хохотнул.

— А что, вы полагали, что у моего партнера могут быть только фоски? — с издевкой поинтересовался Дракс. — Еще 400 очков сверху. Вам сдавать. — Он снял карты для Бэзилдона, и игра продолжилась.

Выходит, до этого сдавал Дракс. Это может оказаться немаловажным. Бонд закурил новую сигарету, его сосредоточенный взгляд уперся в затылок Дракса.

Голос М. вывел Бонда из задумчивости.

— Бэзилдон, вы помните моего друга командера Бонда. Вот решили сыграть сегодня пару робберов.

Бэзилдон улыбнулся Бонду.

— Добрый вечер, — поздоровался он, затем, обведя широким жестом руки сидевших за столом, представил, — Мейер, Дейнджерфилд, Дракс. — Трое мужчин на мгновение подняли глаза, и Бонд кивнул всем троим одновременно. — С адмиралом вы все знакомы, — прибавил председатель, приступая к сдаче.

Дракс обернулся в кресле.

— А-а, адмирал, — захохотал он. — Рад видеть вас на борту, адмирал. Выпьете?

— Спасибо, — сказал М. с усмешкой. — Я только что.

Дракс окинул взглядом Бонда, который успел заметить рыжеватую щеточку усов и холодный блеск голубых глаз.

— А вы? — бросил он небрежно.

— Нет, спасибо, — отказался Бонд.

Дракс вновь повернулся к столу и поднял карты. Бонд следил, как его крупные короткие пальцы сортируют их.

Затем, проверяя другую свою версию, Бонд обошел вокруг стола.

Дракс не раскладывал карты по мастям, как делают это другие игроки, он лишь отделил красные от черных и притом не по старшинству, что избавляло его от непрошенных советов докучливых зрителей и не позволяло соперникам, даже если бы они того пожелали, оценить его расклад.

Бонд знал, что этим приемом пользуются только очень опытные игроки.

Отойдя в сторону, Бонд занял место возле камина. Достав сигарету, он прикурил от пламени небольшого обнесенного серебряной сеточкой газового рожка, что торчал рядом с ним прямо из стены, — пережиток тех времен, когда спичек не было еще в помине.

Со своего наблюдательного пункта он прекрасно обозревал карты Мейера, а ступив шаг вправо — и карты Бэзилдона. Ничто не мешало также обзору сэра Хьюго Дракса, и Бонд внимательно следил за ним, делая вид, что интересуется лишь игрой.

Дракс производил впечатление человека, наслаждающегося жизнью. Он был огромен — около шести футов ростом, прикинул Бонд — и невероятно широк в плечах. У него была крупная голова, короткие рыжеватые волосы, разделенные посередине пробором. По обеим сторонам пробора волосы были зачесаны на виски — для того, догадался Бонд, чтобы возможно лучше скрыть участок сморщенной, сверкающей кожи, которая покрывала большую часть правой стороны лица. Правое ухо, сильно отличавшееся от левого, также несло на себе следы пластических операций. Не вполне удался хирургам и правый глаз, который из-за стяжек пересаженной кожи, использованной при восстановлении верхнего и нижнего века,

был заметно больше левого, и кроме того, отливал нездоровой краснотой. Бонд не был уверен, что глаз этот мог закрываться полностью, и решил, что Драксу приходится на ночь накладывать на него повязку.

Чтобы лучше загримировать омерзительные тугие заплаты, занимавшие добрую половину лица, Дракс отпустил густые рыжие усы и бакенбарды, начинавшиеся прямо от мочек ушей. Клочки рыжих волос покрывали также и скулы.

Эта буйная растительность преследовала и еще одну цель. Она была призвана маскировать выдававшуюся от природы верхнюю челюсть и торчавшие вперед зубы. Бонд предположил, что данный физический недостаток мог вполне развиться от детской привычки сосать палец. Усы прятали «лошадиные зубы» надежно, и они обнаруживались лишь тогда, когда Дракс раздражался своим ослиным гогом, что, впрочем, случалось нередко.

В целом же лицо Дракса, с его обильной рыжей растительностью, мощными носом и челюстью и румянцем щек, производило ярмарочное впечатление. Лицо инспектора манежа в цирке, мысленно определил Бонд. Контрастировавшая с ним колючесть и холодность левого глаза только усугубляла сходство.

Развязный, грубый, шумный плебей. Такой приговор вынес бы Бонд, не будь он наслышан о талантах Дракса. Собственно, осенило Бонда, эти манеры Дракса идут, видимо, от его представлений о бонвиванах канувшей в прошлой эпохе Регентства — безобидный маскарад калеки и вдобавок сноба.

Ища разгадку, Бонд обратил внимание на тот факт, что Дракс беспрестанно потел. Несмотря на раскаты грома, эпизодически доносившиеся с улицы, вечер выдался довольно прохладный, однако Дракс то и дело большим пестрым платком вытирал лицо и шею. Он постоянно курил, после дюжины глубоких затяжек гася одну виргинскую сигарету и почти тут же прикуривая другую, которую неизменно доставал из объемистой коробки, лежавшей в кармане его пиджака. Крупные руки, покрытые густой рыжеватой порослью, находились в непрерывном движении — они то перебирали карты, то вертели зажигалку, что лежала перед Драксом рядом с гладким серебряным портсигаром, то тормозили прядку волос на виске, то промокали платком лицо и шею. Время от времени Дракс подносил ко рту палец и жадно вгрызался в ноготь. Даже с расстояния Бонд заметил, что все ногти его были искусаны почти до мяса.

Сами кисти рук были сильны и могучи, однако большие пальцы обращали на себя внимание своей несуразностью, причину которой Бонд понял не сразу. Наконец, он сообразил, что они были неестественно длинны и достигали уровня верхнего сустава указательного пальца.

Изучение внешности Дракса Бонд закончил осмотром одежды, которая отличалась отменным вкусом — темно-синие в тонкую полоску брюки из мягкой фланели, двубортный пиджак с обшлагами, белая шелковая сорочка с накрахмаленным воротничком, неброский галстук в мелкую серо-белую клетку, скромные запонки — судя по виду, от Картье — и простые золотые часы фирмы «Патек Филипп» на черном кожаном ремешке.

Бонд закурил сигарету и сосредоточился на игре, предоставляя подсознанию самостоятельно анализировать подробности внешности Дракса и его поведения, которому он придавал особое значение и которое таило в себе загадку его шулерства, чью природу еще предстояло раскрыть.

Полчаса спустя игроки закончили круг.

— Моя сдача, — властным тоном объявил Дракс. — К концу игры у нас над чертой набегит изрядная сумма. Послушай-ка, Макс, может и ты прикупишь пару-тройку тузов. Не все же мне работать за двоих. — Он сдавал спокойно, без суеты, все время стараясь поддерживать начавший было угасать огонек общего веселья солеными присловиями. — Дьявольски длинный роббер, — пожаловался он

М., сидевшему между Драксом и Бэзилдоном и курившему трубку. — Уж извините, что заставляю вас так долго ждать. Сыграем после ужина пара на пару? Я с Максом против вас с командером как-бишь-его. Как вы сказали его зовут? Хорошо играет?

— Бонд, — сказал М. — Джеймс Бонд. Да, думаю, мы примем ваш вызов. Что скажешь, Джеймс?

Взгляд Бонда был прикован к наклоненной над столом голове и медленно двигавшимся рукам сдававшего. Есть! Попал! Влип, ублюдок. «Светляк». Простейший, нелепейший «светляк», в профессиональной игре не продержавшийся бы и пяти минут. Перехватив взгляд Бонда, М. заметил в его глазах торжествующий блеск.

— Превосходно, — бодро ответил Бонд. — Что может быть лучше.

Он сделал едва заметное движение головой.

— А пока не наступил ужин, покажите мне обещанную «Книгу пари». Вы обещали, что она меня позабавит.

М. кивнул.

— С удовольствием. Идем. Она находится в комнате секретаря. Бэзилдон присоединится к нам позже, угостит коктейлем и поведает, чем закончится эта баталия. — Он встал.

— Закажите что-нибудь по своему вкусу, — отозвался Бэзилдон, кинув мимолетный взгляд на М. — Я спущусь, как только мы разделаемся с нашими противниками.

— Значит, часов в девять, — вставил Дракс, переводя взгляд с М. на Бонда. — Покажите ему то пари про девиц на воздушном шаре. — Он отнял карты от стола. — Похоже, когда-нибудь я выиграю все деньги на свете, — сказал он, едва заглянув в карты. — Три без козыря. — Он метнул в Бэзилдона взгляд триумфатора. — Посмотрим, что вам удастся со мной сделать.

Выходивший из залы следом за М. Бонд уже не услышал ответ Бэзилдона.

Они молча спустились по лестнице и так же молча прошли в кабинет секретаря. В комнате было темно. М. включил свет и сел во вращающееся кресло за заваленный бумагами стол. Бонд подошел к пустому камину и стал доставать сигарету, М. повернулся к нему в кресле.

— Ну что? — спросил М., поднимая на Бонда глаза.

— Все в порядке. Он действительно прибегает к недозволенным приемам.

— Ага, — голос М. казался безразличным. — И каким же образом?

— В момент сдачи, — объяснил Бонд. — Вы обратили внимание на тот серебряный портсигар, что лежит перед ним вместе с зажигалкой? Он никогда не берет оттуда сигареты. Не хочет оставлять «пальчики» на поверхности. Крышка не имеет рисунка и отполирована до блеска. Во время сдачи она почти полностью прикрыта картами и его большими ладонями. Он никогда не отводит руки от портсигара. Раскладывает карты на четыре стопки прямо перед собой. Каждая карта отражается в крышке портсигара. Точно так же, как если бы это было зеркало, хотя с виду абсолютно безобидно. Он опытный делец и, естественно, обладает великолепной памятью. Помните, я рассказывал о «светляках»? Так вот, это один из вариантов. Не удивительно, что ему удаются все эти его невероятные прорезки. С той контрой, которую мы с вами наблюдали, тоже все просто. Он знал, что у партнера есть дама с прикрышкой. При двух тузах его контра была обречена на успех. В остальное время он играет наравне со всеми. Однако знание расклада каждой четвертой раздачи дает гигантское преимущество. Понятно, почему он всегда в выигрыше.

— Но почему же никто этого не замечает? — спросил М.

— При сдаче вполне нормально смотреть на карты, — ответил Бонд. — Так делают все. В добавок он отвлекает внимание своими шумными выходками, куда

более шумными, нежели тогда, когда сдают другие. Видимо, у него прекрасно развито периферийное зрение, которое так ценится нашей медицинской комиссией. Необычайно широкий угол обзора.

Дверь отворилась, и вошел Бэзилдон. Его распирали гнев. Он с шумом захлопнул дверь.

— Черт бы побрал этого Дракса, — взорвался он. — Мы с Томми могли бы взять четыре в черву, если бы решили играть. У них всего-то было — туз в червах, шесть взяток в трефах с тузом, король бубен и несколько фосок в пиках. Уму непостижимо, как он осмелился объявить «три без козыря». — Он немного пришел в себя. — Ну как дела, Майлс, — поинтересовался он, — удалось вашему другу подобрать ключ к загадке?

М. сделал знак Бонду, и тот повторил свой рассказ Бэзилдону.

По мере того, как Бонд говорил, лицо лорда Бэзилдона становилось все мрачнее.

— Проклятие, — взорвался он, когда Бонд кончил. — Какого дьявола ему это нужно? Чертов миллионер. Купается в деньгах. Славный скандальчик нам светит. Я просто обязан обо всем доложить правлению. Мы не знали случаев шулерства со времен войны четырнадцатого года. — Он принялся мерить шагами кабинет. Однако стоило ему вспомнить значение Дракса, как проблема клуба отошла на второй план. — Говорят, будто эта его ракета вскоре будет готова. Он приезжает сюда раз-другой в неделю для разрядки. Черт возьми, он ведь национальный герой! Какой ужас.

Сознание ответственности отчасти умерило ярость Бэзилдона. Он обратился к М.

— Что мне делать, Майлс? Он выиграл в клубе не одну тысячу, а другие соответственно проиграли. Взять хотя бы сегодня. Мой проигрыш — Бог с ним. Но как быть Дейнджерфилду? Я тут случайно узнал, что в последнее время у него были на бирже какие-то финансовые неприятности. По всей вероятности, я не вправе держать правление в неведении. Я обязан сделать это... кем бы Дракс ни был. Вы представляете, чем все это обернется. В правлении десять человек, обязательно кто-нибудь проболтается. И тогда — катастрофа. Повсюду твердят, что «Мунрейкер» не может существовать без Дракса, газеты трубят, что все будущее страны безраздельно зависит от этой штуковины. Дьявольски запутанная ситуация. — Помолчав, он бросил полный надежды взгляд сперва на М., потом на Бонда. — Видите ли вы хоть какой-нибудь выход?

Бонд смял окурки.

— Его можно остановить, — негромко проговорил он. — Но только в том случае, — прибавил он с едва заметной усмешкой, — если вы позволите мне воспользоваться его же собственным оружием.

— Поступайте, как знаете, — безнадежно махнул рукой Бэзилдон. — Что вы намерены сделать?

Уверенность Бонда зажгла в глазах Бэзилдона огонек надежды.

— А вот что, — сказал Бонд. — Я мог бы дать ему понять, что он уличен, и вместе с тем как следует проучить его на его же игре. Разумеется, заодно с ним пострадает и Мейер. Возможно, как партнер Дракса он понесет солидные убытки. Для вас это имеет значение?

— Ничего, пусть это послужит ему уроком, — ответил Бэзилдон, переполненный вспыхнувшей внезапно надеждой и готовый ухватиться за любое решение. — Он у Дракса на буксире. Вместе с ним он немало выиграл. Вы, кстати, не думаете...

— Нет, — сказал Бонд. — Уверен, он и понятия не имеет о том, что происходит. Отдельные заявки Дракса шокируют и его. А вы, сэр, — обернулся он к М., — ничего не имеете против?

М. задумался. Посмотрел на Бэзилдона. Сомнения отпустили его.

Он перевел взгляд на Бонда.

— Хорошо, — сказал он. — Чему быть, того не миновать. Хотя я и не в восторге от этого плана, но вполне разделяю точку зрения Бэзилдона. Если, конечно, ты берешься все сделать сам, — он улыбнулся, — и мне не придется доставать карты из рукава. Тут я не специалист.

— Не придется, — заверил его Бонд. Он сунул руки в боковые карманы пиджака и коснулся шелковых платков. — Я думаю, все у нас получится. Единственное, что мне понадобится, — это две колоды использованных карт с разными рубашками и десять минут на подготовку в этой комнате.

5. Ужин в «Блейдсе»

Было восемь часов, когда М. и сопровождавший его Бонд покинул игорную залу и, миновав лестничную площадку, перешли сквозь высокие двери в роскошную, отделанную в стиле эпохи Регентства, бело-золотую клубную столовую.

М. предпочел не услышать приглашение Бэзилдона, сидевшего во главе центрального стола, где еще оставалось два свободных места. Вместо этого он твердой походкой пересек столовую, подошел к последнему — шестому по счету — столику в одном из рядов и жестом предложил Бонду садиться в удобное кресло, из которого открывался вид на всю залу. Сам М. сел слева от Бонда спиной к зале.

Старший стюард уже стоял позади Бонда. Он положил один экземпляр меню возле его тарелки, другой протянул М. Сверху меню изящным золотым шрифтом было выведено — «Блейдс». Под надписью тянулся длинный перечень блюд.

— Если не знаешь, что заказать, не утруждай себя чтением всего списка, — посоветовал М. — Одним из первейших и, надо отдать должное, одним из лучших правил клуба было такое: любой член клуба вправе заказать любое блюдо — дорогое ли, дешевое — но при этом обязан заплатить. Эта правило действует и поныне, с той лишь разницей, что теперь не нужно платить, просто закажи что-нибудь по своему вкусу. — Он поднял глаза на стюарда. — Осталась ли еще белужья икра, Портерфилд?

— Да, сэр. На прошлой неделе у нас был свежий завоз.

— Хорошо, — сказал М. — Тогда мне икру. Жареные почки с пряностями и кусок вашего превосходного бекона. Горошек с молодым картофелем. Земляника в вишневом ликере. А что будешь ты, Джеймс?

— Я неравнодушен к по-настоящему хорошей копченой семге, — сказал Бонд, затем продолжал по меню. — Бараньи котлеты. Сейчас май, значит, те же овощи, что и вам. Спаржа с беарнским соусом — отлично. И я бы не отказался от кусочка ананаса. — Он откинулся на спинку кресла и отложил меню.

— Приятно иметь дело с человеком, который знает, что он хочет, — заметил М. и поднял взгляд на стюарда. — У вас есть все это, Портерфилд?

— Да, сэр. — Стюард улыбнулся. — Может быть, вы, сэр, желаете, чтобы после клубники я подал вам мозговую кость? Сегодня мы получили полдюжины свежих, и я специально припас одну на случай, если вы к нам пожалуете.

— Ну разумеется. Вам ведь известно, что от этого я отказаться не в силах. Следовало бы, конечно, себя ограничивать, но ничего не могу с собой поделать. Не знаю уж, по какому случаю нынче праздник, но все же это бывает не часто. Попросите, пожалуйста, Гримли.

— Он уже здесь, сэр, — сказал стюард, уступая место хранителю вин.

— А-а, Гримли, пожалуйста, водки. — Он обернулся к Бонду. — Это, поверь мне, не та бурда, которую мешали тебе в коктейль. Это настоящий «Вольфшмидт», еще довоенный, из Риги. Выпьешь немного под копченую семгу?

— С удовольствием, — сказал Бонд.

— А что кроме водки? — спросил М. — Шампанское? Лично я собираюсь угоститься половиной бутылки кларета. «Мутон Ротшильд» урожая 34 года, Гримли. Однако не обращай на меня внимание, Джеймс. Я старик, и шампанское мне не впрок. Но у нас ведь есть хорошее шампанское, Гримли? Правда, боюсь, не того сорта, о котором ты постоянно толкуешь, Джеймс. В Англии он редкость. Кажется, «Тейттинджер»?

Изумленный памятью адмирала, Бонд улыбнулся.

— Совершенно верно, — признался он, — однако, это лишь всего-навсего моя маленькая причуда. Правда, сегодня в силу определенных причин я бы действительно выпил шампанского. Пусть Гримли сам подберет что-нибудь на свой вкус.

Хранитель вин был польщен.

— Осмелюсь рекомендовать вам, сэр, «Дом Периньон» урожая 46 года. Если не ошибаюсь, сэр, Франция поставляет его только за доллары, поэтому в Лондоне его встретишь не часто. По-моему, мы получили его в подарок от нью-йоркского клуба «Ридженси», сэр. Это любимая марка нашего председателя, и по его распоряжению я всегда держу это шампанское наготове.

Свое согласие Бонд выразил улыбкой.

— Значит, пусть будет «Дом Периньон», Гримли, — подвел итог М. — И несите его прямо сейчас.

Появилась официантка и поставила на столик корзинку с тостами и блюдец с джерсийским маслом. В тот момент, когда она наклонилась над столом, ее черная юбка коснулась руки Бонда. Бонд поднял взгляд и увидел над собой два дерзко сверкающих глаза, что разглядывали его из-под мягкой челки. На какой-то миг девушка задержала взгляд, а затем удалилась в противоположный конец продолговатой залы. Бонд посмотрел ей вслед, его взор скользнул по белоснежному изгибу талии, крахмальному воротничку и обшлагам униформы. Его глаза сузились. Он вспомнил девушек из одного довоенного заведения в Париже, одетых вот с такой же возбуждающей строгостью, которая моментально улетучивалась стоило только им повернуться спиной.

Он улыбнулся. Закон Марты Ричардс переменял все.

Кончив изучать соседей позади, М. повернулся к Бонду.

— А теперь просвети-ка меня, почему это тебе так необходимо сегодня пить шампанское?

— С вашего позволения, сэр, — объяснил Бонд, — я должен выпить сегодня несколько больше обычного. К определенному моменту мне нужно казаться здорово охмелевшим. А если ты лишен актерского таланта, то симитировать это непросто. Надеюсь, вам не придется беспокоиться, когда какое-то время спустя я окажусь малость не в себе.

М. пожал плечами.

— Не наговаривай на себя, Джеймс, — сказал он. — Пей столько, сколько считаешь нужным. А вот и водка.

Как только М. на три пальца наполнил из запотевшего графина рюмку Бонда, Бонд взял щепотку черного перца и высыпал в водку. Перец медленно осел на дно, оставив несколько зерен на поверхности, которые Бонд удалил кончиком пальца. Затем, запрокинув голову, он плеснул студеную жидкость в глотку и опустил рюмку с остатками перца на дне на стол.

М. бросил на Бонда полный иронического любопытства взгляд.

— Этому трюку меня научили в России, когда я работал при нашем посольстве в Москве, — объяснил Бонд. — На поверхности водки часто скапливается много сивушных масел, особенно если водка плохо очищена. Они крайне токсичны. В

России, где спиртное потребляют в больших количествах, бросить в стакан щепотку перца вещь обычная. Вдобавок, мне нравится такой вкус, да и это вошло у меня в привычку. Но, конечно, не стоило оскорблять клубный «Вольфшмидт» подобным варварством, — добавил он с тонкой усмешкой.

М. недовольно заворчал.

— Пустяки, только не сыпь перец в любимое шампанское Бэзилдона, — произнес он сухо.

За столом в дальнем конце столовой раздался взрыв грубого, жеребьячьего гогота. М. бросил взгляд через плечо и вновь принялся за икру.

— Что ты думаешь об этом Драксе? — спросил он, откусывая кусок намазанного маслом тоста.

Бонд положил себе еще копченой семги со стоявшего перед ним серебряного блюда. Рыба была нежна. Бонд никак не мог оторваться от нее. Семгу таких исключительных качеств умеют разводить лишь в горной Шотландии, скандинавская не идет с ней ни в какое сравнение.

— Естественно, его манеры оставляют желать лучшего. Поначалу я даже удивился, как вы его здесь терпите. — Бонд заметил, как пожал плечами М. — Однако это не мое дело, и к тому же, что это за клуб, где нет своего эксцентрика? Ну и конечно, он национальный герой, миллионер и явно недурной игрок. Даже когда прибегает к помощи недозволенных приемов, — прибавил он. — Однако в остальном он именно такой человек, каким я себе его представлял. Полный жизни, безжалостный, неуправляемый. Очень волевой. Меня нисколько не удивляют его успехи. Единственное, что я не в силах понять, так это почему он с такой легкостью идет на риск. Я имею в виду его жульничество. Это не укладывается ни в какие рамки. Что он хочет этим доказать? Что может позволить себе плевать на все и на всех? Он вкладывает в игру столько страсти, что может показаться, будто это и не игра вовсе, а ристание. Достаточно взглянуть на его ногти. Они изгрызены до живого мяса. И он сильно потеет. В нем таится некое подспудное напряжение, которое находит выход в его идиотских шуточках. Они чудовищно грубы. В них нет легкости. Мне показалось, что он хотел раздавить Бэзилдона как муху. Даже со своим партнером он обращается так, словно не видит его в упор. Само собой, он мне еще никак не насолил, однако я бы с удовольствием наступил ему на хвост. — Взглянув на М., он улыбнулся. — Если, конечно, получится.

— Понимаю, — сказал М. — Однако не кажется ли тебе, что ты предъявляешь к нему слишком высокие требования. В общем-то, он сделал огромный шаг вперед, из ливерпульского, что ли, дока к своему нынешнему положению. В нем нет ни грани снобизма. Думаю, товарищи по доку считали его таким же несносным. А что касается его пристрастия к нечестной игре, то это, по-видимому, объясняется душевной ущербностью. Убежден, шагая по лестнице вверх, он срезал немало острых углов. Кто-то сказал, для того чтобы очень разбогатеть, человеку требуется благоприятное стечение обстоятельств и полоса непрерывного везения. Чтобы стать богатым недостаточно личных качеств. Так, по крайней мере, подсказывает мне опыт. В самом начале, когда он сколачивал лишь первый десяток тысяч, или первую сотню, все должно было идти как по маслу. А в послевоенной коммерции со всеми тогдашними правилами и ограничениями дело, вероятно, не обошлось без того, чтобы сунуть тыщонку-другую в нужную лапу. Чиновнику. Тому, кто разумеет лишь сложение, деление... и молчание.

Пока происходила смена блюд, М. молчал. Подали шампанское в серебряном ведре со льдом для Бонда и полбутылки кларета в маленькой плетеной корзиночке для М.

Подождав, пока поданное вино будет по достоинству оценено, хранитель вин удалился. В этот момент к их столу подошел гарсон.

— Коммандер Бонд? — осведомился он.

Взяв протянутый конверт, Бонд надорвал его. В конверте лежал тонкий бумажный пакетик, который он осторожно, не поднимая над столом, вскрыл. Внутри пакетика был белый порошок. Взяв со стола серебряный нож для фруктов, он запустил кончик лезвия в пакетик и подцепил примерно половину содержимого. Затем, протянув руку с ножом к бокалу с шампанским, он высыпал порошок в шампанское.

— Что это? — нетерпеливо спросил М.

На лице Бонда не было и намека на извинения. Его, а не М. ждала сегодняшним вечером работа. Бонд знал, что делал. Всякий раз, когда предстояло дело, он с филигранной тщательностью готовился к нему заранее, стараясь свести к минимуму опасность риска. И если что-нибудь шло не по-плану, то следовательно, это нельзя было предусмотреть и он за это не отвечал.

— Бензедрин, — сказал он. — Перед ужином я позвонил своей секретарше и попросил ее стащить для меня немного порошка из штабной медчасти. Он необходим мне, если я хочу сохранить ясную голову. Правда, он способен вызвать некоторую переоценку сил, но, думаю, это не помешает. — Он взболтал вино квочкой от тоста, и белый порошок растворился в вихре пузырьков. Затем он осушил бокал одним медленным глотком.

— Порошок не имеет вкуса, — добавил Бонд. — А шампанское в самом деле великолепно.

М. снисходительно улыбнулся.

— Это твои заботы, — сказал он. — Однако продолжим ужин. Как котлеты?

— Замечательные, — оценил Бонд. — Буквально тают во рту. Нет ничего лучше в мире, чем хорошая английская кухня, особенно в это время года. Кстати, по какой ставке мы будем играть? Если по-крупной, я не против. Ведь мы обязаны победить. Но хотелось бы знать, сколько эхо будет стоить Драксу?

— Дракс предпочитает играть по системе «один и один», — сказал М., накладывая себе порцию земляники, которую только что принесли. — Если тебе невдомек, какой суммой это может обернуться, ставка кажется скромной. На деле же это означает десять фунтов за сотню и тысяча за роббер.

— Ого, — уважительно отозвался Бонд. — Понимаю.

— Но он с удовольствием согласится играть и по «два и два» и по «три и три». Результат возрастает соответственно. Средний роббер в «Блейдсе» стоит примерно десять очков. При системе «один и один» это двести фунтов. А мы здесь садимся не ради одного роббера. У нас нет специальных ограничительных правил, поэтому много азарта и блефа. Иногда даже кажется, будто играешь в покер. Игроки самые разные. Некоторые входят в число лучших бриджистов Англии, другие едва в состоянии отличить карту от карты. Эти играют, не взирая на потери. Генерал Били, что сидит сразу за нами, — М. сделал короткий жест головой, — так тот вообще не в силах отличить красную масть от черной. Почти каждую неделю выкладывает из кармана по несколько сотен. Ему, похоже, терять нечего. Сердце шалит. Живет один. Гребет деньги лопатой на торговле джутом. А вот, к примеру, Дафф Сатерленд — растрепанный тип, что сидит рядом с председателем — так он форменный «убийца». В год «зарабатывает» в клубе твердых десять тысяч. Прекрасный бриджист. За стадом ведет себя безукоризненно. Когда-то выступал на шахматных турнирах за Англию.

Подали мозговую кость, и М. замолчал. Кость, обернутая безупречно белой кружевной салфеткой, стояла вертикально на серебряной тарелочке. Рядом лежал изящный серебряный прибор.

После спаржи Бонд был уже не в силах притронуться к тонким ломтям ананаса. Он вылил остатки холодного шампанского в бокал. Он был на верху блаженства.

Бензедрин и шампанское лишь подчеркивали прелесть пищи. Впервые за вечер Бонд отвлекся от еды и разговора с М. и обстоятельно осмотрелся.

Его взору открылась изумительная картина. В зале собралось около пятидесяти человек, большинство в смокингах, все знали друг друга накоротке и, возбужденные отменной едой и напитками, чувствовали себя как дома. Всех объединяла общая страсть — игра по-крупной, «большой шлем», стакан для костей... Вероятно, были тут и шулеры — или возможные шулеры, — и мужья, бьющие своих жен, и люди с низменными страстями, и скопидомы, и трусы, и лжецы, однако блеск залы придавал каждому аристократический лоск.

В дальнем конце залы, над столом с холодными закусками, ломившемся от омаров, пирогов, окороков и заливных деликатесов, висел незавершенный портрет миссис Фитцджеральд кисти Ромни, которая с раздражением взидала на разворачивавшуюся напротив «Игру в карты» Фрагонара — эта жанровая картина занимала собой все пространство стены над адамовским камином. На продольных стенах, в по периметру которых бежал золотой бордюр, висели редчайшие гравюры из серии «Клуб адского пламени», на которых каждый изображенный персонаж делал скрытый жест, имевший скатологическое или мистическое значение. Поверху, соединяя стены с потолком, тянулся алебастровый фриз с рельефом из плавно очерченных урн и венков, чередовавшихся через определенные интервалы с ребристыми пилястрами, между которыми были прорезаны окна и высокие створчатые двери, последние украшала тонкая резьба, рисунок которой представлял тюдоровскую розу с вплетенными в нее лентами.

Центральная люстра, выполненная в виде каскада хрустальных нитей, оканчивавшихся широкой корзиной ситцевых сборок, мерцала теплым светом над белыми камчатыми скатертями и столовым серебром эпохи Георга IV. Под ней, в центре каждого стола-стояли трехзубые подсвечники, рассеивавшие золотистый свет свечей. На каждом из подсвечников был надет красный шелковый абажур, отчего лица сидевших за столами окрашивались пиршественным теплом, которое стусевывало и редкий холодный взгляд и коварную усмешку.

Пока Бонд смаковал теплую изысканность царившей вокруг атмосферы, ужинавшие уже начали постепенно разбиваться на группки. Люди потихоньку потянулись к дверям, договариваясь на ходу о составляющихся парах, торопя партнеров занять место за столом. Сэр Хьюго Дракс, лицо которого светилось предвкушением забавы, в сопровождении Мейера подошел к ним.

— Ну что, джентльмены, — жовиально заклокотал он, приблизившись к их столику. — Готовы ли наши ягнятки отправиться на бойню, а гуси в ошип? — Он осклабился и кровожадно провел пальцем по горлу. — Мы пойдем вперед и приготовим корзину с опилками. Господа уже составили завещания?

— Мы присоединимся к вам через секунду, — резко ответил М. — А вы ступайте и подтасуйте карты.

Дракс заржал.

— Нам искусственная помощь не требуется, — сказал он. — Постарайтесь поскорее. — Он повернулся и зашагал к двери. Мейер, одарив их растерянной улыбкой, устремился за вожаком.

М. негодуя хмыкнул.

— Кофе и бренди придется пить в игровой зале, — сказал он Бонду. — Здесь курить нельзя. И вот что. Будут какие-нибудь указания?

— Прежде чем прикончить его, нужно как следует «подкормить», поэтому не волнуйтесь, если поначалу я отдам инициативу ему в руки, — сказал Бонд. — До поры до времени будем играть в обыкновенную игру. На его сдачах надо быть особенно начеку. Он, разумеется, не сможет подменить карты и не обязательно будет сдавать плохие, но, однако, не упустит возможности нанести несколько

чувствительных ударов. Не возражаете, если я сяду слева от него?

— Ничуть, — ответил М. — Что еще?

Бонд на мгновение задумался.

— Только одно, сэр, — предупредил он. — Когда настанет решающий момент, я достану из кармана белый платок. Это знак, что вам сданы одни фоски. И тут я попрошу вас предоставить сделать заявку мне.

6. Бридж с незнакомцем

Дракс и Мейер уже ждали. Откинувшись на спинки кресел, они курили толстые гаваны.

Рядом с ними на маленьком столике стояли чашечки с кофе и объемистые пузатые рюмки с бренди. В момент, когда М. и Бонд вошли, Дракс срывал обертку со свежей колоды карт. Другая, выложенная веером на зеленом сукне колода лежала перед ним.

— А-а, вот и вы, — проговорил Дракс. Подавшись вперед, он потянул карты. Все последовали его примеру. Карта Дракса оказалась старшей, и он, решив не менять своего места, взял в руку колоду с красной рубашкой.

Бонд сел слева от Дракса.

— Кофе и клубный бренди, — попросил М., подзвав проходившего мимо официанта. Затем он достал две тонкие черные сигары, одну из которых взял себе, а другую протянул Бонду. Наконец, взяв карты, он начал их тасовать.

— Каковы будут ставки? — поинтересовался Дракс, бросив взгляд на М. — «Один и один»? Или больше? Могу предложить также «пять и пять».

— Для меня в самый раз «один и один», — сказал М. — А для тебя, Джеймс?

— Полагаю, ваш гость в курсе, зачем он здесь, — встрял Дракс, не дав Бонду раскрыть рта.

— Да, — коротко ответил за М. Бонд и, улыбнувшись, прибавил. — Сегодня я великодушен. Сколько бы вы хотели с меня получить?

— Все до последнего пенса, — обнаглел Дракс. — Сколько вы можете заплатить?

— Когда у меня ничего не останется, я скажу, — парировал Бонд. Он решил вдруг быть беспощадным. — Я слышал, что ставка «пять и пять» ваш предел. Я готов играть на этом пределе.

Не успел он произнести эти слова, как тут же пожалел о них. Пятьдесят фунтов стерлингов за сто очков! Пятьсот фунтов премиальных! Четыре неудачных роббера кряду, и сумма проигрыша в два раза превысит его годовой доход. Если что-то пойдет не по сценарию, то он попадет в довольно-таки дурацкое положение. Придется одалживаться у М. Но М. и сам не больно богат. Внезапно Бонд осознал, что вся эта нелепая затея может закончиться весьма скверно. Бонд почувствовал, что у него на лбу выступили капельки пота. Проклятый бензедрин. И в довершение всего быть наказанным таким болтливым ублюдком, как Дракс. И даже не на задании. Весь этот вечер ни что иное как крошечная сценка в грандиозном спектакле под названием «светская жизнь», до которой ему нет никакого дела. Даже М. оказался втянутым в него благодаря лишь чистой случайности. А он. Бонд, ни с того ни с сего кидается очертя голову в поединок с мультимиллионером, в игру, где на карту поставлено буквально все его состояние, и лишь по той причине, что у сидевшего рядом с ним человека отвратительные манеры и он вызвался его проучить. А как быть, если урок сорвется? Бонд проклинал себя за этот порыв, который днем невозможно было представить. Шампанское с бензедрином! Нет, хватит.

Дракс смотрел на него с саркастическим недоверием, затем обернулся к М., который все так же невозмутимо тасовал карты.

— Похоже, ваш гость мастер раздавать авансы, — произнес он без снисхождения.

Бонд заметил, что лицо и шея М. покрылись красными пятнами. На мгновение адмирал прервал свое занятие. Когда он возобновил его вновь, Бонд обратил внимание, что руки его абсолютно спокойны. М. поднял глаза и, разжав зубы, медленно вынул изо рта сигару. Он полностью владел собой.

— Если вам угодно знать, могу ли я поручиться за авансы моего друга, — без тени улыбки проговорил он, — то мой ответ «да».

Левой рукой М. сдвинул протянутые Драксом карты, а правой стряхнул пепел с сигареты в медную пепельницу, что стояла на углу стола. Бонд услышал слабое шипение, которое издала горячая зола, соприкоснувшись с водой на дне пепельницы.

Прищурившись, Дракс украдкой посмотрел на М., затем поднял карты.

— Конечно, конечно... — торопливо заискивая он. — Я не хотел... — Не договорив, он обернулся к Бонду. — Я согласен, — сказал он, с любопытством разглядывая Бонда. — Значит, «пять и пять». Мейер, — обратился он к партнеру, — сколько запросишь ты? Может, поднимемся до «шести»?

— Что ты, Хаггер, мне хватит и «одного», — извиняющимся тоном запротестовал Мейер. — Но если ты сам этого хочешь...

— Ладно, ладно, — смилостивился Дракс. — Я люблю играть по-крупной. Правда, это редко удается. Ну что ж, — начал он сдавать. — Поехали.

И вдруг Бонду стало совершенно наплевать, какова будет цена ставки. Он желал лишь одного — как следует проучить этого заросшего щетиной дикаря, наказать его так, чтобы он до конца дней своих помнил этот последний вечер в «Блейдсе», когда он посмел пойти на обман, помнил Бонда и М., помнил точное время суток, и погоду на улице, и блюда, которые ел на ужин.

О «Мунрейкере», несмотря на всю его значимость. Бонд забыл и думать. В данный момент решалось частное дело двух мужчин.

Перехватив фальшиво небрежный взгляд Дракса, направленный на лежащий перед ним портсигар, и почувствовав, как холодная память соперника фиксирует каждую карту, отражающуюся на гладкой поверхности. Бонд избавился от всех своих сожалений, отбросил все упреки за возможную расплату, которыми осыпал себя, и целиком сосредоточился на игре. Он удобнее уселся в кресле, опустив руки на обтянутые кожей подлокотники. Потом, вынув изо рта тонкую сигару, положил ее на край отполированной до блеска медной пепельницы, стоявшей рядом, и потянулся за кофе. Кофе был очень черный и очень крепкий. Выпив чашку, он взялся за пузатую рюмку с щедрой порцией бледного бренди. Сделав небольшой глоток, он следом сделал другой, более долгий, глядя поверх рюмки на М. Тот поймал взгляд и слегка улыбнулся.

— Надеюсь, бренди придется тебе по вкусу, — сказал он. — Его доставляют к нам из имения Ротшильда в Коньяке. Лет сто тому назад один из Ротшильдов завещал, чтобы нам ежегодно посылали бочонок бренди. Пока шла война, наши бочонки копились, а потом в сорок пятом их прислали все сразу. С тех пор мы пьем бренди в двойном количестве. А сейчас, — он собрал свои карты, — нам нужно сосредоточиться.

Бонд поднял карты. «Рука» была средняя. Две-три бесспорные взятки, масти распределены равномерно. Он взял сигару и, затянувшись напоследок, замял окурки в пепельнице.

— Три в трефах, — объявил Дракс.

Бонд пропасовал.

Мейер заявил «четыре».

М. сказал «пас».

Гм, подумал Бонд. На сей раз, похоже, у него недостаточно сильная карта для

такой заявки. Исключающая заявка — знает, что партнер будет повышать. Наверное, у М. превосходная карта для игры. Вероятно, мы могли бы поделить между собой, к примеру, все червы. Но М. не объявил игру. Значит, «четыре» они сыграют.

Они действительно сыграли, сделав прорезку через Бонда. Выяснилось, что червей у М. не было, а была длинная бубна без короля, который оказался на руке Мейера и мог быть выбит. У Дракса едва хватало масти на «три». Все остальные трефы имел Мейер.

Ничего, думал, сдавая, Бонд, хорошо, что хоть избежали заявки на игру.

Удача не оставила их. Бонд объявил «два без козыря», затем с помощью М. поднял до «трех», и они благополучно отыграли, взяв даже одну взятку лишнюю. Потом, на сдаче Мейера, они не добрали взятку на «пяти в бубну», но на следующей сдаче М., с помощью трех младших козырей и марьяжа Бонда взял «четыре в пику».

Первый роббер остался за М. и Бондом. Дракс заметно нервничал. Он уже потерял девятьсот фунтов, и карта, похоже, не шла.

— Продолжим? — спросил он. — Пересаживаться, наверное, не имеет смысла.

М. с улыбкой глянул на Бонда. Оба подумали об одном и том же. Итак, Дракс хочет сохранить сдачу за собой. Бонд пожал плечами.

— Не возражаю, — разрешил М. — Кажется, эти места приносят нам удачу.

— Пока, — заметил Дракс, приободрившись.

И не без основания, поскольку тут же он и Мейер объявили и сыграли «малый шлем» в пиках, для которого потребовались два фантастических импаса, оба исполненные Драксом после тщательно разыгранного спектакля с долгими колебаниями, вздохами облегчения и возгласами восторга.

— Ты просто бесподобен, Хаггер, — льстиво воскликнул Мейер. — Невероятно, как тебе это удается?

И тогда Бонд решил пустить пробный шар.

— Память, — сказал он.

Дракс резко вздернул голову.

— Что вы хотите этим сказать? — насторожился он. — Какое отношение имеет память к импасам?

— И игровая интуиция, хотел я добавить, — успокоил его Бонд. — Ведь именно эти два качества делают из игрока мастера.

— А-а, — медленно произнес Дракс. — Да, конечно. — Он сдвинул протянутую Бондом колоду. Сдавая, Бонд чувствовал на себе изучающий взгляд противника.

Игра шла довольно ровно. Карты приходили так себе, и никто не хотел рисковать. М. объявил, и успешно, «контру» против Мейера на неосторожной заявке «четыре в пику» и записал призовые, однако на следующей сдаче Дракс сделал железные «три без козыря». Таким образом выигрыш Бонда в первом роббере был компенсирован, и притом с лихвой.

— Кто-нибудь хочет выпить? — спросил М., сдвигая карты для Дракса перед началом третьего роббера. — Джеймс. Еще шампанского. Вторая бутылка всегда лучше первой.

— С удовольствием, — ответил Бонд.

Появился официант. Остальные заказали виски с содовой.

Дракс обернулся к Бонду.

— Не мешало бы немного оживить игру, — предложил он. — Сейчас мы сделаем еще одну сотенку. — Он закончил сдавать, карты аккуратными стопками лежали в центре стола.

Бонд посмотрел на Дракса. Изувеченный глаз отливал краснотой. Другой глаз был холоден, суров и полон презрения. С обеих сторон крупного орлиного носа блестели капельки пота.

«Уж не пронюхал ли он, что его сдача взята под подозрение», — подумал Бонд,

но решил оставить Дракса во власти сомнений. Лишившись сотни фунтов. Бонд получил теперь прекрасный повод позже повысить ставку.

— На вашей сдаче? — спросил он с улыбкой. — Ну что ж, — продолжил он, как бы взвешивая шансы на воображаемых весах. — Согласен. — Ему пришла в голову мысль. — Но то же самое я обещаю вам на своей сдаче. С вашего позволения, — прибавил он.

— Хорошо, хорошо, — заторопился Дракс. — Если вам так не терпится отыгаться.

— Вы так уверены в своем успехе именно на этой сдаче, — безразлично отмахнулся Бонд, поднимая со стола карты. Карты оказались хуже некуда, и ему ничего не оставалось делать как объявить «контру» в ответ на «один без козыря» Дракса. Однако на партнера Дракса этот блеф не возымел никакого действия. Мейер объявил «два без козыря», и Бонд облегченно вздохнул, когда М., недолго думая, сказал «пас». Дракс не стал поднимать выше «двух без козыря» и благополучно сыграл заявку.

— Благодарю, — сказал с издевкой Дракс и аккуратно записал очки. — Посмотрим, удастся ли вам отыгаться.

К вящей досаде Бонда отыгаться ему не удалось. Карта по-прежнему шла к Мейеру и Драксу, они сыграли «три в червах» и завершили гейм.

Дракс был доволен собой. Сделав глубокий глоток виски с содовой, он отер лицо пестрым платком.

— Господь помогает сильнейшим, — сказал он, смеясь. — Нужно не только уметь играть, но еще и иметь чем играть. Хватит или еще?

Бонду принесли шампанское, и теперь оно стояло возле него в серебряном ведерке. Рядом, на маленьком столике, стоял наполненный на три четверти бокал. Бонд взял его и, словно желая набраться храбрости, осушил. Затем вновь наполнил.

— Хорошо, — хрипло проговорил он. — Сотня на две следующие раздачи.

И тут же проиграл обе, а вместе с ними и роббер.

Вдруг Бонд понял, что потерял уже почти полторы тысячи фунтов. Он выпил еще бокал.

— Я думаю, будет проще, если в следующем роббере удвоим ставку, — выпалил он. — Вы не против?

Дракс сдал и теперь изучал свои карты. Его губы были влажны предвкушением. Он пристально посмотрел на Бонда, который, казалось, с трудом прикуривал сигарету.

— Идет, — быстро сказал он. — Сто фунтов за сотню и тысячу за роббер. — Дракс понял, что может теперь позволить себе толику спортивного азарта. Вряд ли теперь Бонд найдет в себе силы отказаться от пари. — Однако, похоже, у меня здесь имеется несколько счастливых билетов, — прибавил он. — Вы готовы?

— Да, да, — сказал Бонд, неловко подбирая карты. — Ведь я же сам предложил пари.

— Хорошо, — сказал Дракс удовлетворенно. — У меня — три без козыря.

И сыграл «четыре».

Наконец, к радости Бонда, и ему улыбнулась удача. Он объявил и сыграл «малый шлем» в червах, а в следующую раздачу М. сделал «три без козыря».

С веселой усмешкой Бонд посмотрел на взмокшее от пота лицо противника. Дракс с остервенением вгрызлся в ногти.

— Сильнейшие, — сказал, дожимая, Бонд.

Дракс что-то прорычал и углубился в запись.

Бонд бросил взгляд на М.: тот, явно удовлетворенный ходом игры, подносил спичку ко второй за вечер сигаре, что было с его стороны неслыханным потворством собственной слабости.

— Боюсь, этот роббер будет для меня последним, — сказал Бонд. — Мне завтра рано вставать. Надеюсь, вы извините меня.

М. посмотрел на часы.

— Уже за полночь, — сказал он. — Как вы, Мейер?

Мейер, большую часть вечера просидевший безмолвным статистом с видом человека, попавшего в клетку к тиграм, казалось, был рад возможности улизнуть. Ему не терпелось вернуться в свою тихую квартирку в Олбани в общество так успокаивающей нервную систему коллекции баттерсийских табакерок.

— Ничего не имею против, адмирал, — быстро откликнулся он. — А ты, Хаггер? Не пора ли отправиться спать?

Дракс даже не удостоил его ответом. Оторвавшись от записи, он посмотрел на Бонда. Признаки опьянения были налицо. Влажный лоб, прядь черных волос, беспорядочно сбившаяся над правой бровью, хмельной блеск в серо-голубых глазах.

— Баланс-то неважный, — сказал он. — По моим подсчетам, вы выигрываете что-то около двух сотен. Конечно, если вы хотите закончить — это ваше право. Но не устроить ли нам напоследок этакий фейерверк? Устроим ставки в последнем роббере? Пятнадцать и пятнадцать? Историческая схватка. Я начинаю?

Бонд поднял глаза. Он не торопился с ответом. Он страстно желал, чтобы Дракс запомнил каждую мелочь этого последнего роббера, каждое произнесенное слово, каждый жест.

— Ну, — торопил Дракс. — Что?

Бонд заглянул в левый, холодный глаз на налитом кровью лице. Теперь он обращался только к нему.

— Сто пятьдесят фунтов за сотню плюс полторы тысячи за роббер, — отчеканил он. — Поехали.

7. Ловкость рук

На какое-то время за столом воцарилось безмолвие. Его прервал возбужденный голос Мейера.

— Ну вот что, — с тревогой воскликнул он. — Я в этом не участвую, Хаггер. — Он знал, что речь шла лишь о частном пари, но хотел показать Драксу, что эта авантюра начинает его беспокоить. Он понимал, что совершает какую-то ужасную ошибку, которая будет стоить его партнеру огромных денег.

— Не будь смешным, Макс, — хрипло оборвал его Дракс. — Смотри в свои карты, и не суйся не в свое дело. Это просто приятное пари с нашим опрометчивым другом. Прошу вас, прошу, дорогой адмирал.

М. снял, и игра началась.

Бонд зажег сигарету, его руки внезапно обрели твердость. Сознание прояснилось. Он в точности знал, что ему нужно делать, и был рад тому, что момент для удара наступил.

Он откинулся на спинку кресла, и на мгновение ему показалось, что позади него возникла огромная толпа и что зрители заглядывают ему через плечо в ожидании, когда он поднимает карты. Чутьем он угадывал, что эти тени были на его стороне и одобряли тот жестокий акт справедливости, который должен был свершиться.

Поймав себя на мысли, что посылает всей этой компании давным-давно истлевших игроков мольбу помочь ему в осуществлении задуманного, он улыбнулся.

Вдруг в его мысли вторгся шум, заполнявший собой прославленную залу. Он осмотрелся. В середине комнаты под центральной люстрой вокруг стола для покера собралась горстка зрителей.

— Поднимаю еще на сотню.

— Еще сотня.

— И еще.

— Черт с вами. Открываю.

Торжествующий возглас, и следом за ним — приглушенный гул комментариев. Откуда-то со стола для игры в шемми доносился стук лопатки крупье. А ближе к ним, в этом конце залы располагались еще три бриджевых стола, от которых к потолку поднимался слоистый дым сигар и сигарет.

Вот уже на протяжении более чем ста пятидесяти лет, думал Бонд, в этой знаменитой зале почти каждый вечер разыгрывается один и тот же спектакль. Те же возгласы победителей и побежденных, те же сосредоточенные лица, тот же аромат табачного дыма и накал страстей. Для Бонда, который любил игру, не существовало в мире зрелища волнительней. В последний раз окинув комнату взглядом, чтобы каждая ее мелочь навсегда осела в памяти, он повернулся к столу.

Он поднял карты, и глаза его заблестели. Впервые на сдаче Дракса он имел на руках твердую игру: семь пик с четырьмя старшими, туз в червах и туз, король в бубнах. Он посмотрел на Дракса. Есть ли у них с Мейером трефы? Но даже если и есть, он все равно возьмет свое. Станет ли Дракс повышать игру, с тем чтобы потом объявить «контру»? Бонд ждал.

— Пас, — выдавил наконец из себя Дракс, уже оценивший расклад и потому не сумевший скрыть досаду в голосе.

— Четыре в пиках, — заявил Бонд.

Мейер пропасовал, за ним М., и наконец не имевший иного выхода Дракс.

Совместными усилиями они взяли пять.

Сто пятьдесят очков под линию, сто призовых — сверху.

— Гм, — вдруг услышал Бонд у себя за спиной. Он поднял голову. Это был Бэзилдон, который уже закончил играть и, подойдя к их столу, наблюдал теперь за их игрой.

Взяв лист с записью очков Бонда, он принялся его изучать.

— Славненько вы их потрепали, — весело прокомментировал он. — Похоже, не ладятся дела у наших чемпионов. Почему ставка?

Право ответить Бонд предоставил Драксу. Он был рад этой нечаянной заминке. Более подходящего момента невозможно было и представить. Колоду с голубой рубашкой Дракс уже для него снял. Соединив две половинки. Бонд положил колоду перед собой почти на самый край стола.

— Пятнадцать и пятнадцать. По просьбе игрока слева, — ответил Дракс.

Бонд услышал, как у Бэзилдона перехватило дыхание.

— Клиенту захотелось поиграть, и я предоставил ему такую возможность. Теперь его ход, и он рассчитывает забрать все взятки...

Дракс продолжал еще что-то ворчать.

В этот момент сидевший напротив М. заметил, что в правой руке Бонда возник белый платок. Глаза М. сузились. Казалось, что Бонд просто вытирал лицо. М. видел, как окинул Бонд молниеносным взглядом Дракса и Мейера, затем платок снова исчез в кармане.

В руках Бонда была голубая колода, он начал сдавать.

— Это чертовски дорого, — сказал Бэзилдон. — Однажды у нас была ставка в тысячу фунтов, но это было еще до войны четырнадцатого года, во времена резинового бума. Надеюсь, никто не останется в претензии, — он ничуть не шутил. Слишком высокие ставки в частных пари нередко становились причинами раздоров. Он обошел стол и занял место между М. и Драксом.

Бонд кончил сдавать. Изобразив на лице озабоченность, он поднял карты.

На руках у него было лишь пять треф, включая туз, даму, и десять, а также восемь младших бубен, старшей из которых была дама.

Все в порядке. Ловушка расставлена.

Напряжение Дракса было почти осязаемым, когда этот гигант, раскрыв карты и не поверив своим глазам, собрал их и раскрыл вновь. Бонд знал, что карты у Дракса невероятно сильны. Десять верных взяток — туз, король в бубнах, четыре старшие пики, то же самое в червах и король, валет, девять в трефах.

Эти карты Драксу Бонд «сдал» сам... перед ужиному в кабинете секретаря.

Бонд выжидал, с любопытством наблюдая за реакцией Дракса на столь мощный расклад. Интерес, с которым следил он, как эта огромная рыба заглатывает приманку, граничил с жестокостью.

Дракс превзошел все ожидания.

Как ни в чем не бывало он сложил руки, положил их перед собой. Небрежно достал картонную коробку, выбрал сигарету и закурил. В сторону Бонда он даже не смотрел. Наоборот, его взгляд уперся в Бэзилдона.

— Да, — сказал, возвращаясь к разговору о ставках, — игра идет крупная, однако не самая крупная из тех, что мне доводилось играть. Как-то раз в Каире я играл по две тысячи фунтов за роббер. Это было в клубе «Магомет Али». Вот там действительно палец в рот не клади. Там держат пари не только на гейм или роббер, но даже на взятку. Ну, — он поднял карты и искоса поглядел на Бонда, — у меня есть счастливый билет. Не стану скрывать. Но насколько я знаю, и у вас может быть сильная карта. — (Как же, старая каракатица, подумал Бонд, с твоими-то тремя парами туз-король.) — Не угодно ли поставить что-нибудь именно на эту раздачу?

С видом изрядно уже накачавшегося алкоголем человека, Бонд вперился в карты.

— У меня тоже весьма многообещающий расклад, — глухо отозвался он. — И если мне поможет партнер и карты лягут как надо, я тоже возьму кучу взяток. Что вы предлагаете?

— Наверное, у нас одинаково сильные карты, — слукавил Дракс. — Что вы скажете о ста фунтах за каждую взятку? Судя по вашим словам, это не окажется чересчур много.

Внешне Бонд казался задумчивым и заметно охмелевшим. Он еще раз тщательно изучил карты, ни одну не обходя вниманием.

— Хорошо, — сдался он. — Согласен. Сказать по правде, вы сами втянули меня в это дело. У вас сильная карта, значит, я должен рисковать.

Затуманенным взором Бонд посмотрел на М.

— Если что, я беру на себя ваш ущерб, адмирал, — проговорил он. — Поехали. Э-э... семь треф.

Наступила мертвая тишина. Бэзилдон, уже успевши оценить карты Дракса, был ошарашен настолько, что выронил из рук стакан виски с содовой. В изумлении он посмотрел на осколки стекла, но так и оставил их лежать на полу.

— Как? — переспросил Дракс сдавленным голосом и торопливо пробежал глазами свои карты, как бы ища в них поддержку.

— Вы объявили «большой шлем» в трефах? — снова спросил он, с любопытством рассматривая своего явно уже не отдававшего себе отчет соперника. — Вы сами подписали себе смертный приговор. Что скажешь, Макс?

— Пас, — пролепетал Мейер, кожей почувствовавший напряжение в преддверии той самой бури, которую так надеялся избежать. Какого черта он не ушел домой до начала этого последнего роббера? Он мысленно застонал.

— Пас, — сказал М., внешне спокойный.

— Контра, — словно сжевивая яд, произнес Дракс. Положив карты на стол, он со злорадством и презрением уставился на этого перепившего недоумка, который, наконец, сам, совершенно необъяснимо, дался ему в руки.

— Призовые тоже удваиваются? — осведомился Бонд.

— Да, — взревел от нетерпения Дракс. — Да. Именно.

— Идет, — сказал Бонд. Он не торопился. Взгляд его застыл не на картах Дракса, на нем самом. — Реконтра. Четыреста фунтов за взятку.

В этот миг в сознании Дракса промелькнул первый лучик страшного невероятного сомнения. Он еще раз заглянул в карты и вновь успокоился. Даже в самом худшем исходе он возьмет минимум две взятки.

— Пас, — еле слышно пробормотал Мейер.

— Пас, — как-то придушенно исторгнул из себя М.

Дракс нетерпеливо затряс головой.

Бэзилдон, чье лицо побледнело, через стол впился глазами в Бонда.

Затем не спеша он обошел стол кругом, внимательно изучая карты игравших. Вот что он увидел:

БОНД

Б.: Д, 8, 7, 6, 5, 4, 3, 2

Т.: Т, Д, 10, 8, 4

ДРАКС

П.: Т, К, Д, В

Ч.: Т, К, Д, В

Б.: Т, К

Т.: К, В, 9

МЕЙЕР

П.: 6, 5, 4, 3, 2

Ч.: 10, 9, 8, 7, 2

Б.: В, 10, 9

М.

П.: 10, 9, 8, 7

Ч.: 6, 5, 4, 3

Т.: Ч, 6, 5, 3, 2

И вдруг Бэзилдон все понял. На руках у Бонда действительно был чистый «большой шлем», защиты против которого нет. С какой бы карты не зашел Мейер, Бонд берет ее либо собственным козырем, либо козырем М. Затем, импасируя против Дракса, он выберет все козыри и походит двумя бубнами, которые убьет козырями М., забирая туза и короля Дракса. После пяти выходов Бонд станет единоличным обладателем козырей и ничем не перебиваемых бубен. Тузы и короли Дракса теряли всякий смысл.

То было чистой воды убийство.

Почти не помня себя, Бэзилдон еще раз обошел стол и стал между М. и Мейером, чтобы одновременно видеть лица Дракса и Бонда. Сам он хранил бесстрастное выражение, однако руки его, глубоко запущенные в карманы брюк, чтобы не выдавать волнение, покрылись испариной. Он ждал, почти с ужасом, того страшного наказания, которое вскоре должно было обрушиться на Дракса — тринадцать хлестких ударов плети, которые не зарубцуются никогда.

— Ну давай же, ходи, — торопил Дракс Мейера. — Ходи хоть как-нибудь, Макс. Не могу же я торчать здесь всю ночь.

Куда торопишься, дуралей, подумал Бэзилдон. Ведь через десять минут сам же будешь желать только одного: чтобы Мейер умер бы здесь прямо в кресле, прежде чем успел бросить первую карту.

И в самом деле казалось, будто Мейера вот-вот хватит удар. Он был бледен как

смерть, на перед его рубашки стекал с подбородка пот. Он был убежден, что любой его ход неминуемо приведет к катастрофе.

С какой карты делать выход значение не имело, однако, стоило М. выказать признаки колебания, как Дракс тут же накинулся на своего партнера.

— Идиот, других карт у тебя разве не было? Хочешь все выложить им на блюдечке? Ты за кого играешь?

Мейер весь как-то сжался под одеждой.

— Я не виноват, Хаггер, — начал было он жалобно оправдываться, вытирая лицо платком.

Но теперь пришлось не сладко уже самому Драксу.

М. убил козырем валета, забрав таким образом короля Дракса, и тут же вышел в трефу. Дракс положил девятку. Бонд взял десяткой и пошел в бубну, снова предоставляя М. сыграть козырем. На сей раз Дракс лишился туза. Еще один заход М. в трефу, и в ловушке оказался валет.

Потом выход в туза треф.

Потеряв короля, Дракс понял наконец, чем все грозит обернуться. Он испуганно покосился на Бонда, с ужасом ожидая следующего хода. Есть ли у Бонда бубны? И сколько их у Мейера? В конце концов он ведь с них заходил. Дракс ждал, карты его слиплись от пота.

У знаменитого шахматиста Морфи была одна отвратительная привычка. Он не отрывал взгляд от доски до тех пор, пока не был убежден до конца, что противник не в силах избежать поражения. Тогда он медленно поднимал свою тяжелую голову и начинал с интересом изучать сидевшего напротив него соперника. Соперник, чувствуя взгляд, также медленно и неловко поднимал глаза. И в этот миг ему становилось ясно, что продолжать партию не имеет смысла. Об этом говорил взгляд Морфи. Оставалось только одно — капитулировать.

И теперь, точно так же, как это делал Морфи, Бонд поднял голову и пристально посмотрел прямо в глаза Драксу. Потом, не спеша, он отделил даму бубен от остальных карт и опустил ее на стол. Затем, не дожидаясь, пока Мейер сделает ход, он медленно, одну за одной выложил восьмерку, семерку, шестерку, пятерку и четверку бубен и две оставшиеся трефы.

— Вот и все, Дракс, — тихо произнес Бонд и неторопливо облокотился на спинку кресла.

Повинуясь первому импульсу, Дракс рванулся вперед и выхватил карты из рук Мейера. Рассыпав их по столу, он судорожно искал среди них ту, которая смогла бы его спасти.

Наконец, он швырнул карты на сукно.

Лицо его было смертельно бледно, однако налитые кровью глаза метали в Бонда молнии. Вдруг он поднял сжатый кулак и обрушил его на лежавший перед ним ворох совершенно бессильных теперь тузов, королей и дам.

Еле слышно он в остервенении прошипел:

— Вы шу...

— Довольно, Дракс, — словно удар хлыста раздался над столом голос Бэзилдона. — Я не позволю говорить в этом помещении подобным тоном. Я следил за игрой. Успокойтесь. Если у вас есть претензии, подайте их в правление в письменном виде.

Дракс медленно поднялся. Отступив от кресла, он провел рукой по взмокшим рыжим волосам. Его лицо постепенно вновь стало обретать румянец, а вместе с ним и выражение коварства. Он посмотрел на Бонда, его здоровый глаз светился триумфом, перемешанным с презрением, отчего Бонду сделалось не по себе.

Дракс повернулся к столу.

— Спокойной ночи, джентльмены, — сказал он, окинув каждого все тем же

небрежным взглядом. — Я должен около пятнадцати тысяч фунтов. Расходы Мейера я беру на себя.

Нагнувшись, он забрал портсигар и зажигалку. Затем, еще раз взглянув на Бонда, он очень тихо произнес, медленно обнажая под рыжими усами свои выпяченные вперед зубы:

— Мой вам совет, командер Бонд, — спешите потратить деньги.

И повернувшись, скорой походкой покинул залу.

8. Красный телефон

Несмотря на то, что Бонд доплелся до постели не раньше двух, на другое утро ровно в десять он уже входил в штаб. Чувствовал он себя прескверно. Кроме кислого привкуса во рту и покалывания в печени после почти двух полных бутылок шампанского, он испытывал состояние апатии и подавленности, частью объяснявшееся воздействием бензедрина, частью — памятью о разыгравшейся накануне драме.

Когда он поднялся на лифте к себе и приступил к своим повседневным обязанностям, горький осадок, оставшийся после вчерашнего вечера, по-прежнему оставался во рту.

После того, как Мейер, рассыпаясь в благодарности, удалился спать, Бонд достал из карманов пиджака две колоды карт и выложил их на стол перед Бэзилдоном и М. Одной из них была та самая колода с голубой рубашкой, которую снял Дракс и которую Бонд, прикрывшись платком, подменил заранее подтасованной колодой из правого кармана. Другая колода, с красной рубашкой, была подготовлена таким же образом, однако так и осталась невостребованной.

Бонд веером разложил ее на столе, демонстрируя М. и Бэзилдону, что карты в ней тоже были подобраны для того фантастического «большого шлема», которым он раздавил Дракса.

— Эту комбинацию разработал великий Калбертсон, — пояснил он. — Он и сам частенько прибегал к ней. Пришлось сфабриковать две колоды, так как я не знал, с какой придется иметь дело.

— Все получилось как нельзя лучше, — поблагодарил Бэзилдон. — Думаю, он трезво взвесит ситуацию и либо забудет сюда дорогу, либо впредь будет играть по правилам. Вечер обошелся ему недешево. Законность вашего выигрыша не вызывает никаких сомнений, — поспешил он прибавить. — Вы всем нам — и Драксу в особенности — оказали большую услугу. Все могло случиться по другому сценарию. И тогда бы уже вам пришлось отдуваться. Чек вам доставят в субботу.

Они распрощались, и Бонд, полностью опустошенный, отправился спать. Чтобы разгрузить мозг от перипетий вечера и быть готовым к утру и к работе, он принял легкое снотворное. Но прежде чем заснуть он подумал, как делал это и в мгновения триумфа за карточным столом, что почему-то для победителя выигрыш всегда значит меньше, чем проигрыш для побежденного.

Когда он притворил за собой дверь, Лоэлия Понсонби с любопытством уставилась на черные тени под глазами Бонда. Ее интерес, как она на то и надеялась, не остался для Бонда незамеченным.

Он усмехнулся.

— Сочетание приятного с полезным, — объяснил он и тут же прибавил. — В сугубо мужской компании. И большое спасибо за бензедрин. Он действительно был мне очень нужен. Надеюсь, я не нарушил ваших вечерних планов?

— Нисколько, — успокоила она Бонда, вспомнив, однако, и ужин, и библиотечную книгу, которую пришлось отложить, когда позвонил Бонд. Она заглянула в стеноблокнот. — Приблизительно полчаса назад звонил начальник

штаба. Просил передать, М. будет ждать вас сегодня у себя. Точного времени не назвал. Я сказала, что в три у вас самооборона без оружия, но он приказал отменить. Это все, если не считать оставшихся со вчера материалов.

— Слава Богу, — вздохнул Бонд с облегчением. — А то я бы, скорее всего, умер, если бы этот чертов десантник стал бы отрабатывать на мне сегодня свои приемы. Что слышно о 008?

— Да, — сказала она. — С ним вроде бы все в порядке. Его перевели в военный госпиталь в Ванерхайде. Кажется, у него обычный шок.

Бонд знал, что может означать слово «шок» в его профессии.

— Хорошо, — проговорил он без особой уверенности. Послав мисс Понсонби улыбку, он прошел в кабинет и закрыл за собой дверь.

Решительной походкой обогнув стол, подошел к креслу, сел и придвинул к себе верхнюю папку. Понедельник был позади. Наступил вторник. Новый день. Не обращая внимания на головную боль и отогнав мысли о вчерашнем вечере, он закурил сигарету и раскрыл коричневую папку с красной звездочкой на обложке. Это был меморандум Отдела главного офицера по борьбе с контрабандой управления таможен США, озаглавленный «Инспектоскоп».

Бонд прищурил глаза.

«Инспектоскоп, — читал он, — это действующий по принципу флюороскопии и служащий для обнаружения контрабанды. Он разработан компанией „Сайкьюлар Инспектоскоуп“, Сан-Франциско, и широко применяется в американских тюрьмах для скрытого поиска металлических предметов, спрятанных в одежде или на теле заключенных и посетителей. Он также используется для обнаружения контрабанды драгоценностей, а также для контроля над незаконным выносом алмазов на алмазных коях Африки и Бразилии. Прибор стоимостью 7 тыс. долларов имеет около 8 футов в длину и 7 футов в высоту и весит приблизительно 3 тонны. Инспектоскоп обслуживается двумя специально обученными операторами. Испытания прибора, проведенные в зале таможенного досмотра международного аэропорта в Айдулайде, показали следующие результаты...»

Бонд пропустил пару страниц с описанием подробностей нескольких случаев мелкой контрабанды и углубился в изучение «Заключения», из которого, не без некоторой доли раздражения, выяснил, что, когда он в следующий раз отправится за границу, ему придется подумать о более подходящем месте для провоза «беретты» 25-го калибра, нежели подмышка. Не забыть обсудить проблему в отделе техобеспечения, мысленно отметил Бонд.

Он поставил галочку в списке лиц, допущенных к ознакомлению с документом, и рядом с ней свои инициалы и машинально потянулся к следующей папке, на обложке которой значилось «Филопон. Японский наркотик-убийца».

«Филопон», — в этот момент мозг его сделал попытку отвлечься, но усилием воли Бонд вновь заставил себя сосредоточиться на машинописных страницах.

"Филопон является основным фактором роста преступности в Японии. По данным министерства соцобеспечения на сегодняшний день в стране насчитывается 1,5 млн. наркоманов, из которых 1 млн. лица, не достигшие двадцати лет. Муниципальная полиция Токио считает, что 70% подростковой преступности напрямую связано с данным наркотиком.

Пристрастие к наркотику так же, как в случае с марихуаной в США, развивается с одного приема. Филопон обладает «стимулирующим» воздействием, и его прием формирует привычку. Кроме того, он дешев — около 10 иен (6 пенсов) за 1 дозу, в силу чего жертва быстро увеличивает количество доз до приблизительно 100 в день. В таких количествах употребление наркотика резко дорожает, и это толкает наркоманов на преступления в поисках средств на приобретение филопона. Тот факт, что преступления зачастую сопровождаются насилием и убийствами, объясняется

особыми свойствами наркотика. Он вызывает у наркомана острую манию преследования, рождающую иллюзию, будто за ним охотятся с целью убийства или с другими злостными намерениями. Тогда наркоман прямо на улице кидается с кулаками или с лезвием на прохожего, который, по его мнению, угрожающе посмотрел на него. Менее запущенные наркоманы склонны избегать своих старых приятелей, которые уже достигли дозы в 100 приемов в день, что усиливает в последних ощущение безысходности.

В этом случае убийство приобретает окраску акта самообороны, оправданной и законной. Нетрудно понять, что в «умелой руке» данный наркотик способен стать грозным орудием направления и руководства организованной преступностью.

Установлено, что именно филопон явился основным мотивом печально известного убийства в баре «Мекка», в связи с которым в результате действий полиции в течение нескольких недель было задержано свыше 5 тыс. продавцов наркотиков.

Как правило, обвиняют корейцев..."

И тут Бонд не выдержал. Какого дьявола читает он эту белиберду? Разве ему когда-нибудь пригодятся эти сведения о японском наркотике-убийце под названием филопон?

Он кое-как долистал оставшиеся страницы, отметил в списке и бросил папку в корзину исходящих материалов.

Где-то над правым глазом словно вколоченный гвоздь по-прежнему гнездилась боль. Он выдвинул ящик стола и достал пузырек «Фензика». Хотел было попросить секретаршу принести стакан воды, но мысль о том, что за ним будут ходить как за малым дитя, показалась ему нестерпимой. С отвращением разжевав две таблетки. Бонд проглотил горький порошок.

Затем, закулив сигарету, он встал и подошел к окну. Взор устремился куда-то за пределы зеленого пространства внизу, ничего не видящее глаза бесцельно блуждали по изломанному лондонскому горизонту, в то время как мозг в который раз перебирал странные события минувшей ночи.

Чем больше он думал о них, тем все более странными они ему представлялись.

Зачем понадобилось Драксу — миллионеру, всеобщему любимцу, обладателю уникального в стране положения; зачем понадобилось этому незаурядному человеку мухлевать за карточным столом? Чего хотел он этим достичь? Что хотел доказать? Думал ли он, что способен жить по собственным законам, что ему, столь высоко вознесшемуся над толпой с ее мелочным этикетом, позволено плевать в лицо обществу?

Бонд мысленно помолчал. Плевок в лицо. Очень на него похоже, если судить по поведению Дракса в клубе. Этакий сплав превосходства и презрения. Словно он имеет дело с человеческими подонками, столь презренными, что даже находясь в их обществе, нет нужды скрывать истинное свое к ним отношение за ширмой вежливости.

Возможно, Дракс любит азартную игру. Возможно, она снимает с него то напряжение, которое находит себе выход в грубых шутках, кусании ногтей и беспрестанном потении. Но ведь он не имеет права уступить. Уступить этим ничтожным людишкам, значит покрыть себя позором. Поэтому, не взирая на опасности, он всеми правдами и неправдами рвется к победе. А что касается риска быть схваченным за руку — если только Дракс вообще когда-либо об этом задумывался — то он, вероятно, считает, что способен сокрушить любую преграду. Известно, размышлял Бонд, что одержимые люди невосприимчивы к опасности. Скорее, они упрямо ищут ее. Клептоманы стремятся красть во все больших и больших масштабах. Сексуальные маньяки, не таясь, бравируют своей назойливостью, словно нарочно добиваясь ареста. Пироманы зачастую даже и не

пытаются скрыть своей причастности к поджогу.

Однако какая страсть снедала этого человека? Какова природа той неодолимой силы, что влекла его по наклонной плоскости в бездну?

Все говорило за то, что это была паранойя. Мания величия, осложненная манией преследования. Это презрение, начертанное на лице. Повелительные нотки в голосе. Выражение тайного триумфа, которым он встретил поражение, после горького мига коллапса. Триумф маньяка, уверенного в своей правоте вопреки фактам. Кто бы ни попытался припереть его к стенке, он все равно выйдет победителем. Для него не существует поражений, ибо он наделен тайной властью. Он умеет делать золото. Он способен летать как птица. Он всемогущ — человек в затхлой келье, возомнивший себя Господом.

Именно так, думал Бонд, паря невидящим взором над Риджентс-Парк. Вот и ответ на вопрос. Сэр Хьюго Дракс — воинствующий параноик. Вот что за сила толкнула его добывать извилистыми путями миллионы. Таков главный мотив, подвигнувший его подарить Англии эту гигантскую ракету, которая должна была испепелить ее врагов. Благодаря всемогущему Драксу.

Но кто может сказать, когда сломается этот человек? Кто проникал сквозь завесу бравады, под покровы рыжих волос, скрывающих лицо, кто пытался увидеть во всем этом нечто большее, нежели результат скверного воспитания или закомплексованность, порожденную военными увечьями?

Видимо, никто. В таком случае был ли его, Бонда, анализ верен? На чем он его основывает? Достаточно ли одного единственного взгляда сквозь затворенное окно в душу человека, чтобы делать выводы? Возможно, и другие замечали этот зловещий блеск. Возможно, были и в Сингапуре, Гонконге, Нигерии, Танжере подобные, исполненные высшего напряжения мгновения, когда какой-нибудь сидевший напротив Дракса купец замечал и пот, и искусанные ногти, и красный туман в глазах на внезапно побледневшем лице.

Если бы позволяло время, размышлял Бонд, не плохо было бы разыскать тех людей, если они до сих пор живы, и подробно порасспросить их об этом человеке, и, как знать, запечатать губительный сосуд, пока не слишком поздно.

Слишком поздно? Бонд улыбнулся. Из-за чего он так распахивался? Что сделал ему этот человек? Разве что подарил пятнадцать тысяч фунтов. Бонд поежился. Не его это дело. Но эта брошенная напоследок реплика: «Спешите потратить деньги, командер Бонд». Что он хотел этим сказать? Должно быть, именно эти слова, запав в подкорку, думал Бонд, и заставили его так глубоко размышлять о загадке Дракса.

Бонд резко отвернулся от окна. К черту, подумал он. Так недолго и свихнуться. Ему и без того есть о чем поразмыслить. Пятнадцать тысяч.словно с неба упали. Ладно, он и в самом деле не станет тянуть. Он сел за стол и взял карандаш. Подумав секунду. Бонд прямо на меморандуме с грифом «совершенно секретно» аккуратно записал:

- (1) «Роллс-Бентли» с откидным верхом — около 5 тыс. фунтов;
- (2) 3 пары клипсов с бриллиантами по 250 фунтов за пару = 750.

Он задумался. Еще оставалось примерно десять тысяч. Кое-какая одежда, живопись в квартиру, набор новых металлических клюшек для гольфа фирмы «Генри Коттон», несколько дюжин шампанского марки «Тейттинджер». Однако это не к спеху. Днем он сходит и купит клипсы, и заодно справится насчет автомобиля. А остальное вложит в золотые акции. Наживет капитал. Уйдет в отставку.

Вдруг тишину разорвал гневный, протестующий зов красного телефона.

— Можешь подняться? М. хочет видеть тебя, — в голосе начальника штаба слышались беспокойные нотки.

— Иду, — сказал Бонд, почуяв вдруг неладное. — Не знаешь, в чем дело?

— Спроси чего полегче, — ответил начштаба. — Еще с ним не связывался.

Проторчал все утро в Скотленд-Ярде и в министерстве ассигнований.
В трубке послышались гудки.

9. Продолжение следует

Спустя несколько минут Бонд уже прошел сквозь знакомую дверь, над которой загорелась зеленая лампочка.

М. пристально осмотрел его.

— Неважно выглядите, 007, — сказал он. — Садитесь.

Есть дело, сообразил Бонд, сердце забилося чаще. Сегодня к нему не будут обращаться по имени. Он сел. М. изучал какие-то карандашные пометки в своем блокноте. Наконец, он поднял глаза, в них не было участия.

— Вчера вечером на площадке Дракса имел место инцидент, — начал он. — Двойное убийство. Полиция пыталась разыскать Дракса, но справиться в клубе, они, естественно, не додумались. Нашли его только около половины второго, когда он вернулся в «Ритц». В пабе неподалеку от площадки застрелены два человека, занятых по программе «Мунрейкера». Оба наповал. Дракс сообщил полиции, что знать ничего не знает, — и бросил трубку. Это в его духе. Сейчас он у нас. Видимо, смекнул, что дело нешуточное.

— Любопытное совпадение, — задумчиво проговорил Бонд. — Но я не понимаю, какое отношение это имеет к нам, сэр? Разве это не в компетенции полиции?

— Только отчасти, — ответил М. — Ведь за многих людей, что занимают там ключевые посты, ответ держим мы. Речь идет о немцах, — прибавил он. — Поясню. — Он заглянул в блокнот. — База принадлежит ВВС. По легенде она входит в состав большой радарной системы на нашем восточном побережье. ВВС отвечает за охрану базы по внешнему контуру, площадка же, где ведутся работы, находится в ведении министерства ассигнований. База расположена между Дувром и Дилом, ее общая площадь составляет около тысячи акров, площадь центра — двести акров. В данный момент на площадке находятся лишь Дракс и пятьдесят два его сотрудника. Все строительные рабочие эвакуированы.

Колода карт с джокером, подумалось Бонду.

— Пятьдесят из них немцы, — продолжал М. — Почти все те специалисты по управляемым снарядам, которых не успели захватить русские. Дракс заплатил за них, чтобы они смогли приехать и работать над «Мунрейкером». Далеко не все были в восторге от такого расклада, однако иного выхода не было. Министерство ассигнований не смогло выделить экспертов из Вумера. Дракс вынужден был собирать людей отовсюду. В целях усиления службы безопасности ВВС министерство ассигнований прикрепило к ней своего офицера, который должен был жить прямо на площадке. Это был майор Тэллон.

Помолчав, М. посмотрел в потолок.

— Он и оказался одним из тех двоих, что погибли вчера ночью. Он был застрелен одним из немцев, который также потом застрелился.

М. опустил глаза и посмотрел на Бонда. Бонд молчал, ожидая продолжения рассказа.

— Это случилось в пабе неподалеку от площадки. Свидетелей предостаточно. В общем-то, это даже не паб, а скорее небольшая гостиница рядом с базой, куда часто ходят сотрудники. Нужно же им куда-то ходить? — не сводя взгляда с Бонда, М. сделал паузу. — Вы спрашиваете, каким боком это касается нас. Отвечаю, это касается нас постольку, поскольку прежде чем немцам было разрешено прибыть, этого конкретного немца, как и всех прочих, проверяли именно мы, и все их досье хранятся у нас. Поэтому сразу как только произошел этот инцидент, первое, что запросила у нас служба безопасности ВВС и Скотленд-Ярд, это досье погибшего.

Ночью они связались с дежурным офицером, который разыскал документы в архиве и переслал их в Скотленд-Ярд. Дело нехитрое. В журнал внесена соответствующая запись. Когда утром я пришел и увидел эту запись в журнале, я вдруг заинтересовался. — Голос М. звучал негромко. — После того, как накануне я провел вечер в обществе Дракса, все это действительно показалось мне, как вы заметили, любопытным совпадением.

— Весьма любопытным, сэр, — сказал Бонд, по-прежнему не улавливая нить разговора.

— И еще одно, — подвел итог М. — На сей раз подлинная причина того, почему я позволил впутать себя в это дело вместо того, чтобы держаться от него подальше. И главная. — Голос М. совсем стих. — В пятницу готовятся запуск «Мунрейкера». Осталось меньше четырех дней. Пробные стрельбы.

Умолкнув, М. достал трубку и принялся ее раскуривать.

Бонд тоже молчал. Он как и прежде был не в силах понять, каким образом все это касалось Сикрет Сервис, сфера деятельности которой простиралась за пределами Соединенного Королевства. Это была работа для особого управления Скотленд-Ярда или на худой конец для МИ—5. Он ждал. Взглянул на часы. Было двенадцать.

М. раскурил трубку и продолжал.

— Однако независимо от всего этого, — сказал М., — данное дело заинтересовало меня потому, что вчера меня заинтересовал Дракс.

— И меня тоже, сэр, — вставил Бонд.

— Поэтому, прочитав журнал, — сказал М., оставив реплику Бонда без внимания, — я позвонил в Скотленд-Ярд Вэллансу и попросил его изложить мне суть дела. Он был не на шутку обеспокоен и пригласил меня приехать. Я сказал, что не хотел бы наступать на мозоль «Пятерке», на что он ответил, что все согласовано и что там дали добро на то, чтобы этим делом совместно с полицией занялись мы, так как именно мы проверяли того немца, который совершил убийство. Я поехал.

Сделав паузу, М. заглянул в записи.

— Место это расположено на побережье, в трех милях к северу от Дувра, — продолжал он. — Возле шоссе, что тянется вдоль побережья, есть гостиница «Мир и Изобилие», люди с базы частенько заходят туда по вечерам. Этот офицер безопасности — майор Тэллон — сидел в пабе, тянул порцию виски с содовой, беседовал с немецкими сотрудниками, когда в 7:30 вечера в паб вошел убийца, если позволительно его так назвать, и приблизился к Тэллону. Вытащив «люгер», кстати, без заводского номера, он со словами «Я люблю Галу Бранд. Она не будет твоею», выстрелил Тэллону прямо в сердце. Затем он вложил дымящийся еще ствол пистолета себе в рот и нажал курок.

— Какой ужас, — невольно содрогнулся Бонд. Он живо и в подробностях представил себе бедлам, воцарившийся в переполненном салоне типичного английского паба. — Кто эта девушка?

— Вот тут другая загвоздка, — сказал М. — Она агент особого управления Скотленд-Ярда. В совершенстве владеет немецким. Одна из лучших сотрудниц. Вместе с Тэллоном они были единственными англичанами в команде Дракса. Вэлланс вечно что-то подозревает. Такая уж у него профессия. Проект «Мунрейкер» вне всякого сомнения наиболее важное событие, происходящее сегодня в Англии. Не сказав никому ни слова и действуя более или менее по наитию, он внедрил эту мисс Бранд к Драксу и каким-то образом добился того, чтобы тот сделал ее своим личным секретарем. Она работает на площадке с первого дня, но пока не сообщает ни о чем таком подозрительном. По ее словам, Дракс великолепный организатор, правда, манеры его оставляют желать лучшего, и гоняет он подчиненных до седьмого пота. Разумеется, поначалу он пытался приставать, и даже после того, как она сказала ему,

что, якобы помолвлена, он не оставил своих попыток, но стоило ей показать, что она способна за себя постоять, как он тотчас отстал от нее, и теперь, по ее словам, они просто друзья. Естественно, она знала Тэллона, но он годился ей в отцы и к тому же был счастливо женат и имел четверых детей. Человеку Вэлланса, который допрашивал ее, она сообщила, что за эти восемнадцать месяцев он действительно несколько раз, по-отечески, приглашал ее в кино. Что же касается убийцы, которого зовут Эгон Бартш, то он специалист-электронщик, она едва знала его в лицо.

— А что обо всем этом говорят его друзья? — поинтересовался Бонд.

— Человек, который жил вместе с ним в одной комнате, показал, что Бартш был по уши влюблен в мисс Бранд и решил выместить свой неуспех на «англичанине». Он также показывает, что в последнее время Бартш был очень мрачен и замкнут, и он несколько не удивлен, услышав о случившемся.

— Что ж, внешне вполне убедительно, — сказал Бонд. — Я могу себе такое представить. Один из этих закомплексованных психопатов с извечной немецкой готовностью влезть в любую драку. Что говорит Вэлланс?

— Ничего определенного, — сказал М. — Сейчас главная его забота оградить девушку от газетчиков и сохранить в неприкосновенности ее «крышу». Конечно, газеты только об этом и пишут. Увидите в вечерних выпусках. Все буквально с ног сбились в поисках ее фото. Вэлланс подготовил один снимок, похожий на любую девушку и вместе с тем сохраняющий черты мисс Бранд. Она вышлет снимок сегодня вечером. Хорошо хоть, что репортеры не смеют сунуть носа на базу. Она не дает никаких интервью, и Вэлланс молится, чтобы какой-нибудь ее родственничек или знакомый не поломал всю комбинацию. Сейчас ведется дознание, и Вэлланс надеется, что к вечеру дело будет официально закрыто, и тогда газеты вынуждены будут замолчать из-за недостатка информации.

— Вы говорили о пробных запусках, — напомнил Бонд.

— Все идет строго по графику, — ответил М. — Запуск назначен на пятницу в полдень. Будет использована опытная боеголовка, ракету запустят вертикально вверх с баками, заполненными топливом на три четверти. В Северном море в районе 52-й широты будет освобожден квадрат площадью в 100 квадратных миль. Это на северной оконечности линии, соединяющей Гаагу с заливом Уош. Прочие подробности будут сообщены в четверг вечером премьер-министром.

М. замолк. Он повернулся в кресле и теперь глядел в окно. Бонд слышал, как где-то пробили далекие куранты. Один час. Неужели он опять пропустит обед? Если бы М. перестал совать нос в дела другого ведомства, то Бонд успел бы пообедать и разузнать насчет «бентли». Бонд неловко поерзал в кресле.

М. отвернулся от окна и вновь посмотрел на Бонда.

— Больше всего шума этот инцидент наделал в министерстве ассигнований. Тэллон был в нем одним из лучших сотрудников. Все это время его донесения были самого негативного характера. Наконец, вчера днем он внезапно связался по телефону с помощником заместителя министра и доложил, что на площадке творится нечто странное. Сегодня в десять утра он должен был делать доклад министру. По телефону он не мог сказать большего. А через несколько часов его застрелили. Еще одно занятное совпадение, не правда ли?

— Уж куда занятнее, — заметил Бонд. — Но почему бы тогда не приостановить работы и не произвести общую проверку? В конце концов, все это слишком серьезно, чтобы пускать дело на самотек.

— Сегодня рано утром состоялось совещание кабинета министров, — сказал М., — и премьер-министр задавал этот же вполне законный вопрос. Имеем ли мы свидетельства попыток, или даже намерений, саботировать «Мунрейкер»? Ответа нет. Есть лишь смутные подозрения, выплывшие на поверхность лишь в последние сутки благодаря туманному донесению Тэллона и двойному убийству. Все

согласились, что покуда мы не располагаем уликами, оба эти инцидента следует объяснять невероятным нервным напряжением, царящем на площадке. А пока, с учетом нынешней политической ситуации, было решено, что чем скорее «Мунрейкер» позволит нам обрести независимый голос на международной арене, тем будет лучше для нас, и, — М. пожал плечами, — вероятно, для всего мира в целом. Все также сошлись на том, что на данный момент имеется гораздо больше доводов в пользу запуска «Мунрейкера», нежели против. Министр ассигнований вынужден был это признать, хотя он прекрасно осознает, как, впрочем, и вы и я, что каковы бы ни были факты, для русских саботаж «Мунрейкера» накануне испытаний явился бы колоссальной победой. И преуспей они в этом деле, проект надолго бы попал под сукно. Над ракетой трудятся пятьдесят немцев. Любой из них может иметь родственников, которые до сих пор могут находиться в руках русских и, значит, могут быть использованы в целях оказания нажима. — М. помолчал, посмотрел в потолок. Затем, опустив глаза, он задумчиво вперился в Бонда.

— Министр попросил меня встретиться с ним после совещания. Он сказал, что никак не мог отозвать Тэллона немедленно. Его преемник должен владеть немецким, иметь опыт антидиверсионной работы и опыт работы против наших русских коллег. МИ—5 предложила троих кандидатов. Однако в данный момент все они заняты на заданиях, но в считанные часы могут быть отозваны. Однако затем министр поинтересовался моим мнением. И я его высказал. Оно было передано премьер-министру, и все формальности были тут же улажены.

Бонд с обидой и раздражением глядел в эти серые неуступчивые глаза.

— Итак, — безо всякого выражения проговорил М., — сэр Хьюго Дракс уже извещен о вашем назначении и сегодня вечером ожидает вас к ужину у себя в штаб-квартире.

10. Агент особого управления

Вечером того же вторника, что приходился на последние числа мая, Джеймс Бонд гнал свой огромный «бентли» по прямому как стрела шоссе Дувр — Мейдстон. Было шесть часов.

Несмотря на то, что скоростная езда требовала предельной собранности, Бонд мысленно возвращался к тем шагам, которые были предприняты им после того, как четыре с половиной часа тому назад он покинул кабинет М.

Пересказав вкратце суть дела секретарше и наскоро проглотил в столовой обед, он попросил механика поторопиться насколько возможно с наладкой машины и потом доставить ее, заправленную под завязку, к его дому. Затем, взяв такси, он добрался до Скотленд-Ярда, где без четверти три у него была назначена встреча с помощником комиссара полиции Вэллансом.

Внутренние дворики и тупички Скотленд-Ярда как всегда показались Бонду похожими на тюрьму, с которой сняли крышу. Тянувшиеся вдоль погруженных в прохладу коридоров люминесцентные лампы слизывали естественный цвет со щек сержанта, расспрашивавшего Бонда о цели визита и следившего за тем, чтобы он поставил свою подпись на бланке цвета незрелого яблока. Такую же шутку сыграло освещение и с физиономией констебля, который провел Бонда по короткой лестнице и дальше по тусклому проходу между рядами безымянных дверей в приемную.

Невзрачная женщина средних лет с потухшим взором человека, много повидавшего в жизни, вошла в приемную и сообщила, что помощник комиссара освободится через пять минут. Бонд отошел к окну и выглянул в серый дворик. Из здания вышел констебль, без шлема казавшийся до неприличия обнаженным, и пересек дворик, жуя на ходу разрезанную надвое булочку, между половинками которой что-то розовело. Было очень тихо, сюда не долетал шум автомобилей с

Уайтхолла и с набережной. Ему стало не по себе. Еще никогда не доводилось Бонду иметь дело с этим чужим ему ведомством. Он будет отрезан от товарищей, своих обычных дел. Уже теперь, в этой приемной, он чувствовал себя не в своей тарелке. Среди посетителей этой комнаты попадались только преступники или осведомители, да еще иные важные персоны, тщетно пытавшиеся избежать наказания за вождение автомобиля в нетрезвом виде или отчаянно надеявшиеся доказать Вэллансу, что его или ее сын не гомосексуалист. По пустякам в особое управление не ходят. Здесь либо обвиняют, либо оправдываются.

Наконец, женщина позвала Бонда. Он загасил сигарету о крышку жестяной коробки из-под сигарет «Плейере», которая служит пепельницей чуть ли не во всех приемных различных госучреждений, и проследовал за ней по коридору.

После сумрака приемной яркое сияние пламени в камине просторной, радостной комнаты показалось каким-то фокусом, вроде сигареты, предложенной на допросе в гестапо.

Почти пять минут понадобилось Бонду, чтобы стряхнуть с себя уныние и понять, что равнодушный к межведомственной вражде Ронни Вэлланс действительно рад его приходу и заинтересован лишь в одном — сохранить «Мунрейкер» и уберечь лучшего из своих сотрудников от возможных неприятностей.

Вэлланс был прирожденный дипломат. Первые несколько минут он говорил только об М. Говорил искренне и профессионально. Ни словом не обмолвившись о деле, он завоевал дружбу и полное расположение Бонда.

С трудом прокладывая себе путь по запруженным народом улочкам Мейдстона, Бонд подумал, что своим умением ладить с людьми Вэлланс был, по-видимому, обязан двадцатилетнему опыту бесконфликтного сотрудничества с МИ—5, а также с унифицированным персоналом и общению с полуграмотными политиками и вечно обиженными иностранными дипломатами.

Когда после четвертьчасового напряженного разговора они расстались, каждый знал, что обрел союзника. Имея в своем распоряжении Бонда, Вэлланс был уверен, что теперь Гала Бранд вправе рассчитывать на помощь и защиту при любых обстоятельствах. Также он оценил профессионализм Бонда и отсутствие у него каких бы то ни было ведомственных амбиций по отношению к Специальному управлению. Что же касается Бонда, то он был восхищен тем, что узнал об агенте Вэлланса, и больше не чувствовал себя одиноким, ибо за ним стоял Вэлланс и все его управление.

Покидая Скотленд-Ярд, Бонд твердо знал, что не отступил от первейшего принципа Клаузевица — он обеспечил себе тылы.

Визит в министерство ассигнований не прибавил ничего нового к тому, что Бонду было уже известно. Он еще раньше успел изучить дело Тэллона и его донесения. Первое представляло собой незамысловатую биографию майора, вся жизнь которого прошла в армейской разведке и службе полевой безопасности; последние рисовали картину живого и хорошо отлаженного творческого организма — два-три случая пьянства, мелкая кража, несколько драк с неопасной поножовщиной, но в целом вполне лояльный и сработавшийся коллектив.

Следующие полчаса, без особой, правда, пользы, Бонд провел в оперативном кабинете министерства у профессора Трейна, упитанного, взъерошенного и заурядного на вид человечка, лишь год тому назад претендовавшего на Нобелевскую премию по физике и являвшегося одним из крупнейших в мире специалистов по управляемым снарядам.

Профессор Трейн подошел к ряду больших стенных карт и за шнурок вытянул одну из них. Перед Бондом возник чертеж какой-то ракеты в масштабе 1/10, напоминавшей с виду «Фау-2», с большими стабилизаторами.

— Итак, — начал профессор Трейн, — в ракетах вы, конечно, не смыслите

ничего, поэтому не стану засорять вам мозги всякими хитроумными техническими терминами. «Мунрейкер», как называет свое детище Дракс, представляет собой одноступенчатую ракету. Устремляясь ввысь, она расходует все свое топливо, а затем обрушивается на цель. Траектория «Фау-2» больше походила на траекторию выпущенного из пушки снаряда. В высшей точке своего 200-мильного полета «Фау-2» поднимался над землей на 70 миль. В качестве топлива использовалась взрывоопасная смесь, состоящая из спирта и жидкого кислорода, разведенного водой, чтобы не прожечь малоуглеродистую сталь, из которой изготовлялись двигатели. В настоящее время существуют и более мощные виды топлива, однако до сих пор мы были не в состоянии применять их все по той же причине — температура их сгорания столь велика, что они без труда сжигают любой двигатель.

Помолчав, профессор упер палец в грудь Бонда.

— Единственное, что вам, дорогой сэр, необходимо запомнить об этой штуковине, состоит в следующем: благодаря колумбиту Дракса, температура плавления которого около 3500 градусов Цельсия против 1300 градусов в двигателях «Фау-2», мы получили возможность использовать один из самых мощных видов топлива, не опасаясь расплавить двигатель. Это топливо, — тут профессор посмотрел на Бонда, словно собирался сообщить нечто потрясающее, — вырабатывается из фтороводородной смеси.

— Что вы говорите, — откликнулся восхищенный Бонд.

Профессор Трейн бросил на него резкий взгляд.

— В результате мы рассчитываем достичь скрести 1500 миль в час и высоты полета в 1000 миль. Это обеспечит дальность до 4000 миль, что позволит нанести удар из Англии по любой из европейских столиц. Очень недурно, — прибавил он невыразительно, — при некоторых обстоятельствах. Впрочем, ученых это главным образом интересует как новая ступень в освоении околоземного пространства. Вопросы будут?

— Как действует ракета? — послушно поинтересовался Бонд.

Профессор нетерпеливым жестом указал на чертеж.

— Начнем с головы, — сказал он. — Сначала идет боеголовка. На время испытаний она будет оборудована приборами для изучения атмосферы, радаром и прочими приспособлениями. Затем идут гироскопы, стабилизирующие полет. Затем — различные второстепенные агрегаты, серводвигатели, источники питания. И наконец — большие топливные баки с 30 тысячами фунтов топлива.

В хвосте ракеты имеются два вспомогательных бака для управления турбиной. 400 фунтов перекиси водорода, смешиваясь с 40 фунтами перманганата калия, вырабатывают пар, посредством которого приводятся в действие две расположенные под баками турбины. Те в свою очередь приводят в действие центробежные насосы, которые подают основное топливо в двигатель ракеты. Под огромным давлением. Вы следите за мыслью? — Профессор недоверчиво поднял брови.

— Напоминает принцип работы реактивного самолета, — сказал Бонд.

Профессор был явно доволен.

— Отчасти, — согласился он, — однако ракета несет все топливо в себе вместо того, чтобы «высасывать» его из воздуха, как это делает «Комета». Итак, — продолжал он, — в двигателе топливо воспламеняется и вырывается из сопла единым, непрерывным взрывом. Наподобие пулеметной очереди. Этот-то взрыв и толкает ракету вверх словно петарду. Здесь как раз пригодился колумбит. Он дал нам возможность создать двигатель, который не расплавится в этом адовом пекле. И далее, — он вернулся к чертежу, — хвостовые стабилизаторы, которые призваны обеспечивать устойчивый полет на начальных фазах. Они также, изготовлены из колумбитового сплава, иначе бы колоссальное давление воздуха просто оторвало их.

Еще вопросы?

— Каким образом обеспечивается точность попадания? — спросил Бонд. — Почему вы так уверены, что в будущую пятницу ракета не свалится, скажем, на Гаагу?

— Об этом позаботятся гироскопы. Но чтобы не рисковать в пятницушний раз, мы используем особое наводящее устройство, которое будет размещено на плотике в открытом море. В боеголовке ракеты тоже будет установлен радар, который будет улавливать сигналы с моря и автоматически наводить ракету на цель. Конечно, — усмехнулся профессор, — если бы пришлось применять эту штуку в боевых условиях, то нам бы не помешало иметь аналогичные наводящие устройства где-нибудь в центре Москвы, Варшавы, Праги, Монте-Карло или где-то еще, куда мы решим ее запускать. Как знать, возможно, вам когда-нибудь и поручат именно эту миссию. Тогда пожелаю вам удачи.

Бонд невольно улыбнулся.

— И последний вопрос, — сказал он. — Если кто-нибудь захотел бы осуществить диверсию против «Мунрейкера», как это проще всего сделать?

— А как угодно, — весело откликнулся профессор. — Подсыпать песок в топливо или в насосы. Прodelать крошечную дырочку в фюзеляже или в стабилизаторах. При такой мощности и при таких скоростях малейшая неполадка обернется катастрофой.

— Большое спасибо, — сказал Бонд. — Похоже, у вас меньше поводов беспокоиться за судьбу «Мунрейкера», нежели у меня.

— Это замечательная машина, — воскликнул профессор. — И она полетит, если кто-нибудь не вздумает этому помешать. Дракс поработал превосходно. Он прекрасный организатор. И какую блестящую команду подобрал. Они сделают для него все. Нам есть за что его благодарить.

Черепашья езда уже порядком наскучила Бонду, поэтому на чарингской развилке он направил свой огромный автомобиль влево, предпочтя свободное от транспорта шоссе через Чилхем и Кентербери, пробкам Ашфорда и Фолкстона. На третьей скорости «бентли» выжимал все восемьдесят миль, и Бонд не переключил скорость даже на крутом повороте в начале длинного спуска, который оканчивался у шоссе на Молаш.

Когда он, с удовлетворением прислушиваясь к ровному стрекоту выхлопа, преодолел спуск. Дракс снова овладел его мыслями. Как встретит его Дракс сегодня? М. рассказывал, что, услышав имя Бонда, Дракс сперва помолчал, а потом сказал: «Разумеется. Он знаком мне. Правда, я не знал, что и он связан с этим. Будет интересно познакомиться с ним поближе. Присылайте. Жду к ужину», — и повесил трубку.

В министерстве сложилось определенное мнение о Драксе. Постоянно сталкиваясь с ним, там характеризовали его как человека, всецело поглощенного идеей «Мунрейкера», делающего все ради его успеха. Он не жалеет сотрудников, постоянно конфликтует с другими ведомствами из-за первоочередных поставок материалов, то и дело заставляя министерство ассигнований поддерживать его требования на правительственном уровне. Конечно, грубыми манерами Дракса там отнюдь не восторгались, но уважали его за знания, деловую хватку и одержимость. И — как и все в Англии — считали возможным спасителем отечества.

Ну что ж, думал Бонд, прибавляя газу на прямом отрезке шоссе и проносясь мимо чилхемского замка, такая точка зрения тоже имеет право на существование, и коль скоро ему суждено работать с этим человеком бок о бок, то волей-неволей придется приспособливаться к сей героической версии. Если Дракс того пожелает, он, Бонд, готов забыть тот злосчастный вечер в «Блейдсе» и целиком сосредоточиться на обеспечении безопасности Дракса и его любимого детища. До испытаний

оставалось всего три дня. Меры безопасности на объекте максимальные, и Дракс может воспротивиться дальнейшему их усилению. Убедить его будет не просто, потребуется немалый запас терпения. Того самого терпения, которого ему так часто не хватает, как, впрочем, не хватает его и Драксу, — в этом Бонд уже имел возможность убедиться.

Он не стал заезжать в Кентербери, а, сокращая путь, свернул на старую дуврскую дорогу. Он посмотрел на часы. Половина седьмого. Еще пятнадцать минут езды до Дувра, а затем еще десять, по дороге на Дил. Обо всем ли он успел подумать? Все ли предусмотрел? Двойное убийство, слава Богу, его не касалось. Заключение коронера гласило: «Убийство и самоубийство на почве помрачения рассудка». Девушку даже не вызывали на допрос. Не мешало бы заглянуть в «Мир и Изобилие» глотнуть виски, а заодно и порасспросить хозяина. Разузнать, что так встревожило Тэллона и о чем он хотел доложить министру, он попытается завтра. А пока никаких зацепок. Ничего не было обнаружено в комнате Тэллона, которую, по всей вероятности, теперь займет он. Что ж, по крайней мере представится случай хорошенько покопаться в бумагах Тэллона.

Машина с выключенным двигателем скатилась по уклону в Дувр, и Бонд все свое внимание сосредоточил на дороге. Он свернул влево и вскоре уже карабкался вверх, оставляя позади утопленный в низине город и снова проезжая мимо казавшегося нереальным замка.

Вершину холма обволакивали обрывки низких облаков, на лобовом стекле стали появляться расплюснутые дождевые капли. С моря дул студеной ветер. Видимость была слабой, и Бонд включил фары. Справа нескончаемой полосой тянулось побережье, слева медленно проплывали ярко-красные мачты суингейтской радарной станции, вздымавшиеся в небо словно окаменевшие свечи.

Что он знал о девушке? Устанавливая с ней связь, нужно быть предельно осторожным и постараться не встревожить ее. Интересно, в какой степени он сможет на нее рассчитывать? Проведя целый год на площадке, да еще в качестве личного секретаря «шефа», она вполне могла узнать всю подноготную проекта... и самого Дракса. Кроме того, она обладала таким же профессиональным складом ума, как и он сам. Однако Бонд должен быть готов к тому, что девушка с недоверием, если не с враждой, отнесется к «новому начальству». Он попытался представить ее. На фотографии в личном деле, которое показали ему в Скотленд-Ярде, она выглядела привлекательной, хотя и несколько суровой, унылый полицейский жакет сводил на нет всякий намек на кокетство.

Волосы: золотисто-каштановые. Глаза: голубые. Рост 5 футов 7 дюймов. Вес: 9 стоунов. Объем бедер: 38 дюймов. Талия: 26 дюймов. Объем груди: 38 дюймов. Особые приметы: родинка на правой груди.

«Гм!» — подумал Бонд.

Приближаясь к правому повороту, он уже не думал об этих цифрах. Появился указатель, на котором значилось «Кингсдаун», а за ним огоньки сельской гостиницы.

Подъехав к строению. Бонд заглушил двигатель. Над его головой колеблемая соленым морским ветром, дувшим со стороны расположенных в полумиле скал, скрипела вывеска, на которой выцветшими золотыми буквами было написано «Мир и Изобилие». Бонд вылез из машины, потянулся и направился к двери паба. Дверь оказалась заперта. Уборка? Он толкнул соседнюю дверь, и та поддалась пропуская его в тесное помещение бара. За стойкой стоял коренастый мужчина без пиджака и читал вечернюю газету.

Как только Бонд вошел, мужчина поднял глаза и отложил газету.

— Добрый вечер, сэр, — сказал он, заметно приободренный появлением посетителя.

— Добрый вечер, большую порцию виски с содовой, пожалуйста.

Бонд сел к стойке и подождал, пока бармен отмерит два стаканчика виски «Блэк-Энд-Уайт» и поставит перед ним стакан и сифон с содовой.

Бонд долил в стакан воды и выпил.

— Слышал, у вас были вчера неприятности, — начал Бонд, опуская стакан на стол.

— Ужасно, сэр, — отозвался бармен. — Нет ничего хуже для торговли. Вы, сэр, наверное, из газеты? Весь день ко мне ходят только газетчики и полицейские.

— Нет, — успокоил его Бонд. — Я приехал вместо того парня, которого застрелили, майора Тэллона. Он был вашим постоянным клиентом?

— Ни разу ко мне не приходил, сэр, кроме как вчера, и сразу нашел тут конец. Теперь придется закрыться на недельку, бар нужно полностью перекрасить. Но скажу вам по правде, сэр Хьюго Дракс повел себя очень достойно. Прислал днем пятьдесят фунтов в счет возмещения ущерба. Так поступают только настоящие господа. Здесь его все любят. С каждым найдет время переброситься добрым и веселым словом.

— Да. Прекрасный человек, — подтвердил Бонд. — Вы сами все видели?

— Первого выстрела я, сэр, не видел. Обслуживал в этот момент клиента. Остальное я, конечно, видел. Даже грохнул кружку об пол.

— А что было потом?

— Все, конечно, отпрянули. Были только одни немцы. Человек двенадцать. Труп лежит на полу, а парень с пистолетом на него смотрит. Потом он вдруг стал по стойке смирно и высунул левую руку вперед. Как гаркнет «Хайль!», точь-в-точь как эти твари на войне. Затем вставил дуло в рот. Ну а потом, — бармен скорчил гримасу отвращения, — забрызгал мне своими мозгами весь потолок.

— И это все, что он сказал? — спросил Бонд. — Только «хайль»?

— Все, сэр. Никак им не забыть это поганое словечко, а?

— Не забыть, — задумчиво проговорил Бонд. — Никак не забыть.

11. Гала Бранд

Пять минут спустя Бонд уже предъявлял свой министерский пропуск одетому в форме ВВС караульному, охранявшему въезд в обнесенную высоким проволочным забором зону.

Вернув пропуск, сержант взял под козырек.

— Сэр Хьюго ждет вас, сэр. Поезжайте к тому большому дому в лесу. — Он указал в направлении скал на горевшие в сотне ярдов огни.

Бонд слышал, как охранник связывался по телефону со следующим КП. Он тронулся и медленно поехал по новой гудронированной дороге, с обеих сторон которой лежали поля, начинавшиеся сразу за Кингсдауном. До его слуха долетал отдаленный рев волн, бившихся о подножье скал, и более близкий, пронзительный вой какого-то механизма.

У второго проволочного забора, решетчатые ворота которого открывали доступ в глубь леса, его остановил другой охранник, в штатском. Миновав КП, Бонд услышал доносившийся из отдаления лай полицейских собак, наводивший на мысль о том, что на объекте налажено и ночное патрулирование. Все эти меры безопасности на первый взгляд казались вполне надежными, и Бонд решил, что проблемы с обеспечением внешней охраны у него не возникнет.

Проскочив деревья, автомобиль покатил по ровному бетонированному пространству, границы которого из-за наступившей темноты нельзя было определить даже при свете мощных сдвоенных фар «бентли». Ярдах в ста влево, на краю леса, показались огни большого дома, наполовину заслоненного стеной толщиной в шесть футов, которая вырастала прямо из бетона и почти достигала крыши. Бонд сбавил газ до скорости пешехода и направил автомобиль, в сторону моря и еще какого-то

темного силуэта, внезапно забелевшего во вращающемся луче плавучего маяка «Саут-Гудвин» в Ла-Манше. Луч прорезал в воздухе дорожку до того места, где почти на самом краю скалы на расстоянии не меньшем, чем полмили, прямо из бетона на высоту около пятидесяти футов поднимался приплюснутый купол. Он напоминал купол обсерватории, Бонд даже успел заметить соединительный фланец, опоясывавший конструкцию.

Бонд развернул машину и медленно направил ее в промежуток, разделявший противозрывную стену и фасад дома. Когда машина остановилась перед входом, дверь дома отворилась, и на пороге появился лакей в белой ливрее. Он торопливо распахнул дверцу автомобиля.

— Добрый вечер, сэр. Я вас провожу.

Он говорил с легким иностранным акцентом, голосом, лишенным всякого выражения. Бонд проследовал за лакеем в дом и, миновав уютную прихожую, оказался перед дверью, в которую лакей постучал.

— Войдите.

Заслышав знакомый хриплый голос и те повелительные нотки, с которыми было произнесено это единственное слово, Бонд улыбнулся.

В дальнем конце продолговатой, яркой, обтянутой ситцем гостиной спиной к пустому камину стоял Дракс. Темно-фиолетовый вельветовый френч, резко контрастировавший с рыжей порослью лица, обтягивал фигуру гиганта. С ним были трое: двое мужчин и женщина.

— Дорогой друг, — заклокотал Дракс, и, шагнув навстречу Бонду, неистово затряс его руку. — Вот мы и снова встретились. И так скоро. Не знал, что вы служите соглядатаем в этом чертовыми министерстве, а то я бы хорошенько подумал, прежде чем садиться играть с вами в карты. Все деньги уже потратили? — спросил он, подводя Бонда к камину.

— Пока нет, — улыбнулся Бонд. — Даже еще и в руках не держал.

— Ну, конечно, конечно, ведь все расчеты по субботам. Вот получите чек и как раз отпразднуете наш фейерверк, а? Ну, а теперь знакомьтесь. — Он подвел Бонда к женщине. — Это мой секретарь мисс Бранд.

Бонд заглянул в ее спокойные небесного цвета глаза.

— Добрый вечер, — одарил он ее радушной улыбкой.

Всмотревшись на него с полной невозмутимостью, глазах не было ответной улыбки. Не было дружеского расположения и в пожатии руки.

— Как поживаете? — сказала она безразлично и, как показалось Бонду, почти враждебно.

Держится неплохо, отметил про себя Бонд. Еще одна Лозлия Понсонби. Замкнуто деловая, надежная и, разумеется, девственница. Слава Богу, подумал Бонд. Профессионал.

— Моя правая рука доктор Уолтер. — Казалось, что сухощавый черноволосый немолодой человек с глазами, в которых навсегда поселилась досада, не замечал протянутой ему руки. Встав по стойке смирно, он поздоровался энергичным кивком головы.

— Вальтер, — исправляя произношение Дракса, отчеканила узкая подоска рта, под которой красовалась черная эспаньолка.

— И мой — как бы поточнее сказать — «подай-принеси». Иными словами, мой адъютант Вилли Кребс. — Бонд ощутил влажное безвольное пожатие.

— Оч-чень рад познакомиться, — услышал Бонд заискивающий голосок и увидел перед собой бледное, нездоровое круглое лицо, расплывшееся в театральной улыбке, которая — не успел Бонд ее заметить — тотчас пропала. Бонд посмотрел ему в глаза. Они напоминали две беспокойные черные пуговицы, которые их владделец тотчас отвел в сторону.

Оба мужчины были одеты в безукоризненно белые комбинезоны с пластмассовыми молниями на руках, лодыжках и на спине. Волосы у обоих были коротко пострижены, так, что просвечивала кожа. Если бы не взъерошенные черные усики с эспаньолкой доктора Вальтера и не тонкая щеточка светлой поросли Кребса, то обоих можно было принять за инопланетян. И тот и другой имели карикатурный вид — этакий ученый-безумец и Петер Лорре [знаменитый немецкий, а затем американский актер, игравший почти исключительно убийц, маньяков и проч. из-за своей жутковатой внешности] в юности.

Исполинская фигура Дракса, который, казалось, заполнил собой все пространство, приятно контрастировала с этим угрюмым обществом, и Бонд был благодарен ему за веселую терпкость приема и за явное стремление забыть тот злополучный эпизод в «Блейдсе» и подружиться с новым офицером безопасности.

Роль радушного хозяина Дракс исполнял с удовольствием. Он потер руки.

— А теперь, Вилли, — сказал он, — сделайте-ка для нас ваш замечательный сухой мартини. За исключением, конечно, доктора. Этот не пьет и не курит, — пояснил он Бонду, возвращаясь на свое прежнее место возле камина. — И едва осмеливается дышать. — Он взорвался коротким смехом. — Весь погружен в мысли о ракете: Не так ли, друг мой?

Словно окаменев, доктор уставился прямо перед собой.

— Вам угодно пошутить, — сказал он.

— Ну, полно, полно, — сказал Дракс, успокаивая его точно ребенка. — Мы поговорим об этих ведущих кромках позже. Кроме вас все ими вполне удовлетворены. — Он обернулся к Бонду. — Наш милый доктор вечно всех пугает, — объяснил он снисходительно. — Ему вечно видятся какие-то кошмары. На сей раз это ведущие кромки стабилизаторов. Они и так уже остры как лезвия бритв, и никакое сопротивление воздуха им не страшно. Но вдруг наш доктор вбил себе в голову, будто они непременно должны расплавиться. От трения воздуха. Бывают, конечно, чудеса, но ведь они прошли испытания при температуре в 3000 градусов, и, как я уже втолковывал вам, если сгорят стабилизаторы, то сгорит и вся ракета. А этого не случится, — добавил он со зловещей усмешкой.

Подошел Кребс, держа в руках серебряный поднос, на котором стояли четыре наполненных бокала и запотевший шейкер. Мартини в правду был великолепен, и Бонд не замедлил высказать свое восхищение.

— Вы оч-чень любезны, — с глупой, самодовольной улыбкой сказал Кребс. — Сэр Хьюго оч-чень требователен.

— Налейте же ему еще, — велел Дракс. — А потом, быть может, наш друг захочет принять ванну. Ужин ровно в восемь.

Он еще не закончил говорить, как с улицы донесся приглушенный вой сирены и следом за ним топот идущего беглым шагом в ногу по бетонному покрытию площадки подразделения.

— Первая ночная смена, — прокомментировал Дракс. — Казармы расположены сразу за домом. Должно быть, уже восемь. У нас здесь все бегом, — добавил он с довольным блеском в глазах. — Точность прежде всего. У нас много ученых, но мы стараемся придерживаться воинской дисциплины. Вилли, проводите командера Бонда. А мы пойдем. Приходите поскорее.

Следуя за Кребсом к той двери, через которую он входил, Бонд заметил, что остальные, с Драксом во главе, потянулись к двойной двери в конце комнаты, которая отворилась, стоило Драксу замолчать. Лакей в белой ливрее стоял у парадного входа. Оказавшись в холле. Бонд подумал, что Дракс, конечно же, войдет в столовую первым, не пропустив мисс Бранд. Сильная личность. Относится к подчиненным словно они его дети. Вне всякого сомнения, прирожденный лидер. Откуда в нем это? Из армии? Или причиной всему его миллионы? Бонд шел,

по-прежнему упреков взгляд в улиткообразную шею Кребса, и искал ответ.

Ужин превзошел все ожидания. Дракс оказался хлебосольным хозяином и у себя за столом держался с безупречным тактом. Большую часть его разговора составляли попытки разговорить — ради Бонда — доктора Вальтера, и речь главным образом касалась разнообразных технических проблем, которые Дракс вкратце разъяснял, как только заканчивалась очередная тема. Бонд был поражен той осведомленностью, с которой Дракс обсуждал каждый из этих сложнейших вопросов, и его глубоким проникновением во все детали. В Бонде все возрастало подлинное восхищение этим человеком, которое почти вытеснило прежнюю неприязнь. Ему больше чем когда-либо хотелось забыть досадное происшествие в «Блейдсе», тем более, что он узнал нового Дракса — Дракса, создателя и вдохновителя грандиозного проекта.

Бонд занял место между хозяином и мисс Бранд и уже предпринял несколько попыток вовлечь девушку в общую беседу. Однако нисколько в этом не преуспел. Мисс Бранд отвечала вежливо, но односложно и, как показалось Бонду, избегала встречаться с ним взглядом. Бонд испытывал легкую досаду. Внешне он находил ее очень привлекательной, и то, что ему никак не удавалось добиться от нее взаимности, неприятно беспокоило его. Он понимал, что ее холодное безразличие было напускным и что вопросы безопасности могли бы быть решены скорее, если бы взамен утрированной сдержанности между ними установились дружеские отношения. У Бонда возникло острое желание как следует пнуть ее в лодыжку. Мысль эта позабавила его, и он поймал себя на том, что смотрит на нее по-новому: не как на коллегу по службе, а просто как на женщину. Воспользовавшись долгим спором, завязавшимся между Драксом и Вальтером по поводу разночтений в сводках погоды, поступивших из военно-воздушного ведомства и с Континента, в котором мисс Бранд участия не приняла, Бонд решил проанализировать свои ощущения.

В жизни мисс Бранд оказалась куда более привлекательной, чем можно было судить по снимку. Он с трудом представлял, каким образом могут сочетаться с ней жуткие требования профессии полицейского агента с соблазнительной внешностью. Четко очерченный профиль свидетельствовал о незаурядных волевых качествах, однако длинные черные ресницы, прикрывавшие темно-голубые глаза, и чуточку широковатый рот напоминали портреты кисти Мари Лоренсен. И все же губы, пожалуй, были слишком чувствительны для Лоренсен, и темно-каштановые волосы, свивавшиеся в локоны у основания шеи, предполагали иной стиль. В высоких скулах и слегка ухидивших вверх уголках глаз был намек на скандинавское происхождение, но теплота кожи была всецело английской. И в жестах и в посадке головы было чересчур много независимой уверенности, чтобы являть собой портрет идеальной секретарши. В самом деле, казалось, что она равноправный член команды Дракса, и даже, заметил Бонд, мужчины внимательно прислушиваются к ее ответам на вопросы Дракса.

Ее строгое вечернее платье с рукавами, спускавшимися ниже локтей, было сшито из черного муара. В меру открытый лиф лишь подчеркивал округлость ее груди, которые оказались ничуть не хуже того, что представлял себе Бонд, прочитав запись в личном деле. В острие V-образного выреза была приколотая яркая голубая камешка — инталия Тасси, догадался Бонд, недорогая, но оригинальная. Никаких других украшений, если не считать обручального кольца с блестящими на нем бриллиантками, она не носила. На губах ее была мягкая пунцовая помада, ногти аккуратно подстрижены и покрыты бесцветным лаком. В общем-то, подвел Бонд итог, она милая девушка, а под ее напускной сдержанностью таится страсть. И пусть, думал Бонд, она полицейский агент и владеет приемами джиу-джитцу, но ведь у нее имеется еще и родинка на правой груди.

С этой приятной мыслью Бонд вновь сосредоточил все свое внимание на

продолжавшемся между Драксом и Вальтером разговоре и оставил попытки найти общий язык с девушкой.

В девять часов ужин закончился.

— А теперь я хочу показать вам свое детище, — сказал Дракс, внезапно поднимаясь из-за стола. — Уолтер пойдет с нами. Пригодится. Идемте, любезный мой Бонд.

Не сказав ни слова ни Кребсу, ни девушке, Дракс широким шагом устремился вон из комнаты. Бонд и Вальтер последовали за ним.

Выйдя из дома, они направились по бетонному полю в сторону отдаленного сооружения на краю скалы. Взошла луна, и приземистый купол тускло блестел в ее тучах.

Не дойдя сотни ярдов до места, Дракс остановился.

— Я покажу вам где что находится, — сказал он. — Ступайте вперед, Уолтер. Вас ждут, чтобы еще раз взглянуть на стабилизаторы. Не беспокойтесь за них, дорогой друг. Те, кто трудится в отделе твердых сплавов, свое дело знают. Итак, — он обернулся к Бонду и взмахнул рукой в направлении молочно-белого купола, — «Мунрейкер» там. То, что вы видите, это колпак, закрывающий широкую шахту, которая уходит на сорок футов вглубь меловой породы. Половинки купола поднимаются гидравлически и откидываются до уровня верхней кромки двадцатифутового барабана. Если бы они открылись сейчас, то мы увидели бы нос «Мунрейкера», слегка выступающий над стеной. Вон там, — он указал на едва заметную квадратную тень в стороне Дила, — расположен центр управления, бетонный бункер, доверху набитый приборами слежения: радары, эхолоты и так далее. Они получают информацию по двадцати телеметрическим каналам. Там же находится большой телеэкран, позволяющий вести наблюдение за поведением ракеты внутри шахты, после того как будут пущены насосы. По другому телеприемнику можно следить за начальными стадиями полета. Рядом с ЦУ имеется подъемник, спускающийся к самому основанию скалы. Большая часть оборудования была доставлена морем, а затем поднята подъемником. То, что вы сейчас слышите, это гул силовой установки, — он махнул рукой в направлении Дувра. — Казармы сотрудников и дом защищены противовзрывной стеной, но когда начнутся испытания, все в радиусе мили будут эвакуированы за исключением специалистов из министерства и бригады Би-Би-Си, которая будет вести репортаж. Будем надеяться, что она выдержит взрыв. Уолтер утверждает, что большая часть площадки и бетонного покрытия расплавится в этом пекле. Вот и все. Пока мы не прошли внутрь, вам больше ничего знать не нужно. Идемте.

И опять внимание Бонда привлекли повелительные интонации в голосе. Он молча следовал за Драксом по освещенному лунным светом пространству, пока они не достигли стен. Над обшитой стальными листами дверью горела красная лампочка без плафона. Она освещала четкую надпись по-английски и по-немецки «ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ. ПРИ СВЕТЕ КРАСНОЙ ЛАМПЫ ВХОД ЗАПРЕЩЕН. ПОЗВОНИ, ЖДИ ОТВЕТА».

Дракс нажал расположенную под табличкой кнопку, и где-то внутри приглушенно задребезжал звонок.

— Там могут работать с оксиацетиленом или еще с чем-нибудь таким, — объяснил он. — Если человек, пусть даже на миг, отвлечется, то его ошибка может очень дорого обойтись. Когда звенит сигнал, все откладывают инструменты, а когда узнают в чем дело, то опять принимаются за работу. — Дракс отступил на шаг и указал на ряд решеток шириной около четырех футов, что были расположены у самого верха стены. — Вентиляционные люки, — пояснил он. — Температура воздуха в шахте поддерживается на уровне семидесяти градусов по Фаренгейту.

Дверь открыл человек с полицейской дубинкой и револьвером у пояса. Следуя

за Драксом, Бонд оказался в маленькой прихожей. В ней не было ничего, кроме скамьи и аккуратного ряда войлочных шлепанцев.

— Придется надеть, — сказал Дракс, первым скидывая ботинки. — Иначе можно поскользнуться и нечаянно кого-то толкнуть. Пиджак тоже лучше оставить здесь. Семьдесят градусов по Фаренгейту — нормальная температура.

— Спасибо, — сказал Бонд, вспоминая о «беретте» под мышкой. — Но я не скажу, что мне слишком жарко.

С чувством человека, попавшего за кулисы театра, Бонд шагнул следом за Драксом в дверь, что вела на железную карнизную площадку и тут же очутился в сиянии прожекторов, заставивших его машинально прикрыть глаза рукой и схватиться за поручень ограждения.

Когда он отнял руку от глаз, его взору открылась картина столь великолепная, что на несколько минут он потерял дар речи. Грозное величие самого могучего оружия на Земле ослепило его.

12. «Мунрейкер»

Казалось, будто он очутился внутри отполированного до блеска ствола огромной пушки. От самого дна, лежавшего на глубине сорока футов, вверх поднималась вогнутая стена шлифованного металла, почти у самого обреза которой словно мухи лепились Бонд с Драксом. В центре шахты, имевшей около тридцати футов в диаметре, возвышалась сверкающая хромом колонна, нос которой, заканчивавшийся острой как игла антенной, едва не упирался в нависший над их головами на высоте двадцати футов колпак.

Отливавший бликами снаряд покоился на опоре в виде усеченного стального конуса, вмонтированного в пол между тремя стремительно заломленными назад дельтавидными стабилизаторами, казавшимися острыми как хирургические скальпели. Ничто не нарушало шелковистого сияния пятидесятифутового хромированного корпуса, только тонкие щупальца двух легких стрел, выступавших из стены и плотно державших ракету через прокладки из пористой резины.

В тех местах, где стрелы соприкасались с корпусом ракеты, в ее стальном панцире виднелись маленькие люки, которые сейчас были открыты. В тот момент, когда Бонд посмотрел вниз, из одного люка на узкую платформу стрелы выполз человек и облаченной в перчатку рукой прикрыл крышку. Человек осторожно прошел по узкому мостику к стене и повернул рычаг. Послышался пронзительный вой механизма, и стрела, отняв мягкие щупальца от корпуса ракеты, нерешительно застыла в воздухе словно лапа богомола. Тон воя понизился, и стрела медленно сложилась. Затем она вновь расправилась и обхватила снаряд десятью футами ниже. Оператор снова прополз по ней, открыл другой люк и исчез внутри.

— Наверное, проверяет топливопроводы вспомогательных баков, — сказал Дракс. — Подача топлива осуществляется самотеком. Оригинальное решение. Ну как вам наша красавица? — он с явным удовлетворением созерцал сияющего от восхищения Бонда.

— В жизни не видал ничего прекраснее, — отозвался Бонд. В гигантской стальной трубе не было слышно ни звука, и голоса мужчин, теснившихся внизу, под хвостом ракеты, доносились едва различимым шепотом.

Дракс жестом указал вверх.

— Боеголовка, — объяснил он. — В данный момент опытная. Нашпигована всякими приборами. Телеметрия и все такое. А прямо напротив нас расположены гироскопы. От них и до самых турбин в хвостовой части идут только баки. Турбины работают на перегретом паре, который образуется в результате разложения перекиси водорода. Топливо, состоящее из фтора и кислорода (он круто обернулся к

Бонду: «Это, кстати государственная тайна»), поступает под давлением по специальным каналам в двигатель и тут же воспламеняется. Происходит своего рода контролируемый взрыв, который и толкает ракету в воздух. Стальное дно шахты убирается. Под ним имеется шахта для отработанных газов, которая выходит наружу в подножье скалы. Завтра вы ее увидите. Напоминает огромную пещеру. Когда мы на днях проводили статические испытания, мел плавился и вытекал в море точно кисель. Надеюсь, мы не сожжем эти знаменитые белые скалы до основания, когда придет время для настоящего дела. Хотите посмотреть, как двигаются работы?

Вслед за Драксом Бонд молча начал спускаться по крутой металлической лестнице, что спиралью вилась вдоль стены стального колодца. Он ощущал жар от охватившего его восхищения и даже преклонения перед этим человеком и его достижениями. И как он только мог оскорбиться ребяческой выходкой Дракса в клубе? Ведь даже великие не свободны от недостатков. Дракс просто вынужден давать выход тому напряжению, под воздействием которого он постоянно находится, взвалив на свои плечи эту фантастическую ношу. Разговор за ужином со всей ясностью показал, что он не в силах поделить тяжким бременем со своими закомплексованными помощниками. От него и только от него исходит та жизненная сила и энергия, которая передается всему коллективу. Вот потому даже в такой мелочи как игра в карты он обязан постоянно ощущать уверенность в своих силах, искать подтверждения удачи и успеха, хотя бы и фабрикуя их. Какой человек, окажись он в шкуре Дракса, спрашивал себя Бонд, не стал бы так потеть и кусать ногти, если столько поставлено на кон, если ставка столь высока?

Спускаясь по шедшему плавным изгибом трапу — их фигуры карикатурно отражались в отполированной до зеркального блеска оболочке ракеты — Бонд испытывал самоуничижительный восторг перед человеком, которого лишь за несколько часов до того перемывал по косточкам с жалостью, если не сказать, с отвращением.

Достигнув выложенного стальными плитами дна шахты, Дракс остановился и посмотрел вверх. Бонд тоже задрал голову. С этого ракурса ракета представлялась тонким и прямым столбом света, устремленным в переливавшийся всеми цветами радуги свод, и свод этот был не просто белым, а сиял перламутровыми отливами. Мерцали тут и там красные искорки, это отражались алые емкости огромного огнетушителя, который стоял рядом и раструб которого рабочий в асбестовом костюме направлял на основание ракеты. Был тут и фиолетовый мазок, от лампочки на вмонтированном в стену щите управления стальной крышкой шахты выхлопа. Изумрудными разводами отражался абажур лампы, стоявшей на столе из некрашенных досок, за которым сидел человек и заносил в журнал цифры в порядке, в котором ему диктовали их собравшиеся под самым хвостом «Мунрейкера» сотрудники.

Глядя на бело-голубую колонну, до невероятности легкую и изящную, Бонд с трудом верил, что эта хрупкая конструкция способна будет выдержать ожидавшие ее в пятницу перегрузки: ревущий поток самого мощного в мире управляемого взрыва, звуковой барьер, неизведанное доселе давление воздуха при скорости в 15 тысяч миль в час, страшный удар, который испытает ракета, обрушиваясь с высоты тысячи миль и входя в плотные слои земной атмосферы.

Словно прочитав мысли Бонда, Дракс обернулся к нему.

— Все это очень напоминает убийство, — произнес он и, к изумлению Бонда, разразился приступом лающего смеха. — Уолтер, — крикнул он куда-то в группу сотрудников. — Подите-ка сюда. — Вальтер отделился от группы и приблизился к ним. — Уолтер, я говорю нашему другу командеру, что запуск «Мунрейкера» будет очень напоминать убийство.

Заметив на лице доктора выражение озадаченности и недоверия, Бонд

нисколько не удивился.

— Убийство ребенка. Нашего детища, — в раздражении растолковал Дракс, указывая на ракету. — Проснитесь. Проснитесь же. Что с вами?

Лицо Вальтера прояснилось. Ледяная усмешка говорила о том, что от него не ускользнул смысл метафоры.

— Убийство. Да, это здорово. Ха! Ха! А теперь, сэр Хьюго, вот что. Графитовые пластины вытяжного канала. Значит, в министерстве довольны температурой их плавления? А им не приходит в голову, что... — по-прежнему что-то объясняя, Вальтер подвел Дракса к хвосту ракеты. Бонд последовал за ними.

Как только они подошли, лица десяти человек обернулись к ним. Дракс жестом руки представил Бонда собравшимся.

— Коммандер Бонд, наш новый офицер безопасности, — коротко отрекомендовал он.

Люди молча посмотрели на Бонда. Никто из них даже не шелохнулся, ни в одной из десяти пар глаз не мелькнуло и тени заинтересованности.

— Ну так что, что тут за сложности с графитом?.. — люди обступили Дракса и Вальтера. Бонд остался один.

Холодность приема нисколько не удивила Бонда. Он и сам встретил бы с таким же безразличным презрением вторжение дилетанта в секреты собственной профессии. Это талантливые специалисты, на протяжении нескольких недель жившие лишь интересами своей науки и теперь находившиеся на пороге окончательного успеха, вызывали у него сочувствие. И все же, вспомнил Бонд, даже простак ясно, что он так же, как и они, выполняет свою — не менее важную, чем их — функцию в проекте, свой долг. А что если среди этих людей, чьи глаза были столь неприветливы, прятался враг, в этот самый момент, быть может, торжествовавший, знающий наверняка, что одна из тех графитовых пластин, вызвавшая сомнения Вальтера, действительно может подвести? Да, внешне они, сгрудившиеся вокруг Дракса и Вальтера и, внимавшие их словам, на самом деле производили впечатление сплоченного коллектива, почти братства. Однако нет ли среди них того, кто, словно часовой механизм адской машины, производил скрытый расчет?

Предоставленный самому себе. Бонд между делом бродил в образованном оконечностями трех стабилизаторов, что покоились на вделанных в углубления в стальном полу резиновых подушках, треугольнике. Все, на что ни натыкался его взгляд, вызывало в нем интерес, однако он не забывал время от времени окидывать взглядом группу сотрудников, каждый раз с новой точкой.

За исключением Дракса все были одеты в облегающие нейлоновые комбинезоны с застежками-молниями на спине. Ни у кого не было ничего металлического, и никто не носил очки. Точно так же, как Вальтер и Кребс, все были коротко острижены — видимо, для того, решил Бонд, чтобы случайно волосы не попали в какие-нибудь механизмы. И тем не менее, каждый из мужчин — это их общее свойство показалось Бонду наиболее странным — был обладателем роскошных усов, уходу за которыми, судя по их виду, уделялось огромное внимание. Усы были всех форм и оттенков: светлые, темные, прямые, висячие, а-ля кайзер Вильгельм, а-ля Гитлер — каждое лицо имело собственный волосистый знак, среди которых пышная рыжая растительность лица Дракса сияла словно печать, подтверждающая его верховное право.

Почему, задавался вопросом Бонд, каждый сотрудник, работающий на площадке, непременно должен носить усы? Сам он никогда не был любителем усов, но в сочетании с почти наголо обритыми головами эти ухоженные щеточки казались попросту неприличными. Будь они все одинаковы, еще куда ни шло, однако на фоне круглых, остриженных голов это разнообразие индивидуальных вкусов, этот разноразный производил особенно отталкивающее впечатление.

В остальном же ничего не бросалось в глаза; все сотрудники были среднего роста, подтянутые, и одетые, предположил Бонд, более или менее в «рабочем» стиле. При работе на стрелах нужна ловкость, при манипуляции в люках и крошечных внутренних пространствах ракеты необходимо быть компактным. Руки людей были расслаблены и безупречно чисты, ноги в войлочных шлепанцах недвижимы. Ни один из них ни разу не позволил себе любопытствующего взгляда в сторону Бонда.

Да, что касается проникновения в их мысли и оценки их лояльности, то, признался себе Бонд, задача эта — в оставшиеся три дня влезть в головы пятидесяти, похожих на роботов немцев — была абсолютно невыполнима. Но вдруг он вспомнил. Уже не пятьдесят. А только сорок девять. Один из этих роботов уже «слетел с катушек» (точное выражение, успел подумать Бонд). И что же оказалось в голове Бартша? Половая неудовлетворенность, да «Хайль Гитлер». Так ли уж он будет неправ, размышлял Бонд, если предположит, что и в остальных сорока девяти головах, если оставить в стороне «Мунрейкер», мысли были только об этом?

— Доктор Уолтер! Это приказ. — Прервал размышления Бонда, трогавшего рукой острую ведущую кромку одного из колумбитовых стабилизаторов, голос еле сдерживавшего гнев Дракса. — Возвращайтесь к работе. Мы и так потеряли достаточно времени.

Не дожидаясь дальнейших окриков, люди разошлись по своим местам, и Дракс присоединился к Бонду, оставив Вальтера стоять в нерешительности под соплом ракеты.

Дракс был мрачнее тучи.

— Кретин. Вечно нарывается, — пробормотал он и тут же, словно желая выбросить из головы своего помощника, предложил. — Идемте ко мне в кабинет. Я покажу вам график полета. А потом — спать.

Они пересекли площадку. Дракс повернул маленькую ручку, заделанную заподлицо со стальной стеной, и перед ними с шипящим звуком отворилась узкая дверца. В глубине, на расстоянии трех футов от первой дверцы была еще одна стальная дверь; и та и другая, заметил Бонд, имела резиновые уплотнители. Воздушная пробка. Задержавшись на пороге, Дракс указал на ряд таких же неприметных ручек в вогнутой стене.

— Мастерские, — пояснил он. — Электрики, генераторы, контроль заправки, душевые, склад. — Затем он кивнул на смежную дверь. — Кабинет моего секретаря. — Прежде чем открыть внутреннюю дверь, Дракс запер внешнюю, и пропустив Бонда в кабинет, закрыл и ее.

Это была строгая, окрашенная в бледно-серый цвет комната, в которой кроме широкого письменного стола находилось еще несколько стульев, изготовленных из металлических трубок и темно-синей холстины. Пол был застлан серым ковром. Еще были здесь два зеленых стеллажа с папками и большой металлический радиоприемник. Сквозь неплотно прикрытую дверь проглядывала облицованная кафелем ванная. Напротив стола располагалась широкая, ничем не занятая стена, сделанная, как выяснилось, из матового стекла. Дракс подошел к ней и щелкнул двумя расположенными с правой ее стороны выключателями. Стена осветилась, и перед Бондом возникла карта, нанесенная на обратную поверхность стекла и имевшая площадь около шести квадратных футов.

В левой части карты была изображена восточная Англия, от Портсмута до Гулля, и прилегающая к ней акватория между 50-й и 55-й широтой. От красной точки в окрестностях Дувра, где была расположена пусковая площадка, на все расстояния полета ракеты через равные десятимильные интервалы шли параллельные дуги, обозначавшие сектор обстрела. На удалении 80 миль от площадки, между Фризскими островами и Гуллем, прямо в море стоял красный ромб.

Взмахом руки Дракс указал на правую часть карты, которую занимали плотно

испещренные цифрами математические таблицы и колонки предельных коэффициентов.

— Скорости ветра, атмосферное давление, расчетные таблицы настройки гироскопов, — сказал он. — Все составлено с учетом константных скорости и дальности полета ракеты. Из министерства ВВС нам ежедневно сообщают данные о погоде и параметры верхних слоев атмосферы. Данные получают при помощи реактивного самолета, который, достигая своего «потолка», выпускает гелиевый баллон и тот летит еще выше. Толщина атмосферы Земли составляет около 50 миль. Но на высоте 20 миль наш «Мунрейкер» уже не встретит сопротивления воздуха. Его курс пролегает почти что в вакууме. Самое сложное — преодолеть первые 20 миль. Другая загвоздка — притяжение Земли. Если вам интересно, Уолтер все объяснит. В пятницу в последние часы перед стартом сводка погоды будет поступать непрерывно. Гироскопы будут настроены перед самым запуском. А пока мисс Бранд каждое утро заносит данные и ведет таблицу гироскопов, на случай, если они вдруг понадобятся.

Дракс перешел к другой таблице. Она представляла собой диаграмму полета снаряда от старта до цели. Здесь тоже были колонки с цифрами.

— Скорость вращения Земли и ее влияние на траекторию ракеты, — объяснил Дракс. — Пока ракета находится в полете, Земля вращается на восток. Этот фактор нужно учитывать при составлении графика полета. Все очень непросто. К счастью, вам вовсе не обязательно это усваивать. Оставьте это для мисс Бранд. А теперь, — он повернул выключатели, и стена погасла, — я готов ответить на вопросы, касающиеся ваших обязанностей. Думаю, их выполнение не потребует от вас чрезмерных усилий. Как видите, все здесь буквально сочится секретностью. Министерство настаивало на этом с самого начала.

— Пока все в порядке, — сказал Бонд. Он изучал лицо Дракса. Его здоровый глаз пристально впился в Бонда. — Как вы считаете, существовала ли связь между вашим секретарем и мистером Тэллоном? — спросил он. Вопрос этот лежал на поверхности, и Бонд решил задать его сразу.

— А почему бы нет? — не задумываясь, ответил Дракс. — Она привлекательная девушка. Они проводили здесь много времени вместе. Во всяком случае, уж в сердце Бартша она, похоже, оставила отметину.

— Я слышал, что прежде чем пустить пулю себе в рот, Бартш в нацистском приветствии выкинул руку и крикнул «Хайль Гитлер», — заметил Бонд.

— Мне тоже говорили об этом, — невозмутимо сказал Дракс. — Ну и что с того?

— Почему все мужчины у вас носят усы? — спросил Бонд, оставив реплику Дракса без внимания, и ему снова показалось, что вопрос пришелся собеседнику не по вкусу.

— Это моя идея, — ответил Дракс, издав свой короткий лающий смешок. — В белых спецовках и с бритыми головами людей почти не различить. Поэтому я велел всем отпустить усы. Усы — моя слабость. Как во время войны в ВВС. А разве это плохо?

— О нет, несколько, — сказал Бонд. — Просто поначалу как-то пугает. По-моему, большие цифры на костюмах и разные цвета для смен были бы куда эффектнее.

— Может быть, — произнес Дракс, поворачиваясь к двери и тем самым давая понять, что аудиенция окончена, — но я остановил выбор на усах.

13. Карта адмиралтейства

Рано утром, в среду, Бонд проснулся в постели своего погибшего предшественника.

Спал он мало. Вечером накануне Дракс всю дорогу до дома хранил молчание и лишь у подножья лестницы вежливо раскланялся. Бонд прошел по устланному

ковром коридору в уютную спальню, сквозь приоткрытую дверь которой пробивался свет, и нашел там свои вещи, кем-то аккуратно сложенные.

Комната была обставлена с той же расточительностью, что и первый этаж. На тумбочке возле кровати была коробка печенья и бутылка «Виши» («Виши» настоящая, не вода из-под крана, понял Бонд.)

Кроме бинокля в кожаном футляре на туалетном столике и металлического шкафа с документами, который был сейчас заперт, в комнате не оставалось других следов пребывания предыдущего постояльца. С такими сейфами Бонд обращаться умел. Он облокотил шкаф о стену, сунул руку под дно и нащупал нижний конец запора, который при закрытой верхней секции должен был торчать снизу. Толкнув его вверх. Бонд один за другим освободил ящики и аккуратно опустил шкаф на пол, недобро подумав, что в Секрет Сервис майор Тэллон вряд ли бы задержался надолго.

В верхнем ящике шкафа лежали планы площадки и прилегающих зданий, а также адмиралтейская карта Дуврского пролива за номером 1895. Разложив листы на кровати, Бонд тщательно осмотрел их. В складках карты Адмиралтейства виднелись следы сигаретного пепла.

Бонд достал свой инструментарий, умещавшийся в квадратном кожаном кейсе. Осмотрев вращающиеся цифровые барабаны кодовых замочков и с удовлетворением отметив, что их никто не касался, он набрал нужную комбинацию. Кейс был буквально нашпигован различными инструментами. Бонд отыскал порошок для снятия отпечатков пальцев и большое увеличительное стекло. Затем фут за футом он стал наносить мелкий сероватый порошок на поверхность карты. Вся карта была усеяна «пальчиками».

Тщательно сравнивая их, Бонд пришел к выводу, что они принадлежали двум людям. Он выбрал два наилучшим образом сохранившихся комплекта отпечатков, вынул из кожаного чемоданчика «лейку» со вспышкой и сфотографировал их. Потом с помощью лупы он внимательно изучил две едва заметные бороздки на карте, обнаружившиеся при работе с порошком.

Они представляли собой две прямые линии, шедшие от берега и пересекавшиеся в море. Пеленг был очень узкий, казалось, что свои начала обе линии берут в том самом доме, где Бонд находился в данную минуту. Возможно, подумал Бонд, они указывают на какой-то объект в море, наблюдение за которым велось из обоих крыльев дома.

Линии были прочерчены не карандашом, а — в целях маскировки — каким-то остроконечным предметом, который лишь чуть-чуть примял бумагу.

Рядом с точкой пересечения линий сохранился след вопросительного знака. Отметка находилась на глубине 12 фатомов и на расстоянии 50 ярдов от скалы по прямому полету от дома до «Саут-Гудвина».

Никакой другой информации осмотр карты не дал. Бонд взглянул на часы. Без двадцати час. Из холла донеслись приглушенные шаги, затем щелчок выключателя. Повинуясь внезапному импульсу. Бонд поднялся и осторожно погасил свет, оставив лишь лампу под абажуром, что была рядом с кроватью.

Было слышно, как, тяжело ступая, поднимается по лестнице Дракс. Еще один щелчок выключателя, и затем — тишина. Мысленно Бонд видел, как Дракс озирается, вертя массивной, с богатой растительностью головой, прислушивается, осматривает коридор. Наконец, раздался скрип, мягко отворилась дверь и столь же мягко прикрылась. Бонд выжидал, ясно представляя себе действия человека, готовящегося ко сну. Донесся еле слышный звук открываемого окна, кто-то оглушительно высморкался. Затем наступила тишина.

Подождав минут пять, пока Дракс утихомирится. Бонд подошел к сейфу и, стараясь не шуметь, выдвинул остальные ящики. Во втором и третьем было пусто,

однако нижний оказался до отказа набит папками, рассортированными в алфавитном порядке. Это были личные дела всех занятых на площадке сотрудников. Бонд вытащил секцию под литерой "А" и, присев на кровать, стал читать.

Все дела были составлены по единой схеме: полное имя, адрес, дата рождения, словесный портрет, особые приметы, профессия или занятия после войны, сведения о военном периоде, политические убеждения и нынешние привязанности, проступки, состояние здоровья, родственники. У некоторых были жены и дети, сведения о которых также были занесены в карточки, к каждому досье прилагались фотографии — профиль и анфас — и отпечатки пальцев обеих рук.

Двумя часами позже, выкурив десяток сигарет, Бонд уже просмотрел все дела и обнаружил при этом два небезынтересных факта. Во-первых, выяснилось, что до сего дня все как один пятьдесят сотрудников жили в полном согласии с законом, ничем не скомпрометировав себя ни по политической, ни по уголовной линии. Это обстоятельство казалось столь невероятным, что он решил при первом же удобном случае передать все до последнего досье в секцию "Д" для тщательной перепроверки.

Во-вторых, на фотоснимках ни один из сотрудников усов не имел. Несмотря на разъяснения Дракса, этот факт также запечатлел в сознании Бонда маленький знак вопроса.

Бонд встал с кровати и запер документы в шкаф, убрав адмиралтейскую карту вместе с одним из дел в свой кожаный кейс. Он повернул колесики кодовых замков и задвинул кейс под кровать, к самой стене у изголовья. Затем без лишнего шума умылся, почистил зубы и широко распахнул окно.

В небе по-прежнему светила луна; вот точно так же, думал Бонд, светила она и тогда, когда две ночи тому назад Тэллон, встревоженный каким-то необычным шумом, выбрался на крышу и увидел в море то, что увидел. Конечно, он прихватил с собой бинокль; вспомнив о бинокле. Бонд отошел от окна и взял его в руки. Это был очень мощный немецкий бинокль, добытый, по всей вероятности, на войне. По цифрам «7х50», значившимся на верхней пластине, Бонд определил, что прибор предназначен для ночного видения. Затем, наверное, осторожный Тэллон тихо (вот только насколько тихо?) прошел на другой конец крыши и вновь поднес бинокль к глазам, высчитывая расстояние от края скалы до объекта в море, и от объекта в море до «Саут-Гудвина». Потом он вернулся тем же путем, каким вышел, стараясь никого не потревожить, и проник назад в комнату.

Бонд представлял себе, как Тэллон — возможно, впервые за все время своего пребывания в этом доме — осторожно запирает дверь, подходит к шкафу, вынимает карту, на которую до того вряд ли вообще падал его взгляд, и аккуратно наносит на нее результат своих наблюдений. Возможно, он долго стоял и смотрел на нее, прежде чем в точке пересечения линий появился крошечный вопросительный знак.

Что являл собою этот неизвестный объект? Трудно сказать. Судно? Луч света? Какой-то шум?

Что бы не увидал в ту ночь Тэллон, это не предназначалось для его глаз. Кто-то его подслушал. Кто-то догадался, что он видел нечто, и, дождавшись, когда следующим утром Тэллон покинет комнату, проник в нее и обыскал. Возможно, карта ничего и не рассказала, но у окна стоял бинокль.

Этого было достаточно. В тот же вечер Тэллон умер.

Бонд взял себя в руки. Слишком уж он спешит, выстраивая версию на одной косвенной улике. Бартш убил Тэллона, но Бартш, чье досье как раз и спрятал Бонд в свой кейс, не был тем человеком, который услышал шум и позже оставил отпечатки своих пальцев на карте.

Этим человеком был Кребс, приторный адъютант, с шеей, напоминавшей белого слизняка. На карте были его «пальчики». Бонд четверть часа сравнивал

отпечатки пальцев на карте и в досье Кребса. Но с чего он взял, что именно Кребс услышал шум и предпринял затем соответствующие шаги? Ладно, начать хотя бы с того, что он действительно похож на человека, привыкшего совать нос не в свои дела. Эти бегающие глаза воришки. К тому же отпечатки были оставлены им на карте определенно после того, как ее изучал Тэллон. В некоторых местах пальцы Кребса перекрывают пальцы Тэллона.

Однако каким образом все это удалось Кребсу, если Дракс постоянно следит за ним? Доверенное лицо. Но как забыть «Цицерона», слугу британского посла в Анкаре во время войны, которому тот тоже полностью доверял? Рука, запущенная в карман полосатых брюк, что висят на спинке стула. Ключи посла. Сейф. Документы. Внешняя канва, похоже, та же.

Бонд поежился. Вдруг он понял, что уже давно стоит перед открытым окном и что надо бы ложиться спать.

Однако прежде чем лечь в постель. Бонд взял с кресла наплечную кобуру, вынул из нее «беретту» и сунул под подушку. На случай, если придется обороняться. Только вот от кого? Ответа Бонд не знал, но интуиция подсказывала, что опасность таится где-то рядом. И хотя она по-прежнему была неясна и маячила на пороге подсознания, предчувствие не давало ему покоя. Бонд прекрасно сознавал, что его опасения имели под собой только зыбкую почву вопросов, возникших за последние 24 часа — загадка Дракса, «хайль Гитлер» Бартша, причудливые усы, пятьдесят достойнейших немцев, карта, бинокль для ночного видения, Кребс.

Перво-наперво он обязан доложить свои подозрения Вэллансу. Потом он займется разработкой версии Кребса. Потом проверит охрану «Мунрейкера» со стороны моря, а затем установит контакт с этой заносчивой мисс Бранд и согласует с ней план действий на следующие два дня. Времени в обрез.

Прежде чем уснуть. Бонд мысленно представил себе семерку на циферблате часов и похоронил ее в потаенных уголках сознания, чтобы пробудиться точно в назначенный час. Он хотел выйти из дома и связаться с Вэллансом как можно раньше. Если его действия и вызовут у кого-то подозрения, то он будет этому только рад. Одной из его целей как раз и было привлечь к себе внимание сил, что были потревожены Тэллоном, поскольку в одном он был уверен на сто процентов: майор Тэллон погиб вовсе не потому, что любил Галу Бранд.

Внутренний будильник не подвел его. Ровно в семь Бонд вынырнул из постели и встал под холодный душ. От того, что накануне он выкурил слишком много сигарет, во рту ощущалась сухость. Побрившись и прополоскав рот душистым эликсиром, Бонд в поношенном костюме, темно-синей хлопчатой рубашке и черном шелковом плетеном галстуке мягко, но не украдкой, с квадратным кожаным кейсом в руке прошел по коридору к лестнице.

Гараж он нашел позади дома, мощный двигатель «бентли» заурчал при первом же повороте ключа. Под безразличным взором зашторенных окон дома Бонд медленно вырулил на бетонную площадку и, переключив двигатель на холостые обороты, остановился у кромки леса. Еще раз окинув взглядом дом, он убедился, что человек, стоящий на крыше, действительно может видеть поверх противозрывной стены край скалы и кусок моря за ней.

Возле упрятанной под колпак шахты «Мунрейкера» не обнаруживалось никаких признаков жизни; бетонная площадка, начинавшая светлеть в первых лучах утреннего солнца, пустыней простиралась в сторону Дила. Она напоминала только что построенный аэродром, или даже — с тремя нелепыми бетонными формами; ульеобразным куполом, похожей на утюг стеной и маячившем вдалеке кубом ЦУ, каждая из которых отбрасывала в лучах восходящего солнца черную тень, — пустынный ландшафт в духе Дали, где в тщательно выверенном беспорядке валялись три *objects trouves*.

Дальше в море сквозь утреннюю дымку, обещавшую жаркий день, едва проглядывал «Саут-Гудвин», окрашенный в тусклый красный цвет барак, навсегда пришвартованный к своему месту и, подобно бутафорским парусникам в театрах на Друри-Лейн, обреченный беспомощно взирать, как деловито проплывают за кулисы волны и облака, в то время как он — без документов, без пассажиров, без груза — стоит на вечном приколе в порту отправления, который в тот же самый момент является и конечным пунктом его плавания.

Каждые тридцать секунд он посылал в дымку печальный жалобный стон, протяжный двойной гудок с нисходящим глиссандо. Песнь сирены, подумал Бонд, которая вместо того, чтобы манить, гонит прочь. Интересно, каким образом семь человек экипажа маяка поддерживают звук в данный момент, когда, без сомнения, уплетают свинину с бобами. Передергивает ли их, когда этот вой перекрывает включенное на полную громкость радио в их тесной столовой? И все же, решил Бонд, жизнь течет здесь спокойно, как на кладбище.

Мысленно пометив себе разузнать, не видели ли или не слышали эти семеро то, что запечатлел на своей карте Тэллон, Бонд прибавил газу и миновал оба КП.

Добравшись до Дувра, Бонд притормозил у небольшого, скромного ресторанчика под названием «Кафе Ройял», где, как ему было давно известно, кухня хотя и не отличалась особой изысканностью, но все же блюда из рыбы и яиц выходили на славу. Хозяйка с сыном встретили его как старого друга. Бонд попросил, чтобы через полчаса для него приготовили яичницу с беконом и большую чашку кофе. Затем он отправился в полицейский участок и связался через коммутатор Скотленд-Ярда с Вэллансом. Вэлланс был дома и в этот момент завтракал. Не перебивая, он выслушал зашифрованное сообщение Бонда и был очень удивлен, когда узнал, что Бонд до сих пор не имел возможности переговорить с Галой Бранд.

— Она смышленная девушка, — сказал Вэлланс. — Если мистер К. каким-то образом скомпрометировал себя, она обязательно в курсе. И если Т. слышал в субботу ночью какой-то шум, она тоже могла слышать. Хотя, признаюсь, ничего подобного она не сообщает.

О приеме, который ему был оказан агентом Вэлланса, Бонд умолчал.

— Надеюсь поговорить с ней сегодня утром, — сказал он. — Кроме того я посылаю вам карту и фотопленку, чтобы вы могли ознакомиться. Я передам их инспектору. Возможно, их доставит дорожный патруль. Кстати, откуда звонил Т., когда в понедельник связывался с нанимателем?

— Мы расследуем и сообщим вам, — ответил Вэлланс. — Я запрошу Тринити-Хаус, не смогут ли вам чем-нибудь помочь на «Саут-Гудвине» и в береговой охране. Что еще?

— Ничего, — сказал Бонд. Слишком много телефонистов обеспечивали связь. Если бы он говорил с М., то сумел бы сказать больше. Рассказывать Вэллансу об усах и смутных опасениях, которые нахлынули на него вчера ночью и которые рассеялись с первыми лучами утра, было как-то не солидно. Эти парни в полиции признают только факты. Раскрывать преступления решил он, им удастся гораздо лучше, нежели предупреждать их. — Больше ничего. — Он повесил трубку.

После плотного завтрака Бонд чувствовал себя бодрее. Перелистывая «Экспресс» и «Таймс», он наткнулся на невразумительное сообщение о дознании по делу Тэллона. «Экспресс» поместила также большую фотографию мисс Бранд, и Бонда позабавило то, какой неопределенный портрет удалось подготовить Вэллансу. Он решил, что обязательно должен попытаться установить с ней контакт. И полностью довериться ей, независимо от того, будет ли это доверие обоюдным. Не исключено, что и она что-то подозревает или смутно догадывается, но до поры до времени держит при себе.

Не теряя времени, Бонд пустился в обратный путь. Было ровно девять, и когда

он выехал на бетон, раздался вой сирены. Из леса, подступавшего к дому сзади возникли две шеренги по двенадцать человек в каждой и в ногу беглым шагом устремились в сторону купола. Пока один нажимал на звонок, остальные маршировали на месте. Затем дверь отворилась, и все вереницей исчезли в темном проеме.

Раздень немца, и что обнаружишь? — голую дисциплину, подумал Бонд.

14. Подозрение

Прошло полчаса с того момента, как Гала Бранд затушила свою утреннюю сигарету, допила остаток кофе, вышла из спальни и, в безукоризненно белой сорочке и темно-синей плиссированной юбке являя собой тип идеальной секретарши, отправилась на площадку.

Ровно в восемь тридцать она была у себя в кабинете. На столе ее дожидалась пачка телефонограмм из военно-воздушного министерства, и первое, что она сделала, это перенесла содержащиеся в них данные на метеокарту и затем, пройдя сквозь соединявшую ее кабинет с кабинетом Дракса дверь, приколола эту карту к доске, что висела на стене, примыкавшей к огромному молочного цвета экрану. Она нажала на кнопку, и нанесенная на стекло карта вспыхнула. Сверяясь с высвеченными колонками цифр, она произвела расчеты и результаты занесла на карту, которую только что прикрепила к доске.

С тех пор, как площадка была достроена и в чреве ее началось возведение ракеты, Гала Бранд проделывала эту процедуру ежедневно, причем с приближением испытаний данные министерства ВВС всякий раз становились все точнее. Она теперь так здорово разбиралась во всем этом, что уже знала наизусть параметры гироскопов почти для любого состояния погоды и на любой высоте.

Тем более ее раздражало то, что Дракс, похоже, не доверял ей. Каждый день, после того, как ровно в девять часов раздавался предупредительный сигнал и он по крутому стальному трапу спускался в свой кабинет, Дракс первым делом вызывал этого несносного доктора Вальтера, и они вдвоем пересчитывали ее результаты, записывая их в тонкую черную тетрадку, которую Дракс всегда носил в заднем кармане брюк. Она знала, что этот ритуал повторяется изо дня в день, и уже устала подсматривать через потайное отверстие, которое сама просверлила в тонкой стене, разделявшей кабинеты, чтобы иметь возможность посылать Вэллансу ежедневные донесения о посетителях Дракса. Способ — не Бог весть какой мудреный, зато эффективный. Вскоре она имела полную картину этой ежедневной процедуры, которая так сильно действовала ей на нервы. Раздражение это имело в основе две причины. Во-первых, это означало, что Дракс не доверяет ее расчетам, а во-вторых, уменьшало ее шансы принять участие, пусть даже самое скромное, в близившемся запуске.

То, что по прошествии месяцев она укоренилась в новом своем качестве так же глубоко, как и в своей истинной профессии, было вполне естественно. Для того чтобы ее легенда была надежнее, было очень важно, чтобы ее вторая сущность выглядела как можно правдоподобнее. Поэтому, не забывая следить и шпионить за окружением Дракса по заданию шефа в Лондоне, она всем сердцем желала успеха «Мунрейкеру» и по примеру других полностью отдавала себя службе.

Ее обязанности секретарши Дракса были непереносимо скучными. Каждый день на имя Дракса поступала обширная корреспонденция, которую переправляло сюда министерство ВВС, и в то утро она как обычно обнаружила у себя на столе пачку из приблизительно пятидесяти писем. Как правило, приходили письма трех видов. Письма-просьбы, письма от безумных изобретателей и деловые письма от биржевого брокера и других коммерческих агентов. На эти последние Дракс диктовал

коротенькие ответы, и всю вторую половину дня Гала проводила за пишущей машинкой и скоросшивателем.

Поэтому естественно, что ее единственная обязанность, непосредственно связанная с работой над ракетой, заслоняя остальную скуку, и сегодня утром, проверяя и перепроверяя полетный график, она была уверена больше, чем когда-либо, что в Главный день ее данные обязательно будут приняты. А может, как ей временами казалось, ее расчеты никогда и не подвергались сомнению. Может, эти ежедневные расчеты Дракса и Вальтере, которые они заносили в черную тетрадку, были ничем иным как проверкой ее результатов. Ведь Дракс ни разу не ставил под вопрос правильность ее расчетов метеоусловий или параметров гироскопов. Когда однажды она прямо в лоб спросила его, верны ли ее расчеты, Дракс совершенно искренне воскликнул: «Разумеется, моя милая. Они нам очень помогают. Без них у нас ничего бы не вышло».

Гала Бранд вернулась в свой кабинет и принялась распечатывать корреспонденцию. Оставалось составить два полетных графика — на четверг и на пятницу, — и после этого в соответствии с ее расчетами или с теми расчетами, что хранились в кармане у Дракса, гироскопы будут окончательно настроены, и в центре управления нажмут кнопку пуска.

Рассеянно оглядев ногти, она вытянула руки вперед ладонями вверх. Сколько же раз за время обучения в полицейском колледже ее вместе с другими студентами отправляли на практику и наказывали не возвращаться, не добыв чью-либо запасную книжку, несессер, авторучку или даже научные часы? Сколько раз во время занятий, обернувшись с быстротой молнии, инструктор ловил ее запястье и приговаривал: «Вот так-то, милая. Не пойдет. Так только слон в карман к дрессировщику за сахаром лазает. Повторим-ка еще раз».

Она неторопливо размяла пальцы и решительно взялась за стопку писем.

Без нескольких минут девять раздался сигнальный звонок, и вскоре она услышала, как Дракс вошел в свой кабинет. Минуту спустя он вновь отворил двойные двери и позвал Вальтера. Затем последовало привычное бормотание, тонувшее в мягком стрекоте вентиляторов.

Она рассортировала письма на три кучки и, расслабившись, придвинулась к столу, положив локти на крышку и подперев левой рукой подбородок.

Коммандер Бонд. Джеймс Бонд. По всему видно — самонадеянный молодой человек, как все они в Сикрет Сервис. Почему вместо него не прислали кого-нибудь, с кем она могла бы нормально работать, кого-нибудь из ее друзей по Специальному управлению или хотя бы из МИ—5? В сообщении помощника комиссара говорилось, что в данный момент свободных людей нет и потому в помощь ей посылают одного из лучших агентов Сикрет Сервис, который стоит на доверии Специального управления и МИ—5. Разрешение действовать в Англии — лишь ради этого исключительного случая — выдал ему сам премьер-министр. Но какой может быть от него толк в то короткое время, что осталось до испытаний? Возможно, он отлично стреляет, владеет иностранными языками, знает множество приемов, все это может пригодиться за границей. Но какая польза может быть от него здесь, где нет обворожительных шпионок, с которыми можно было бы заниматься любовью. Конечно, он определенно интересен. (Гала Бранд машинально потянулась за сумочкой. Оглядев себя в зеркальце, она несколько раз коснулась пуховкой носа). Чем-то похож на Хьюги Кармайка. Та же прядь черных волос, нависшая над правой бровью. Та же стать. Но есть в линии рта что-то жестокое, и эти холодные глаза!.. Серые или голубые? Вчера было не разобрать. Ничего, все-таки она поставила его на место и дала понять, что блестящие молодые люди из Сикрет Сервис, как бы неотразимо они не выглядели, ее интересуют мало. В Специальном управлении есть не менее симпатичные парни, и уж они-то настоящие сыщики, не то что супермены,

рожденные воображением Филлипса Оппенхайма, который снабдил их быстроходными автомобилями, особыми сигаретами с золотыми ободками и наплечными кобурами. О, она сразу усекла это и успела даже потрогать, для верности. Ну, конечно, ей придется делать вид, будто она готова сотрудничать, вопрос только — в каком направлении. Если уж она не заметила ничего подозрительного, то что надеется раскрыть Бонд за пару дней? Да и что тут раскрывать? Разумеется, здесь есть кое-что, что ей трудно понять. Стоит, пожалуй, рассказать ему о Кребсе. Главное — позаботиться о том, чтобы он сдуру не провалил ее легенду. Она будет деловита, тверда и очень осторожна. Однако это вовсе не значит, решила она, услышав зуммер и собрав письма и стенографический блокнот, что ей не следует быть дружелюбной. Но дистанцию, конечно же, будет определять она.

Приняв это свое второе решение, Гала открыла дверь и вошла в кабинет сэра Хьюго Дракса.

Когда полчаса спустя она вернулась к себе, то застала в кабинете Бонда, который удобно расположился в единственном кресле и листал лежавший перед ним «Уитакерс Олманак». Она лишь поджала губы, когда Бонд встал и бодрым голосом пожелал ей доброго утра. Коротко кивнув, Гала обогнула стол и села в кресло. Она осторожно отодвинула в сторону «Уитакерс» и положила на его место письма и блокнот.

— Вам не мешало бы обзавестись стулом для посетителей, — сказал Бонд с усмешкой, которую Гала расценила как наглую, — и чтением более увлекательным, нежели справочник.

Она не удостоила его ответа.

— Вас хочет видеть сэр Хьюго, — проговорила она. — Я как раз собиралась узнать, проснулись вы или нет.

— А вы, оказывается, лгунья, — сказал Бонд. — Вы ведь прекрасно слышали, как в половине восьмого я проезжал мимо ваших окон. Я видел, как вы выглянули из-за занавески.

— Вздор, — возмущенно возразила Гала. — С какой стати меня должны интересовать проезжающие мимо машины?

— Я ведь сказал, что вы все слышали, — не отступал Бонд. Он решил использовать свое преимущество до конца. — И кстати, — прибавил он, — вряд ли стоит чесать карандашом в голове, когда вам диктуют. Настоящие секретарши так никогда не делают.

Бонд многозначительно посмотрел на дверной косяк и пожал плечами.

Оборона Галы рухнула. Черт бы его побрал, подумала Гала. Она вымученно улыбнулась.

— Ну хорошо, — сказала она, — идемте. Я не могу тратить все утро на игру в вопросы и ответы. Он хочет видеть нас обоих и не любит, когда его заставляют ждать. — Она встала, подошла к двери и открыла ее. Бонд послушно последовал за Галой.

Дракс стоял, вперив взгляд в светящуюся карту. Когда они вошли, он обернулся.

— Ага, вот и вы, — проговорил он, изучающе посмотрев на Бонда. — Я уж было подумал, что вы решили нас бросить. Охрана доложила, что в семь тридцать вы покинули территорию базы.

— Мне понадобился телефон, — ответил Бонд. — Надеюсь, я никому не причинил неудобства.

— Телефон находится в моем кабинете, — отрывисто рявкнул Дракс. — Тэллона он вполне устраивал.

— Бедняга Тэллон, — как бы между прочим проронил Бонд. Он заметил, что в голосе Дракса появились задиристые нотки, которые особенно были ему не по вкусу.

и которые против воли заставили его поставить собеседника на место. Его усилия не пропали зря.

Дракс метнул в Бонда полный негодования взгляд, который, однако, он все же попытался замаскировать своим лающим гоготом и пожатием плеч.

— Поступайте, как знаете, — сказал он. — У вас свои дела. Только не нарушайте ход работ на площадке. И помните, — добавил он, успокоившись, — нервы у моих людей на пределе, и я не хочу, чтобы их раздражали разными таинственными поездками. Надеюсь, вы не станете допрашивать их сегодня. Мне крайне важно, чтобы у них было как можно меньше поводов для беспокойства. Они еще не вполне оправились от потрясений понеделника. Мисс Бранд выдаст вам любую справку, к тому же все личные дела находятся в комнате Тэллона. Вы уже просмотрели их?

— У меня нет ключа от сейфа, — сказал Бонд, нисколько не греша против истины.

— Вы правы, это моя оплошность, — признался Дракс. Он подошел к столу, выдвинул ящик, достал оттуда небольшую связку ключей и протянул ее Бонду. — Должен был отдать их вам еще вчера. Инспектор, который вел деле, просил передать их вам. Виноват.

— Большое спасибо, — сказал Бонд и, помолчав, прибавил, — кстати, как долго служит у вас Кребс? — Вопрос этот был неожидан даже для самого Бонда. На мгновение в комнате воцарилось безмолвие.

— Кребс? — в раздумье переспросил Дракс. Он отошел к столу и сел. Запустив руку в карман брюк, он достал пачку сигарет с пробковыми мундштуками. Толстые пальцы скребли целлофановую упаковку. Вытащив сигарету, он сунул ее себе в рот под бахромку рыжих усов и закурил.

Бонд удивился.

— Не думал, что здесь можно курить, — сказал он, доставая собственный портсигар.

— Здесь можно, — ответил Дракс, не вынимая сигарету из рта, которая тоненьким белым прутиком заплескала вверх-вниз на огромном красном лице. — Все помещения изолированы. Двери снабжены резиновыми уплотнителями, плюс раздельная вентиляция. Мастерские и генераторная должны быть отделены от главной шахты, и кроме того, — обхватывавшие сигарету губы растянулись в усмешке, — я просто обязан иметь право курить здесь.

Вынув сигарету из рта, Дракс уставился на нее. Казалось, он что-то решал.

— Вы спрашиваете насчет Кребса, — проговорил он наконец. — Что ж, — он со значением посмотрел на Бонда, — между нами говоря, я не доверяю ему полностью. — Он поднял руку в жесте предупреждающем возражения. — Разумеется, ничего определенного я сказать не могу, иначе его бы уже давно тут не было, но все же я заметил, что он ходит по дому, высматривает, а один раз я застал его в своем кабинете — рылся в моих личных документах. Он сумел предоставить какое-то сносное объяснение, и я отпустил его с выговором. Но, если честно, этот человек вызывает у меня подозрения. Правда, он совершенно безопасен. Он входит в штат домашней прислуги и доступа на площадку не имеет, — Дракс глянул Бонду прямо в глаза. — Мне следовало сразу поставить вас в известность, чтобы вы взяли его на заметку. Как ловко вы его вычислили, — с уважением в голосе добавил он. — Как вам это удалось?

— Само собой вышло, — бросил Бонд. — Глаза у него вороватые. Но то, что вы рассказали, очень интересно, и я, конечно же, буду держать его под наблюдением.

Он обернулся к Гале Бранд, которая с тех пор, как они вошли в кабинет, хранила молчание.

— А что думаете о Кребсе вы, мисс Бранд? — вежливо осведомился Бонд.

— Я не особенно сильна в таких делах, сэр Хьюго, — обращаясь почему-то к Драксу, заговорила девушка со скромностью и сдержанным порывом, которые восхитили Бонда, — но я не верю ему ни капли. Мне не хотелось вас огорчать, но он совал нос и в мою комнату, копался в письмах и так далее. Я точно знаю.

Изумлению Дракса не было предела.

— Ах так? — выговорил он наконец. Раздавив в пепельнице сигарету, он один за одним затушил окурком мерцавшие огоньки. — Много на себя берет этот Кребс, — сказал Дракс, не поднимая глаза.

15. Скорая расплата

На какой-то момент все трое замолчали, и Бонд удивился тому, как скоро и как бесповоротно подозрения пали на одного человека. Но снимает ли это подозрения с остальных? Является ли Кребс членом диверсионной группы? Или он работает в одиночку, и если так, то с какой целью? И какая существует связь между его «любопытностью» и гибелью Тэллона и Бартша?

Первым нарушил молчание Дракс.

— Теперь, кажется, все ясно, — сказал он, ища взглядом поддержку у Бонда. Бонд уклончиво кивнул. — Оставляю его на ваше попечение. Ни в коем случае нельзя его подпускать к площадке. Я даже специально возьму его завтра с собой в Лондон. Нужно обсудить последние детали с министерством, а Уолтер в этом деле мне не помощник. Кребс — единственный человек, который способен выполнять обязанности адъютанта. Это связывает ему руки. А до тех пор мы все будем за ним следить. Конечно, если вы не пожелаете прямо сейчас посадить его под замок. Но я бы не стал этого делать, — добавил он простодушно. — Не хочется лишний раз будоражить людей.

— Я думаю, это не обязательно, — согласился Бонд. — Есть у него близкие друзья среди сотрудников?

— Ни разу не замечал, чтобы он разговаривал с кем-нибудь кроме Уолтера или домовой прислуги, — ответил Дракс. — Уверен, он считает себя на голову выше всех. Я лично полагаю, что он не в состоянии причинить существенный вред, иначе я не стал бы его здесь держать. Большую часть дня он проводит в доме один, и, мне кажется, он из тех людей, что любят мнить себя сыщиками и совать нос в чужие дела. А каковы ваши соображения? Может, оставить все как есть?

Бонд снова кивнул, оставляя свои соображения при себе.

— В таком случае, — сказал Дракс, явно обрадованный возможностью покончить с неприятной темой и вернуться к делу, — поговорим о другом. Впереди у нас еще два дня, и мне, пожалуй, стоит ознакомить вас с программой. — Он встал со своего кресла и, тяжело ступая, принялся мерить шагами комнату позади стола. — Сегодня среда, — продолжал он. — В час пополудни площадка будет закрыта на заправку. Присутствовать при ней будем лишь я, доктор Уолтер и двое представителей министерства. В случае непредвиденных обстоятельств телекамеры зафиксируют наши действия. Если произойдет взрыв, то те, кто придут после нас, будут осторожнее. Если позволит погода, откроем сегодня ночью колпак и удалим из шахты испарения. В радиусе ста ярдов от площадки будет выставлено оцепление из моих людей с интервалом в десять ярдов. Участок побережья в том месте, где находится отверстие выхлопной шахты, будут охранять трое вооруженных караульных. Завтра, с утра и до полудня, площадка вновь будет открыта для окончательной проверки, и с того момента «Мунрейкер» — если не считать двух гироскопов — будет готов к запуску. Охрана вокруг площадки будет дежурить круглосуточно. В пятницу утром я лично прослежу за настройкой гироскопов. Представители министерства возьмут под опеку ЦУ, а BBC подберет людей на

радарную станцию. Би-Би-Си установит свои фургоны за ЦУ и начнет вести репортаж в 11:45. Ровно в полдень я нажму кнопку, радиосигнал разомкнет цепь, и, — тут он широко улыбнулся, — мы увидим то, что увидим. — Он умолк, теребя пальцами подбородок. — Что еще? Ага, вот что. Судоходство в районе испытаний прекратится в четверг в полночь. Все утро военные корабли будут патрулировать границы акватории. На одном из кораблей так же будет находиться репортер Би-Би-Си. Эксперты министерства ассигнований будут на борту спасательного судна, оборудованного системой подводного телевидения, и после того, как ракета упадет в воду, они попытаются выловить ее осколки. Вам, наверное, небезынтересно также будет узнать, — продолжал Дракс, почти с ребяческим удовольствием потирая руки, — что я получил весьма приятное сообщение от премьер-министра: передачу будут слушать не только на экстренном заседании кабинета министров, во дворце также будут следить по радио за ходом испытаний.

— Чудесно, — воскликнул Бонд, не желая омрачать радость Дракса.

— Благодарю, — сказал Дракс. — Я хочу быть уверен, что вы удовлетворены принятыми мною мерами безопасности непосредственно на площадке. Думаю, нам не придется волноваться о том, что творится за пределами базы. Похоже, ВВС и полиция вполне справляются с внешней охраной.

— Да, там вроде бы все в порядке, — согласился Бонд. — Видимо, пока у меня особых забот не предвидится.

— По крайней мере не должно, — подтвердил Дракс, — не считая нашего друга Кребса. В день испытаний он будет сидеть у телевизионщиков, делать заметки, так что опасаться нам нечего. А пока он вне игры, почему бы вам не сходить и не осмотреть пляж у основания скалы? Пожалуй, это единственное слабое место. Мне часто приходила мысль, что если кто-нибудь вздумал бы проникнуть в шахту, то обязательно сделал бы это через воздухопровод. Возьмите с собой мисс Бранд. Две пары глаз всегда надежнее, чем одна, к тому же, до завтрашнего дня у нее нет дел в кабинете.

— Превосходно, — подхватил идею Бонд. — Я с удовольствием осмотрел бы после обеда побережье, и если мисс Бранд не отказалась бы... — приподняв брови, он повернулся к ней.

Гала Бранд опустила глаза.

— Конечно, если сэр Хьюго хочет этого, — проговорила она без энтузиазма.

Дракс потер руки.

— Значит, договорились, — заключил он, — а теперь я должен работать. Мисс Бранд, попросите доктора Уолтера зайти ко мне, если он свободен. Увидимся за обедом, — сказал он, прощаясь с Бондом.

Бонд поклонился.

— Пойду пройду до ЦУ, — соврал он, не совсем понимая зачем. Он повернулся и следом за Галой Бранд вышел сквозь двойные двери на дно шахты.

На сверкавшем сталью полу огромной черной змеей извивался резиновый шланг. Бонд видел, как девушка, осторожно переступая через его кольца, подошла к стоявшему в одиночестве Вальтеру. Тот наблюдал за тем, как тянули вверх раструб топливного шланга к тому месту, где стрела, подведенная к люку в середине ракеты, обозначала расположение основных баков.

Она что-то сказала Вальтеру и осталась стоять с ним рядом, тоже следя, как наверху осторожно заправляли шланг в нутро ракеты.

Как она невинна с этими ниспадающими на спину каштановыми волосами и изящным контуром белоснежной шеи, плавно переходящей в белую без рисунка сорочку, думал Бонд. Соединив руки за спиной и всматриваясь в уходившую на пятьдесят футов ввысь громаду «Мунрейкера», она вполне могла бы сойти за школьницу перед рождественской елкой, — если бы только не проступившие в

гордом порыве груди, которые запрокинутая голова и отведенные назад плечи явственнее обрисовывали.

Подойдя к подножью металлического трапа и начав подъем, Бонд улыбнулся. Эта невинная и столь соблазнительная на вид девушка, спохватился он, оказалась весьма опытным полицейским агентом. Без сомнения, она знает как и куда нанести удар, возможно, сумеет сломать ему руку.

После бело-голубого марева «Мунрейкера» сверкающее майское солнце казалось особенно золотым. И пока Бонд, погруженный в раздумья, шел по бетонному пространству в сторону дома, он чувствовал, как припекает спину. Сирены обоих «Гудвинов» молчали, и было так тихо, что он слышал монотонное тарахтение шедшего курсом на север местного пароходика.

Приблизившись под прикрытием противовзрывной стены к дому, Бонд в несколько шагов преодолел отделявшие его от входной двери ярды, гофрированная резина подошв на его ботинках не производила шума. Он беззвучно открыл дверь и, оставив ее приоткрытой, мягко прошел в холл. Некоторое время он стоял, прислушиваясь. До его слуха долетало лишь жужжание бившегося о стекло шмеля, провозвестника лета, да отдаленный стук, доносившийся из казарм позади дома. В остальном тишина была полной, теплой и успокаивающей.

Бонд осторожно пересек холл и начал подниматься по лестнице, ставя ногу сразу всей ступней у самого края ступенек, чтобы свести до минимума возможный скрип. В коридоре было тихо, однако Бонд заметил, что дверь в его комнату в дальнем конце коридора была открыта. Вынув из кобуры пистолет, он поспешил вдоль по устланному коврой дорожкой проходу.

Кребс находился к нему спиной. Он стоял на коленях посреди комнаты, оперевшись локтями об пол. Его пальцы вращали колесики замков на кожаном кейсе Бонда. Все его внимание было сосредоточено на щелчках реверсивных механизмов.

Жертва предлагала себя сама, и Бонду не потребовалось второго приглашения. Его зубы обнажились в жестокой усмешке, он метнулся в комнату и занес ногу.

В этот удар носком ботинка он вложил всю силу. Его чувство равновесия и координация были превосходными.

Испустив птичий крик, Кребс, словно прыгнувшая жаба, с треском перелетел через кейс и приземлился в ярде на ковер, грохнувшись головой о туалетный столик из красного дерева. Удар был такой силы, что стол, до того казавшийся столь основательным, зашатался. Внезапно крик оборвался, и Кребс, распластавшись на полу, остался лежать без движения.

Бонд замер, в любую минуту ожидая услышать шум торопливых шагов, однако дом по-прежнему хранил тишину. Он подошел к распростертому телу, склонился над ним и перевернул на спину. Лицо с щеточкой соломенных усов было бледным, из ссадины в верхней части лба струйкой текла кровь. Глаза были закрыты, дыхание затруднено.

Опустившись на колено, Бонд тщательно обыскал карманы серого в тонкую полоску костюма Кребса, выложив разочаровывающее скудное их содержимое на ковер рядом с телом. Ни записной книжки, ни документов не было. Единственным, что представляло интерес, оказалась связка отмычек, кнопочный нож с прекрасно заточенным кинжальным лезвием и обшитый черной кожей кастет в форме большого гвоздя. Засунув все это к себе в карман, Бонд отошел к столику возле кровати и взял нетронутую бутылку «Виши».

Пять минут ушло на то, чтобы привести Кребса в чувство и усадить спиной к туалетному столику. Еще пять минут прошло, прежде чем Кребс вновь обрел дар речи. Постепенно его лицо приобрело естественный цвет, в глазах снова заплясали вороватые огоньки.

— Я не отвечаю ни на чьи вопросы, кроме вопросов сэра Хьюго, — услышал

Бонд, едва успев приступить к допросу. — Вы не имеете права допрашивать меня. Я выполнял свой долг. — Голос его звучал грубо и уверенно.

Бонд схватил за горлышко бутылку из-под «Виши».

— Советую подумать еще раз, — сказал он. — Иначе я буду гвоздить тебя этой штукой по башке до тех пор, пока она не разлетится вдребезги, а потом я сделаю тебе розочкой пластическую операцию. Кто велел тебе залезть в мою комнату?

— Leek mich am Arsch, — грязно выругался Кребс.

Бонд нагнулся и жестоко пнул его в голень.

Кребс съежился, однако стоило Бонду занести руку для повторного удара, как тот неожиданно вскочил и увернулся от опускавшейся бутылки. Тяжелый удар угодил в плечо, но не прервал движение, и прежде чем Бонд смог пуститься в погоню, Кребс выскочил из комнаты и был уже посреди коридора.

Став в дверях, Бонд видел, как беглец повернул к лестнице и скрылся из виду. Услышав торопливый топот резиновых подошв, сперва по ступенькам, а затем по половицам холла. Бонд вдруг рассмеялся, вернулся в комнату и запер дверь. Он понимал, что даже искалечив Кребса, вряд ли бы добился от него многого. Однако, теперь ему есть о чем подумать. Ловкий дьявол. Впрочем, травма не причинит Кребсу особого беспокойства. Что ж, пусть Дракс сам накажет его по своему усмотрению. Если, конечно, Кребс не выполнял задание самого же Дракса.

Бонд прибрал в комнате и присел на кровать, вперясь невидящим взором в противоположную стену. Нет, не просто инстинкт заставил его сказать Драксу, что он идет не в дом, а на ЦУ. Он уже всерьез думал о том, что Кребс шпионит за всеми по распоряжению Дракса и что, видимо, Дракс имеет собственную систему безопасности. И все же каким образом все это стыкуется с гибелью Тэллона и Бартша? Или это двойное убийство простое совпадение, никак не связанное с пометками на карте и отпечатками пальцев Кребса в ней?

Словно в ответ на его размышления в дверь постучали, и в комнату вошел дворецкий. Вслед за ним на пороге появился полицейский сержант в форме дорожного патруля и, взяв под козырек, вручил Бонду телеграмму. С телеграммой в руках Бонд отошел к окну. Она была подписана «Бакстер», что означало Вэлланс, и гласила:

ПЕРВОЕ ЗВОНОК ИЗ ДОМА ВТОРОЕ ВВИДУ ТУМАНА ЗПТ
ЗАДЕЙСТВОВАННОЙ СИРЕНЫ НА БОРТУ НИЧЕГО НЕ СЛЫШАЛИ ЗПТ НЕ
НАБЛЮДАЛИ ТРЕТЬЕ КООРДИНАТА СЛИШКОМ ПРИБЛИЖЕНА БЕРЕГУ ЗПТ СИЛУ
ЧЕГО НЕ НАБЛЮДАЛАСЬ ПОСТАМИ БЕРЕГОВОЙ ОХРАНЫ СЕНТ МАРГАРЕТС ЗПТ
ДИЛА.

— Благодарю вас, — сказал Бонд. — Ответа не будет.

Когда дверь закрылась. Бонд поднес к телеграмме зажигалку и бросил ее в камин, растерев почерневшую бумагу носком ботинка.

Ничего существенного, разве что разговор Тэллона с министерством мог быть подслушан кем-нибудь в доме, что повлекло за собой обыск в его комнате, который в свою очередь мог явиться причиной его смерти. Но как быть с Бартшем? Если все это лишь часть какого-то более грандиозного замысла, то как она может быть увязана с попыткой диверсии на площадке? Не естественнее ли прийти к выводу, что Кребс просто шпион-любитель, или работает на Дракса, который кажется весьма щепетильным в том, что касается безопасности, и который, не исключено, хотел бы быть уверенным до конца и в своем секретаре, и в Тэллоне, и, конечно же, особенно после встречи в «Блейдсе», в Бонде? И не ведет ли он себя так, как делали это во время войны руководители суперсекретных проектов (а Бонд знал многих, кто бы подошел под эту схему), укрепляя официальную систему безопасности своей собственной?

Если данная версия справедлива, то остается лишь двойное убийство. Теперь,

когда Бонд окунулся в атмосферу секретности и напряжения, окружавшую «Мунрейкер», объяснение перестрелки нервным срывом не казалось ему бессмысленным. А что касается отметок на карте, то они могли быть сделаны и в прошлом году; бинокль для ночного видения — мог быть просто биноклем для ночного видения, усы — просто усами.

Бонд по-прежнему сидел в погруженной в безмолвие комнате, его мозг, так и сляк перебирал разрозненные фрагменты мозаики, рисуя две совершенно противоположные картины. На одной — светило солнце и все было ясно и безобидно. На другой — темный клубок корыстных мотивов, смутных подозрений и сомнений.

Когда раздался обеденный гонг, Бонд все еще не решил, на которой из картин остановить свой выбор. Не желая делать поспешных выводов, он попытался забыть об этом и сосредоточил все мысли на грядущих часах наедине с Галой Бранд.

16. Солнечный день

День выдался замечательный, все кругом переливалось голубым, зеленым и золотым. Выйдя за пределы бетонной площадки и миновав пункт контроля возле пустовавшего ЦУ, связанного теперь с пусковой площадкой толстым кабелем, они на мгновение остановились у края огромной меловой скалы, откуда открывался полный обзор той части Англии, где две тысячи лет тому назад впервые высадился Цезарь.

Слева от них простирался изумрудный травяной ковер, расцвеченный полевыми цветами и полого спускавшийся к длинным усыпанным галькой пляжам Уолмера и Дила, что тянулись до самого Сэндвича и залива Бэй. За ними сквозь далекую дымку, скрывавшую мыс Норт-Форленд и охранявшую серый рубец мэнстонского аэродрома, в небе над которым американские «Тандерджеты» царапали ватные каракули, белели маргитские скалы. Дальше шел остров Танет и, невидимое сейчас, устье Темзы.

В отлив оба «Гудвина» неясными золотистыми силуэтами тонули в сверкающей синеве пролива, лишь реи и мачты нарушали плавность их очертаний. Белые буквы на борту «Саут-Гудвина» отчетливо читались, впрочем, белое пятно имени его северного близнеца тоже было хорошо различимо на фоне кормы.

По двенадцатифутовому каналу Внутреннего фарватера, с обеих сторон к которому подступали отмели, шли с полдюжины пароходов, над водой разносился шум их двигателей, а за отмелями, где вдалеке виднелись очертания французского берега, плыли уже суда всех видов и классов, от легких прогулочных яхт до гигантских океанских лайнеров. Повсюду, куда ни падал взор, восточные подступы Англии были усеяны, вплоть до самого горизонта, судами, спешащими в родной порт или на другой конец света. Картина была яркая, праздничная, романтическая, и те двое, что стояли у края скалы, в молчании наслаждались ею.

Две протяжные сирены, долетевшие со стороны дома, прорезали тишину, и Бонд и Гала, обернувшись, вновь увидели перед собой уродливый бетонный ландшафт, о котором уже начисто успели забыть. Над колпаком шахты взметнулся красный флажок, и два военных грузовика с брезентовыми верхами с красными крестами на них выехали из-за деревьев и стали у края противовзрывной стены.

— Сейчас начнется заправка, — сказал Бонд. — Продолжим экскурсию. Ничего интересного мы сейчас там не увидим, а вот если случится что-то непредвиденное, то вряд ли уцелеем на таком расстоянии.

Она улыбнулась.

— Да, — согласилась она, — вдобавок меня уже просто тошнит от вида бетона.

Они продолжили путь по отлогому склону и скоро потеряли из виду и ЦУ, и высокую проволочную ограду.

Солнечные лучи быстро растопили лед отчужденности Галы.

Казалось, что экзотическая пестрота ее одежды — на ней была хлопчатая, в бело-черную полоску блуза, заткнутая под широкий, ручной вышивки черный кожаный пояс, от которого книзу шла средней длины юбка экстравагантного розового цвета, — повлияла на нее, и Бонд с трудом узнавал в этой девушке, что шла рядом с ним и весело смеялась над его невежественностью в названиях шелестевших у них под ногами цветов, ту неприступную даму, которую встретил накануне вечером.

Отыскав цветок ятрышника, она с торжествующим видом сорвала его.

— Уверен, вы не стали бы это делать, будь вам известно, что цветы, когда их срывают, испытывают боль, — заметил Бонд.

Гала посмотрела на него.

— О чем вы? — спросила она, чувствуя подвох.

— А вы разве не звали? — улыбнулся Бонд в ответ. — Один индеец — профессор Бкос — написал трактат о нервной системе цветов. Он измерил их реакцию на боль. И даже записал стон срываемой розы. Это, должно быть, один из самых душераздирающих звуков в мире. Когда вы сорвали цветок, мне показалось, будто я что-то услышал.

— Я вам не верю, — сказала она, тем не менее подозрительно разглядывая оборванный стебель. — И уж во всяком случае, — прибавила она с досадой, — никак не ожидала, что вы подвержены сантиментам. Разве людям вашей профессии не приходится убивать? И отнюдь не цветы — а людей.

— Цветы в нас не стреляют, — ответил Бонд.

Она взглянула на ятрышник.

— Ну вот, из-за вас я чувствую себя чуть ли не убийцей. Вы злой. Однако, — проговорила она с неохотой, — я все разузнаю про вашего индийского профессора, и если вы сказали правду, то больше никогда в жизни не сорву ни одного цветка. Но что мне сделать с этим? Он обагрил мои руки кровью.

— Отдайте его мне, — предложил Бонд. — По вашим словам, мои руки и так по локоть в крови. Несколько лишних капель не помешают.

Она протянула ятрышник, и их руки соприкоснулись.

— Можете воткнуть его в ствол вашего револьвера, — сказала она, чтобы как-то скрыть смущение, вызванное прикосновением.

Бонд рассмеялся.

— Оказывается, глаза вам даны не только рада украшения, — пошутил он. — Однако у меня не револьвер, а автоматический пистолет, и к тому же я оставил его в комнате. — Он продел стебелек цветка в петлицу своей голубой рубашки. — Я подумал, что наплечная кобура будет, пожалуй, бросаться в глаза, если носить ее без пиджака. Да и вряд ли кто-нибудь захочет посетить мою комнату сегодня.

По молчаливому согласию оба оставили шутливый тон. Бонд рассказал Гале о том, что узнал о Кребсе, и о происшествии в спальне.

— И поделом, — сказала она. — Я ему никогда не доверяла. А что сказал сэр Хьюго?

— Я перед обедом переговорил с ним, — ответил Бонд. — В качестве доказательства отдал ему нож Кребса и отмычки. Дракс был вне себя, буквально захлебывался от ярости, тотчас же помчался разбираться. Когда он вернулся, то сообщил, что Кребс якобы в скверном состоянии, и спросил, не удовлетворюсь ли я тем, что тот и так достаточно наказан. Еще раз сказал, что не желает будоражить людей в последний момент и так далее. В итоге я согласился, чтобы Кребса на следующей неделе отправили назад в Германию, а пока он будет сидеть под домашним арестом и не станет выходить из своей комнаты без разрешения.

По крутой тропинке, что бежала по склону скалы, они спустились к пляжу и у маленького заброшенного тира дилского гарнизона королевских морских пехотинцев повернули направо. Они молча продолжали путь. Наконец перед ними показалась

двухмильная полоса гальки, которая при низкой воде тянется вдоль вздымающихся ввысь белых скал до залива Сент-Маргаретс.

Пока они медленно пробирались сквозь россыпи скользкой гальки, Бонд рассказал ей все, о чем передумал со вчерашнего дня. Не утаив ничего, он откровенно поведал ей о каждом своем ложном выводе, о том, из чего он возник и почему, в конце концов, был отвергнут, не оставляя после себя ничего, кроме смутных и едва обоснованных подозрений и хаотических версий, которые неизменно оканчивались все тем же вопросом — зачем? Где та единственная версия, которая свяжет разрозненные улики воедино? Но ответ, к которому он приходил, был все тем же, ничто из того, что было известно Бонду или о чем он подозревал, не имело, казалось, никакого отношения к его обязанностям по охране «Мунрейкера». А это, с какой стороны не посмотреть, было сейчас главным делом и для него, и для девушки. Не гибель Таллона и Бартша, не вопиющее поведение Кребса, а именно защита «Мунрейкера» от возможных врагов.

— Не так ли? — закончил Бонд.

Гала остановилась и какое-то время глядела поверх нагромождения камней и морских водорослей, на тихую сверкающую зыбь моря. Вспотев и запыхавшись от ходьбы по гальке, она подумала о том, что неплохо бы было искупаться — вернуться на миг в проведенное у моря детство, когда жизнь ее еще не была связана с этой страной, холодной профессией со всеми ее тревогами и ложной романтикой. Она украдкой взглянула на безжалостное загорелое лицо стоявшего с ней рядом мужчины. Бывали ли у него моменты, когда ему хотелось, чтобы жизнь текла спокойно и размеренно? Конечно, нет. Он любит Париж, Берлин, Нью-Йорк, поезда, самолеты, дорогу кухню и, само собой, дорогих женщин.

— Итак, — сказал Бонд, уже было подумавший, что девушка собирается огоршить его каким-нибудь новым фактом, который он проглядел. — О чем вы думаете?

— Простите, — ответила Гала. — Ни о чем. Просто замечталась. Мне кажется, вы правы. Я здесь с самого начала, и хотя время от времени имели место кое-какие странности, и вот это убийство, но я не заметила ничего подозрительного. Все сотрудники, и сэр Хьюго первый среди всех, вкладывают в проект все силы. В этом их жизнь, и так замечательно было следить за рождением «Мунрейкера». Немцы невероятно работоспособны, и я вполне могу поверить, что Бартш попросту сломался от напряжения — им нравится когда их подгоняют, а сэру Хьюго нравится подгонять. Они буквально молятся на него. Что касается безопасности, то Здесь все в порядке, я уверена, что любой, кто решит приблизиться к «Мунрейкеру», будет разодран на клочки. Насчет Кребса и насчет того, что он, возможно работает по заданию Дракса, я с вами согласна. Я ведь не стала жаловаться, что он рылся в моих бумагах, именно потому, что была в этом убеждена. К тому же он ничего не нашел. Только личные письма и все такое. Это очень в духе сэра Хьюго — он хочет быть уверенным до конца. И должна признаться, — сказала она без тени лукавства, — это меня в нем восхищает. У него жесткий характер, грубые манеры и не особенно привлекательная внешность, но мне нравится с ним работать, и я от всей души желаю успеха «Мунрейкеру». Прожив столько месяцев здесь, я стала ощущать себя одним из этих людей.

Она подняла взгляд, желая видеть его реакцию.

Бонд кивнул.

— Я побыл здесь лишь один день, но уже успел ощутить это, — сказал он. — И, наверное, я с вами согласен. В моем распоряжении нет ничего, кроме интуиции, а она не в счет. Главное, что «Мунрейкер», похоже, охраняется не менее, а может даже и более надежно, чем королевские регалии. — Он беспокоило передернул плечами, недовольный собой за то, что с такой легкостью отрекся от интуиции, которая в его

профессии значит так много. — Идемте, — бросил он, почти грубо. — Мы теряем время.

Уловив его настроение, Гала улыбнулась и пошла следом.

Обогнув очередной скальный выступ, они оказались у основания подъемника, покрытого коростой из водорослей и ракушек. Еще через пятьдесят ярдов они достигли мола, представлявшего собой мощную конструкцию из стальных труб, которые были обшиты стальными решетчатыми листами.

Между двумя этими сооружениями в поверхности скалы на высоте приблизительно двадцати футов зияла широкая черная дыра шахты выхлопных газов, ствол которой в толще скалы полого поднимался к стальному полу, где покоился хвост ракеты. С нижнего края отверстия свисали пенистые комья застывшего известняка, камни и поверхность скалы под жерлом были покрыты меловыми брызгами. В мыслях Бонд представил, как из скалы с ревом вырывается столб белого пламени и как бурлит море и пузырится, стекая в воду, жидкий мел.

Он посмотрел вверх и, увидев над краем скалы на возвышении двухсот футов узкую полоску колпака шахты, вспомнил о тех четверых, что в противогазах и асбестовых костюмах неотрывно следили сейчас за шкалами приборов, в то время как по черному резиновому шлангу в чрево ракеты закачивалась адская смесь. Вдруг ему пришло в голову, что случись при заправке авария, им не уцелеть.

— Идемте отсюда, — сказал он девушке.

Когда они отделились от пещеры ярдов на сто, Бонд остановился и посмотрел назад. Что если бы с ним было шестеро отчаянных парней и необходимое снаряжение? Каким образом он решил бы совершить нападение на площадку с моря? — по малой воде подошел бы на байдарке к молу, а дальше — по лестнице к краю отверстия? А потом? Карабкаться по шлифованным стальным стенам отводного тоннеля необычайно трудно. Стальное дно под основанием ракеты придется пробовать противотанковым снарядом, а затем подкинуть несколько фосфорных шашек в надежде поджечь что-нибудь. Шумная работка, зато основательная. Чертовски тяжелый отход. Прекрасная мишень для стрелков на скале. Однако, русскую группу смертников это вряд ли остановит. Что ж, сценарий вполне выполнимый.

Гала стояла рядом. Она перехватила взгляд его вычислявших и оценивавших глаз.

— Все это не так просто, как кажется, — сказала она, заметив, что Бонд нахмурился. — Даже при высокой воде и в шторм на ночь на скале выставляются пикеты. У них есть и фонари, и пулеметы Брена, и гранаты. Им отдан приказ: сперва стрелять, а уж потом задавать вопросы. Конечно, хорошо было бы освещать ночью скалу прожектором. Но это может дать наводку. На мой взгляд, здесь все предусмотрено.

Бонд по-прежнему был хмур.

— При огневой поддержке с подводной лодки или с самолета, опытная команда сумела бы сделать все, — сказал он. — Возможно, это прозвучит дико, но я собираюсь немного поплавать. Адмиралтейская карта утверждает, что тут имеется двенадцатифутовый канал, любопытно на него посмотреть. У окончания мола должно быть уже очень глубоко, но я буду чувствовать себя спокойнее, если все увижу сам. — Он улыбнулся. — А почему бы и вам не искупаться? Вода, конечно, не парное молоко, но после того как все утро вы кисли в этом бетонном футляре, ванна не помешает.

У Галы загорелись глаза.

— Вы думаете, стоит? — спросила она с сомнением. — Мне вообще-то ужасно жарко. Но в чем мы будем купаться? — Вспомнив о своих узких, почти прозрачных нейлоновых трусиках и бюстгальтере, она зарделась.

— Ерунда, — шутя рассеял ее опасения Бонд. — Ведь что-то на вас да одето, а я в плавках. Мы будем абсолютно приличны и вдобавок вокруг ни души, а я со своей стороны обещаю не подсматривать, — не задумываясь, соврал Бонд, огибая следующий выступ. — Раздевайтесь за тем камнем, а я за этим, — сказал он. — Смелее. Не будьте гусыней. Мы ведь на задании.

Не дожидаясь ее ответа. Бонд зашел за высокий камень, стаскивая на ходу рубашку.

— Ну, хорошо, — согласилась Гала, довольная тем, что ей не пришлось принимать решения. Она удалилась за камень и стала неторопливо расстегивать сорочку.

Когда она, вся в волнении, выглянула из своего укрытия, Бонд уже преодолел половину полосы зернистого коричневого песка, которая вилась между лужами до того места где прибывавшая вода заворачивалась воронками среди зеленых и черных валунов. Тело его было гибким и загорелым. Синие плавки обнадеживали.

Она робко последовала за ним и неожиданно оказалась в воде. В один миг она забыла обо всем, сейчас имела значение только бархатная льдистость моря и прелесть песчаных проплешин между колышущихся прядей водорослей, которые она видела в ясной изумрудной глубине под собою, когда, зарываясь головой в воду, плыла параллельно берегу стремительным кролем.

Поравнявшись с молом, она на мгновение задержалась, чтобы перевести дух. Бонда, которого она в последний раз видела плывущим ярдах в ста впереди, нигде не было. Чтобы не околеть, она энергично месила ногами воду, затем повернулась к берегу, невольно думая о нем, о его загорелом, крепком теле, которое, возможно, находилось где-то поблизости, среди камней, или у самого дна, измеряя глубину, чтобы наверняка знать, сможет ли враг воспользоваться подходом с моря.

Гала еще раз обернулась, ища Бонда взглядом, но как раз в этот момент он внезапно вынырнул из толщи воды под ней. Она почувствовала, как быстро и крепко сомкнулись вокруг нее его руки и губы его стремительно и неборимо прижались к ее губам.

— Какого черта, — возмутилась было она, но он уже вновь исчез в глубине, и к тому времени, когда она выплюнула попавшую в рот соль, и взяла себя в руки, Бонд уже радостно греб ярдах в двадцати.

Она развернулась и равнодушно поплыла прочь от берега, ощущая себя довольно-таки нелепо, но в твердой решимости осадить наглеца. Все произошло именно так, как она и предполагала. Похоже, эти парни из Секрет Сервис всегда найдут время для секса, даже выполняя самую ответственную миссию.

Однако ее трепетавшая плоть не желала забывать пережитый поцелуй, и день, без того великолепный, казалось, стал еще прекраснее. И пока она плыла от берега, а затем, повернув назад, увидела молочно-белый оскал побережья, далекий Дувр, черно-белое конфетти ворон и чаек, разбросанных по зеленой скатерти лугов, она решила, что в такой день, как сегодня, разрешается все и что она — только на этот раз, — пожалуй, простит его.

Полчаса спустя они лежали, сушась на солнце, у подножья скалы, разделенные целомудренной полоской песка шириною в ярд.

Поцелуй был непреднамеренный, и все попытки Галы напустить атмосферу отчужденности были развеяны в прах, как только Бонд показал ей омара, которого поймал собственными руками. Неохотно они опустили его в лужицу у камня и подождали, пока он в поисках укрытия забьется в водоросли. Теперь они лежали, утомленные и опьяненные, и страстно желали лишь одного — лишь бы солнце не скрылось за краем скалы над ними прежде, чем они успеют согреться и обсохнуть.

Но не только это занимало мысли Бонда. Прекрасное, сильное тело лежавшей рядом девушки, невероятно возбуждающее откровенностью узкой полоски трусиков и

бюстгальтера, вклинилось между ним и заботами о безопасности «Мунрейкера». К тому же в ближайший час для «Мунрейкера» он ничего не мог сделать. Еще не было и пяти, а заправка должна закончиться только в шесть. Только тогда удастся ему связаться с Драксом и убедить его в оставшиеся две ночи усилить охрану скалы и снабдить пикет достойным оружием. Ибо теперь он убедился лично, даже во время отлива глубина для подлодки здесь была достаточная.

Прежде чем двинуться в обратный путь, у них оставалось, по крайней мере, четверть часа.

А пока — девушка. Полуобнаженное тело у поверхности воды над ним, когда он всплывал из глубины; скорый и энергичный поцелуй в его объятиях; твердая выпуклость груди, прижатой к нему; и мягкий плоский живот, спускающийся к плотно зажатой между бедер тайне.

К черту.

Он отряхнулся от надоевших мыслей и вперился в бесконечную синеву неба, заставляя себя любоваться парящими чайками, с такой легкостью реющими в воздушных потоках, что бушевали над скалами. Но мягкие белоснежные перья птиц против воли возвращали его к прежним думам и не давали забвения.

— Откуда у вас такое имя — Гала? — спросил Бонд, в надежде прервать череду воспаленных видений.

Она засмеялась.

— Меня еще в школе из-за него дразнили, — сказала она, и Бонд, услышав ее чистый, ясный голос, изнемог от нетерпения, — а потом в части и даже в лондонской полиции. Полное мое имя еще хуже — Галатея. Так назывался крейсер, на котором служил отец, когда я родилась. Все-таки Гала звучит не так безнадежно. Да я уж почти забыла, как меня зовут по-настоящему. Все время приходится менять имя, раз я поступила в Специальное управление.

«В Специальное управление». «В Специальное управление». «В Специальное управление...»

В момент когда обрушивается бомба; когда пилот допускает просчет и самолет падает, не дотянув до полосы; когда отливает от сердца кровь и сознание покидает вас, в мозгу застревают слова или даже обрывки музыкальных фраз, которые заполняют остающиеся до смерти мгновения и звенят погребальными колоколами.

Бонд не погиб, но слова эти все еще звучали у него в ушах и через несколько секунд после того, как все произошло.

Пока они лежали на песке у подножья скалы, Бонд, предаваясь раздумьям о Гале, следил от нечего делать за двумя чайками, что играли возле пучка соломы, который оказался гнездом, устроенным на узком карнизе в десяти футах от верхнего края скалы. Чайки то вытягивали шеи, то наклоняли головы — на фоне ослепительной белизны известняка Бонд видел лишь головы птиц — потом самец взлетел, совершил круг и вновь возвратился на карниз, чтобы продолжить игру.

Бонд слушал девушку и мечтательно любовался птицами, как вдруг обе они с пронзительным криком ужаса ринулись прочь от гнезда. В тот же самый момент у кромки скалы появилось облачко черного дыма, донесся мягкий хлопок, и огромная глыба белого камня прямо над Бондом и Галой как бы покачнулась, ее поверхность покрылась сеткой зигзагообразных трещин.

Следующее, что запомнил Бонд — он лежит, накрыв собой Галу и вжавшись лицом в ее щеку, воздух переполнен грохотом; дыхание его прервалось, солнце померкло. Спина онемела и болела от тяжести, в левом ухе, кроме грохочущего эха, застыл оборванный, придушенный крик.

Он едва помнил себя, и пока чувства вновь вернулись к нему, прошло время.

Специальное управление. Что-то она говорила о Специальном управлении?

Он предпринял отчаянную попытку пошевелиться. Лишь правая кисть сохраняла

какую-то способность двигаться. Дернув плечом, он освободил всю руку, затем с большим усилием отжался, и в их могилу проник свет и воздух. Давясь известковой пылью. Бонд расширил просвет, и, наконец, его голова сняла свое губительное давление с Галы. Он ощутил лишь слабое шевеление, когда она повернула голову набок — к свету и воздуху. Все возраставший ручеек пыли и каменной крошки, струившийся в проделанную им дыру, заставил его с новой энергией взяться за рытье. Постепенно он увеличил пространство и уже мог опереться на правый локоть. Потом, кашляя так, что казалось, будто легкие его вот-вот лопнут, он подался правым плечом вверх, и внезапно оно вместе с его головой вышло наружу.

Первая посетившая его мысль была о том, что взорвался «Мунрейкер». Он посмотрел на край скалы, затем вдоль берега. Нет. От площадки их отделяло ярдов сто. И лишь прямо над ними в кромке скалы был словно откушен громадный кусок.

Он подумал о том, что, возможно, им до сих пор грозит опасность. Гала стонала, и он чувствовал, как бешено колотится ее сердце. Но теперь жуткая белая маска, возникшая на месте ее лица, получила доступ к воздуху, и он изгибал свое тело из стороны в сторону, пытаясь ослабить давление на ее легкие и живот. Медленно, дюйм за дюймом, — его мышцы чуть не рвались от напряжения, он продвигался, придавленный пылью и осколками, к основанию скалы, где, как он знал, тяжесть меньше.

Наконец, он выпростал грудь и, извернувшись, сел. По изодранной спине и рукам струилась кровь и перемешивалась с меловой пылью, которая все текла и текла поверх краев образованных им отверстий. Однако он чувствовал, что кости его целы, в пылу спасательных работ он не ощущал боли.

Кряхтя и кашляя, но не переводя дух, он приподнял ее, и кровоточащей рукой стер с ее лица белую пыль. Затем, выбравшись из известняковой могилы, он с огромным трудом извлек из-под обломков девушку и усадил, прислонив спиной к скале.

Он встал на колени и осмотрел ее, жалкое белое чучело, несколько минут назад бывшее одной из самых милых девушек, когда-либо виденных им. Глядя на нее, на кровавые ссадины ее лица, он молил лишь об одном, чтобы эти глаза наконец раскрылись.

Когда же секунду спустя, это произошло, то радость Бонда была столь велика, что он отвернулся и его вырвало.

17. В вихре догадок

Когда приступ миновал, он почувствовал на своих волосах руку Галы. Обернувшись, он заметил, как увидев его, она вздрогнула. Она потянула его за волосы и указала вверх. В тот же миг возле них просыпался дождь мелких осколков.

Собрав последние силы, он стал сперва на колени, затем в полный рост, и вместе они, скользя и спотыкаясь, начали спуск с груды битого мела и прочь от ниши в скале, которая их спасла.

Крупный песок точно бархат проминался под их ногами. Затем оба в изнеможении упали плашмя и остались лежать, вцепившись белыми пальцами в песок, будто зернистая желтизна могла смыть эту белую грязь. Кажется, Галу вырвало, и Бонд, чтобы дать ей побыть одной, отполз в сторону. Ухватившись руками за цельную глыбу известняка величиной с малолитражный автомобиль, он с трудом встал на ноги, и только тут его налитые кровью глаза увидели, что им угрожало.

Пляж у основания скалы, о которую бились волны, был усеян грудями известняковых блоков. Белая пыль покрывала почти целый акр. В верхней кромке скалы, прежде представлявшей собой почти ровную линию, появилась теперь уродливая зазубрина, в которую вклинился кусок синего неба. Чайки исчезли. Запах

беды, подумал Бонд, еще не один день будет отпугивать птиц от этого места.

Их спасло только то, что они лежали у самой скалы, в углублении, которое вода вымыла в камне. На них обрушился лишь град мелких осколков. Более крупные осколки, любой из которых мог раздавить их, упали дальше, самый ближний из них в нескольких футах от Бонда. И именно по причине их близости к скале вышло так, что правая рука Бонда оказалась сравнительно свободной; в силу чего они и смогли откопать себя прежде, чем задохнулись. Бонд понимал, что если бы рефлекс не швырнул его в момент обвала поверх Галы, то оба сейчас были бы мертвы.

Он ощутил ее руку на своем плече. Не оборачиваясь, он обнял ее за талию, и они вместе спустились к столь желанному сейчас морю и обессиленные рухнули на отмели.

Через десять минут они уже пришли в более или менее нормальное состояние и шагали по песку к тем камням, возле которых оставили одежду, в нескольких ярдах от обвала. И он и она были совершенно нагие. Лохмотья, в которые превратились их купальные костюмы, остались погребенными где-то под кучами мелового мусора. Словно люди, пережившие кораблекрушение, они не замечали собственной наготы. Они смыли с тел грязь и оделись.

Потом сели, облокотившись спинами о скалу. Бонд закурил свою первую — как восхитителен был ее вкус! — сигарету, глубоко втягивая в легкие дым и медленно выпуская его через ноздри. Гала закончила наводить марафет, и Бонд прикурил сигарету для нее. Когда он протянул Гале сигарету, их взгляды встретились, и они улыбнулись. Потом они сидели молча и смотрели на море — залитое солнцем пространство, казалось, нисколько не изменилось и вместе с тем стало совершенно другим.

— Боже, — проговорил Бонд. — Как это было близко.

— Я до сих пор не в силах понять, что произошло, — отозвалась Гала. — Кроме того, что ты спас мне жизнь. — Она коснулась его руки своей, но тут же ее отдернула.

— Если бы тебя не было рядом, я бы погиб, — сказал Бонд. — Если бы я остался там, где лежал... — Его передернуло.

Он повернулся и посмотрел на нее.

— Думаю, тебе ясно, — произнес он с уверенностью, — что кому-то очень хотелось нас убить? — Она слушала его, широко раскрыв глаза. — Если бы мы провели осмотр этих обломков, — Бонд жестом указал на груды колотого известняка, — то обнаружили бы следы буровых скважин и динамита. За долю секунды до того, как скала рухнула, я успел заметить дымок и услышал хлопок взрыва. Это же вспугнуло и чаек, — прибавил он.

— И кроме того, — после паузы продолжал Бонд, — в этом деле не может быть замешан один лишь Кребс. Все было сделано совершенно в открытую. Это дело рук целой группы, хорошо организованной, получавшей информацию о нас с того самого момента, как мы стали спускаться по тропинке к пляжу.

В глазах Галы появилось понимание всей серьезности происшедшего, перемешанное с ужасом.

— Как же нам быть? — забеспокоилась она. — Что происходит?

— Наша смерть кому-то на руку, — спокойно проговорил Бонд. — Значит, мы обязаны выжить. А что здесь происходит, нам как раз и предстоит выяснить.

— Пойми, — продолжал он, — в данный момент помочь нам по-настоящему, боюсь, не сможет даже Вэлланс. Когда они увидели, что мы похоронены вполне надежно, то постарались как можно скорее убраться отсюда. Они рассчитали, что если кто-то и станет свидетелем обвала, то он никого не заинтересует. Скалы тянутся миль на двадцать, и до наступления лета народа сюда приезжает мало. Если шум обвала услышит береговая охрана, то просто сделает отметку в журнале. Так как весной обвалы, вероятно, случаются часто. Влага, которая зимой замерзает в

трещинах, оттаивает. Поэтому наши друзья дождутся вечера, а когда мы так и не появимся, отправят на поиски нас полицию и береговую охрану. А сами будут преспокойно помалкивать, пока прилив не превратит это, — он кивнул в направлении груды щебня, — в жидкую кашу. План-то сам по себе превосходный. Даже если Вэлланс поверит нам во всем, мы не сможем предоставить достаточного количества улики, чтобы премьер-министр приостановил работы по «Мунрейкеру». Эта штука важна. Мир, затаив дыхание, ждет — сработает она или нет. Да и что мы сможем доказать? Что скажем? Что кто-то из этих паршивых немцев, похоже, непременно жаждет уничтожить нас до пятницы? Но с какой стати! — Он помолчал. — Мы должны найти ответ, Гала. Дело прескверное, но распутывать его нам.

Он посмотрел ей в глаза.

— Что скажешь?

Гала нервно рассмеялась.

— Да что тут сказать, — ответила она. — За это ведь нам и платят. Мы поймаем их за руку. Я согласна, Лондон мало чем может нам помочь. Мы рискуем попасть в глупое положение; если вздумаем сообщить, что на головы нам валятся камни. Да и чем мы тут вообще занимаемся — развлекаемся в голом виде, вместо того, чтобы заниматься делом?

Бонд усмехнулся.

— Всего-то десять минут повалялись на солнышке, чтобы обсохнуть, — запротестовал он. — А как, по-твоему, мы должны были провести день? Еще раз снять у всех отпечатки пальцев? Вы, полицейские, только это и знаете. — Заметив, как вытянулось вдруг ее лицо, Бонд устыдился своих слов. — Я вовсе не хотел тебя обидеть, — извинился он. — Но разве ты не понимаешь, что нам удалось сделать? Как раз то, что было нужно. Мы заставили противника обнаружить себя. Теперь наш ход, то есть необходимо узнать, кто этот противник, и зачем ему понадобилось устранять нас. И как только мы убедимся, что имеют место попытки диверсии против «Мунрейкера», мы перевернем здесь все вверх дном, отложим запуск и пошлем политиков к дьяволу.

Гала вскочила.

— Ты абсолютно прав, — порывисто сказала она. — Просто я хотела поскорей начать действовать. — Она бросила мимолетный взгляд на море. — Ты здесь человек новый. А я уже провела с этой ракетой больше года, и мысль о том, что с ней может случиться неладное, для меня просто невыносима. От нее так много зависит. Для нас всех. Я хочу скорее вернуться и узнать, кто совершил покушение. Возможно, это и никак не связано с «Мунрейкером», но я хочу знать наверняка.

Бонд встал, преодолевая боль от ссадин и синяков на спине и на ногах.

— Идем, — сказал он, — уже почти шесть часов. Вода прибывает быстро, но мы успеем добраться до Сент-Мargarетса без особых хлопот. В Гранвилле мы приведем себя в порядок, выпьем, перекусим, а посреди ужина заявимся в дом. Интересно, как-то нас встретят. Ну а после нам придется сосредоточить усилия на том, чтобы выжить и разузнать все, что в наших силах. Сможешь дойти до Сент-Мargarетса?

— Что за глупости, — обиделась Гала. — Ты что, думаешь, что в полиции служат кисейные барышни? — И, услышав иронически-уважительное «Нет, что ты», она одарила Бонда вымученной улыбкой. Они сориентировались на торчавшую вдалеке башню саут-форлендского маяка и двинулись по гальке.

В половине девятого сент-маргаретское такси доставило их к воротам второго кордона, и они, предъявив пропуска и миновав рожицу, вышли на необъятный бетонный простор. Оба были возбуждены и чувствовали себя отлично. После горячей ванны и часового сна в гостеприимном Гранвилле они подкрепились крепким бренди с содовой — Гала выпила две, а Бонд три порции — изумительной жареной

камбалой, гренками с сыром и кофе. И теперь, когда они уверенным шагом направлялись к дому, лишь только после дотошного осмотра можно было заключить, что еще днем они гибли от усталости, были обнажены и что одежда скрывала их синяки и ссадины.

Они тихо вошли в парадную дверь и на мгновение задержались в освещенном холле. Из столовой доносились беззаботные голоса. Наступила пауза, а за ней взрыв хохота, среди которого особо выделялся хриплый лай сэра Хьюго Дракса.

С искаженным усмешкой ртом Бонд пересек холл и приблизился к дверям столовой. Затем, изобразив на лице радостную улыбку, он открыл дверь и пропустил Галу вперед.

Дракс сидел во главе стола в нарядном лиловом жакете. Когда они появились в дверях, его полная снеди вилка, уже поднесенная к раскрытому рту, застыла в воздухе. Никто не заметил, как содержимое вилки, соскользнув, шлепнулось на край стола с мягким, но отчетливым звуком.

Кребс пил красное вино из бокала, который словно примерз к его губам, и вино тонким ручейком потекло из него по подбородку, а оттуда на коричневый атласный галстук и желтую сорочку.

Сидевший спиной к дверям доктор Вальтер вывернул шею, лишь заметив странное поведение соседей, их выпученные глаза, раскрытые рты и побледневшие лица. Он среагировал медленнее остальных, так как, отметил Бонд, обладал более крепкой нервной системой.

— Ach so [так-так (нем.)], — мягко произнес он. — Die Anglander [англичанин (нем.)].

Дракс был уже на ногах.

— Дружище, — заговорил он хрипло. — Дружище, мы уж начали беспокоиться. Думали уже посылать поисковую партию. Несколько минут назад один из охранников доложил, что случился обвал. — Обогнув стол, он приблизился к ним, в одной его руке была салфетка, в другой — все так же воздетая вверх вилка.

Его лицо сначала покрылось пятнами, а затем вновь приобрело обычную красноту.

— А вам бы следовало предупредить меня, — обратился Дракс к девушке, закипая от гнева. — Крайне удивлен вашим поведением.

— Это моя вина, — вступился Бонд за Галу и сделал несколько шагов вперед, чтобы видеть всех сразу. — Прогулка оказалась чуть более продолжительной, чем я предполагал. Мне показалось, что нас может отрезать прилив, и мы отправились в Сент-Маргаретс, пообедали там и вернулись обратно на такси. Мисс Бранд хотела позвонить вам, но я убедил ее, что мы будем дома до восьми. Так что ругайте меня. Но, прошу вас, продолжайте ужин. С вашего позволения, я присоединюсь к вам для кофе и десерта. Мисс Бранд, вероятно, захочет удалиться к себе. Долгий день, кажется, утомил ее.

Бонд церемонно обошел стол и занял место возле Кребса. Белесые глаза Кребса, уже пережившего первое потрясение, были устремлены, как заметил Бонд, в тарелку. Проходя у него за спиной. Бонд с удовлетворением обратил внимание на огромную шишку на его макушке.

— Да, отправляйтесь к себе, мисс Бранд, поговорим утром, — раздраженно проговорил Дракс.

Гала послушно покинула комнату. Дракс вернулся к своему месту и тяжело опустил на стул.

— Замечательные все-таки эти скалы, — весело сказал Бонд. — И гулять под ними так занятно, никогда не знаешь, где и в какой момент они обрушатся. Вроде «русской рулетки». Но что удивительно, я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь погиб под ними. Видимо, ничтожно мала вероятность попадания. — Он помолчал. — Кстати,

вы только что говорили о каком-то обвале?

Справа от Бонда раздался слабый стон, и следом — звон разбитого стекла и фарфора. Кребс головой рухнул на стол.

Бонд посмотрел на него с вежливым любопытством.

— Уолтер, — воскликнул Дракс. — Вы что, не видите, что Кребс болен? Отведите его спать. И без снисхождения. Он слишком много пьет. Поторопитесь.

Вальтер с лицом, искаженным яростью, широким шагом обошел стол и рывком поднял голову Кребса из месива осколков. Схватив за шиворот, Вальтер поставил его на ноги и выволок из-за стола.

— Du Scheissker! [Негодяй! (нем.)], — прошипел Вальтер, глядя в покрытое пятнами, с бессмысленными глазами лицо. — Marsch! [Пошел! (нем.)] — Он развернул Кребса и вытолкнул в буфетную. Послышался приглушенный шум заплетающихся шагов и проклятия, затем хлопнула дверь, и все смолкло.

— Видно, у него был тяжелый день, — сказал Бонд, глядя на Дракса.

Великан обильно потел. Одним движением он отер лицо салфеткой.

— Чушь, — отрезал он. — Напился.

Лакей с негнущейся спиной, который, казалось, ничуть не был потревожен внезапным вторжением Кребса и Вальтера в буфетную, подал кофе. Бонд налил себе и сделал маленький глоток. Он ждал, пока закроется дверь в буфетной. Еще один немец, подумал он. Уж этот-то наверняка разнесет новость по казармам. Хотя, может быть, остальные сотрудники и не при чем. Возможно, что внутри одной группы действует еще и другая. И если так, знает ли об этом Дракс? Можно ли объяснить его изумление, хотя бы отчасти, оскорбленным достоинством, потрясением себялюбца, чья исключительность была поставлена под вопрос хрупкой секретаршей? У самого у него прекрасное алиби. Весь день он провел в шахте, наблюдая за заправкой. Бонд решил копнуть слегка в этом направлении.

— Как прошла заправка? — спросил он, не сводя глаз со своего визави.

В этот момент Дракс зажигал длинную сигару. Сквозь дым и огонь спички он посмотрел на Бонда.

— Превосходно. — Раскуривая сигару, он сделал несколько глубоких затяжек. — Теперь все готово. Оцепление выставлено. Утром часа за два все подчистим, закроем площадку. Кстати, — добавил он, — завтра днем я отправлюсь в Лондон и возьму мисс Бранд с собой. Мне понадобится и Кребс, и секретарь. А у вас какие планы?

— Мне тоже нужно в Лондон, — выпалил Бонд. — Я должен представить в министерство окончательный доклад.

— Вот как? — небрежно осведомился Дракс. — О чем? Я думал, вы вполне удовлетворены принятыми мерами.

— Да, — сказал Бонд уклончиво.

— Тогда все в порядке, — оживился Дракс. — А теперь разрешите мне, — он встал из-за стола, — удалиться в кабинет, нужно еще поработать кое с какими бумагами. Поэтому я прощаюсь.

— До свидания, — уже вдогонку произнес Бонд.

Бонд допил кофе, прошел в холл, а оттуда поднялся к себе. Что в комнате проводили повторный обыск, он понял с первого взгляда. Бонд пожал плечами. В комнате был лишь кожаный кейс. Его содержимое вряд ли могло рассказать о многом, за исключением разве того, что Бонд снаряжен всеми необходимыми в его профессии инструментами.

«Беретта» в плечевой кобуре лежала там, где он ее и оставил — в пустом кожаном футляре, в котором Тадлон хранил бинокль. Бонд достал пистолет и сунул его под подушку.

Он принял горячую ванну и, замазывая йодом синяки и ссадины, извел добрую

половину флакона. Затем лег в постель и потушил свет. Все тело болело. Он был измотан до предела.

На мгновение в его мыслях снова возникла Гала. Он советовал ей принять таблетку и запереться на ключ, чтобы по крайней мере до утра ни о чем не думать.

Прежде чем отключиться, он, не без тревоги, успел подумать о ее завтрашней поездке с Драксом в Лондон.

Не без тревоги, но без отчаяния. Со временем многие вопросы обретут ответы, многие тайны — разгадки, но главные факты по-прежнему казались незыблемыми и неразрешимыми. Этот странный миллионер построил мощнейшее оружие. Министерство ассигнований довольно им и считает это разумным. Того же мнения придерживаются премьер-министр и парламент. Запуск ракеты должен состояться через 36 часов под строгим контролем и с соблюдением всех мер безопасности. Но кто-то, и быть может этот кто-то не одинок, хочет убрать его и девушку с дороги. Все на нервах. Напряжение почти осязаемо. Может, корень всему зависть. А может, и в самом деле кто-то увидел в них диверсантов. Но какое это может иметь значение, если они с Галой будут глядеть в оба? Осталось-то чуть больше суток. Ведь они открыты как на ладони — май, Англия, мирное время. Глупо забивать себе голову мыслями о кучке лунатиков, раз самому «Мунрейкеру» ничто не грозит.

А что касается завтра, думал Бонд, погружаясь в сон, то они с Галой договорятся встретиться в Лондоне и вернуться вместе. Или она может на ночь остаться в Лондоне. В любом случае он позаботится о ней, пока «Мунрейкер» не будет успешно запущен, а потом, до начала работ по созданию второго экземпляра оружия, здесь проведут настоящую чистку.

Но то были предательски успокаивающие мысли. Опасность была рядом, и Бонд знал это.

Наконец, сон овладел им, но одна маленькая деталь по-прежнему сверлила мозг.

Что-то зловещее было в сегодняшнем ужине. Дело в том, что стол был накрыт только на троих.

18. Маска сорвана

«Мерседес» был великолепен. Остановив рядом с ним свой серый выдавший виды «бентли», Бонд с любопытством разглядывал машину.

Это была спортивная модель «мерседес 300S» с убирающимся верхом, одна из полудюжины, имевшихся в Англии, прикинул Бонд. Рулевое управление сделано по континентальному образцу. Скорее всего, приобретена в Германии. Бонд там видел такие. Год тому назад одна из них промчалась мимо него на мюнхенском автобане, когда сам он на своем «бентли» выжимают законные девяносто миль. Кузов «мерседеса», слишком короткий и тяжелый, чтобы поражать изяществом линий, был окрашен в белый цвет, сиденья обтянуты красной кожей. Для Англии, пожалуй, чересчур ярко, однако, догадался Бонд, Дракс, видимо, выбрал белый цвет в честь спортивных цветов знаменитого «Мерседес-Бенца», который после войны вновь захватил лидерство на автомобильных треках Европы.

Как это в характере Дракса купить именно «мерседес». Есть что-то безжалостное и волшебное в этих машинах, решил Бонд, вспоминая 1934—1939 годы, когда внуки неповторимого «блитцен-бенца», еще в 1911 году установившего мировой рекорд скорости в 142 мили в час, доминировали в формуле Гран-при. Бонд припомнил имена прославленных гонщиков: Караччола, Ланг, Симен, Браушитц, и те дни, когда они на скорости в 190 миль в час проносились по крутым виражам Триполи или с вымпелами Автомобильного союза мчались вдоль обсаженных деревьями улиц Берна.

И все же, Бонд бросил взгляд на капот "своего оборудованного нагнетателем «бентли», который хотя и был почти на четверть века старше машины Дракса, но мог еще выжимать до ста миль, все же, покуда «Роллс-Ройс» не прибрал «бентли» к рукам, превратив его автомобили в степенные городские экипажи, они вытворяли на трассе со своими запыхавшимися конкурентами все, что хотели.

Когда-то Бонд вращался на периферии мира автогонок, и теперь, когда Дракс в сопровождении Галы Бранд и Кребса вышел из дома, воспоминания вновь нахлынули на него; он вновь услышал, как с надрывным ревом мимо трибун Лемана проносится белый монстр Караччолы.

— Быстрая машина, — сказал Дракс, польщенный полным восхищения взглядом Бонда. Он указал жестом на «бентли». — Раньше и эти были ничего, — прибавил он с покровительственными нотками в голосе. — Теперь годятся разве что по театрам разъезжать. Слишком уж чопорно. А ну-ка ты, полезай назад.

Кребс послушно втиснулся на узкое сиденье позади водителя. Он сел боком, до ушей подняв воротник макинтоша, его глаза загадочно вперились в Бонда.

Гала Бранд, в элегантном темно-сером костюме и черном берете, с легким черным плащом и перчатками в руках, села спереди. Широкая дверца, словно шкатулка Фаберже, закрылась с мягким двойным щелчком.

Ни Гала, ни Бонд не подали друг другу никакого знака. Свои планы они согласовали еще до обеда, в его комнате, шепотом — в семь-тридцать ужин в Лондоне, а затем возвращение на базу в машине Бонда. Она спокойно сидела, сложив руки на коленях и глядя перед собой, когда Дракс плюхнулся на сиденье, повернул ключ и, потянув сверкающую ручку переключения скоростей возле руля, сразу включил третью скорость. Автомобиль почти бесшумно рванулся с места и, прежде чем Бонд успел сесть в свой «бентли» и не спеша тронуться, исчез за деревьями.

Мчась в «мерседесе», Гала погрузилась в раздумья. Ночь пролетела без происшествий, и утро было посвящено удалению со стартовой площадки всего того, что могло возгореться при запуске «Мунрейкера». Дракс никак не напоминал о событиях вчерашнего дня, его поведение не претерпело никаких перемен. Она подготовила последний полетный график (завтра этим займется лично Дракс), затем по заведенному обычаю был вызван Вальтер, и она сквозь дырку подсмотрела, как они занесли данные в черную тетрадку.

День стоял жаркий, солнечный, и Дракс, сидевший за рулем, был без пиджака. Гала опустила взгляд. Он тут же уткнулся в кончик тетрадки, торчавшей из заднего кармана брюк Дракса. Эта поездка могла оказаться ее последним шансом. После вчерашнего вечера она чувствовала, что в ней произошла перемена. То ли Бонд пробудил в ней дух соперничества, то ли ей опротивела столь долго разыгрываемая роль секретарши, то ли просто на нее повлияло потрясение от обвала и осознание того, что после стольких месяцев спокойствия она вдруг оказалась вовлеченной в опасную игру. Но теперь она поняла, что пришло время рискнуть. Обнаружить полетный график «Мунрейкера» — это рутина, но раскрыть тайну черной тетрадки — подлинное удовольствие. Это будет просто.

Гала небрежно положила свернутый плащ в пространство между собой и Драксом. Одновременно с этим, сделав вид, будто хочет устроиться поудобнее, она на дюйм или два придвинулась к нему, запустила руку в складки разделявшего их плаща и стала ждать.

Как она и предполагала, удобный момент представился сразу же, как только они оказались в перенасыщенном транспортом Мейдстоне. Весь как сжавшаяся пружина, Дракс пытался проскочить светофор на перекрестке Кинг-Стрит и Габриэл-Хилл, однако поток автомобилей двигался слишком медленно и он вынужден был плестись в хвосте побитого семейного седана. Стоило светофору поменять огни, как Гала

почувствовала, что Дракс решил вклинить в вереницу машин перед самым носом ползущего впереди седана и тем самым заставить его владельца пережить несколько неприятных мгновений. Превосходно владея искусством вождения, Дракс был мстителен и нетерпелив и никогда не забывал сделать ту или иную пакость оплошавшему водителю.

Только лишь зажегся зеленый свет, как Дракс немедленно дал сигнал своим тройным клаксоном, переложил руль вправо, что было силы газанул и рванулся вперед, посылая на ходу водителю седана гневное ругательство.

В результате этого дерзкого маневра Галу — вполне естественно — притиснуло к Драксу. Тут же ее левая рука нырнула под плащ, пальцы единым движением нащупали и вытянули тетрадку. Затем рука вновь зарылась в складки плаща, а Дракс, по-прежнему видел лишь автомашины и думал о том, как ему проскочить «зебру» возле отеля «Ройял Стар» так, чтобы не задеть двух женщин и мальчика, добравшихся почти до середины улицы.

Теперь оставалось только выдержать раздраженное шипение Дракса, когда она кротко, но настойчиво попросит его остановиться где-нибудь на секундочку, чтобы привести себя в порядок.

Гараж отпадает. Вдруг он захочет заправить бак. Не исключено, что он хранит деньги именно в заднем кармане брюк. Нет ли поблизости отеля? Есть, вспомнила она, «Томас Уайетт», при выезде из Мейдстона. И там нет станции заправки. Она потихоньку начала ерзать. Потянула плащ к себе на колени. Откашлялась.

— Прошу прощения, сэр Хьюго, — сказала она каким-то придушенным голосом.

— Да. В чем дело?

— Очень прошу меня извинить, сэр Хьюго, но не могли бы вы на минуточку остановиться. Я хотела, то есть я очень извиняюсь, но мне нужно попудриться. Ужасно глупо с моей стороны. Извините.

— Черт, — бросил Дракс. — Какого дьявола вы... Ладно. Хорошо. Скажите, где остановиться. — Он еще что-то проворчал в усы, но все же сбавил скорость до пятидесяти миль.

— Тут за поворотом есть отель, — волнуясь, проговорила Гала. — Большое спасибо, сэр Хьюго. Мне следовало подумать об этом раньше. Я буквально на секунду. Да-да, вот здесь.

Огромная машина свернула к фасаду гостиницы и, брыкнувшись, застыла на месте.

— Поторопитесь. Поторопитесь, — крикнул вдогонку Дракс, когда Гала, оставив дверцу машины открытой, послушно заспешила по посыпанной гравием дорожке, прижимая к себе плащ с драгоценной добычей.

Зайдя в кабинку уборной, она заперла дверь и раскрыла тетрадку.

Как она и ожидала, это были расчеты. Каждую страницу под проставленной датой заполняли аккуратные столбцы цифр — атмосферное давление, скорость ветра, температура, все то же самое, что переписывала она из сводок военно-воздушного министерства. В нижней части каждой страницы стояли расчетные параметры гироскопов.

Гала нахмурилась. Одного беглого взгляда хватило ей, чтобы вонять, что эти данные полностью отличались от ее расчетов. Расчеты Дракса даже отдаленно не напоминали те, что делала она.

Она отыскала последнюю заполненную страницу, где были записаны данные на сегодня. Странно, от расчетного курса она отклонилась почти на 90°. Если бы ракету запустили по ее параметрам, то она приземлилась бы где-нибудь во Франции. Ошеломленная, она посмотрела на свое отражение в зеркале над умывальником. Как она могла так чудовищно ошибиться? И почему Дракс молчал об этом? Она еще раз быстро перелистала тетрадь, так и есть — ежедневно ее ошибка составляла 90°

к истинному курсу «Мунрейкера». И все же она никак не могла ошибаться настолько. Известны ли эти секретные расчеты в министерстве? И почему они секретные? Вдруг ее недоумение переросло в ужас. Ей просто необходимо добраться до Лондона целой и невредимой и обязательно поделиться хоть с кем-нибудь своим открытием. Даже если ее назовут душой и выскочкой.

Немного успокоившись, Гала отлистала несколько страниц назад, достала из сумочки пилку для ногтей и, стараясь, чтобы это было незаметно, отрезала страницу в качестве образца. Затем она свернула ее в плотный шарик и затолкала в кончик пальца перчатки.

Она снова посмотрела на себя в зеркало. Лицо ее было бледно, и она быстро натерла ладонями щеки, чтобы к ним прилила кровь. Затем Гала напустила на себя вид провинившейся секретарши и, пряча тетрадку в складках плаща, заторопилась к машине.

Двигатель «мерседеса» работал на холостых оборотах. Когда она садилась в машину, Дракс сверкнул в нее нетерпеливым взглядом.

— Скорее, скорее, — сказал он, врубая сразу третью скорость и убирая ногу с педали сцепления так резко, что Гала тяжелой дверцей едва не прищемила лодыжку. Дракс поддал газу, и машина, зашелестев шинами по гравийному покрытию, сорвалась с места и юзом вылетела на лондонскую дорогу.

Галу дернуло назад, но она не забыла опустить плащ вместе с преступной рукой, укрытой его складками, между собой и водителем.

Теперь предстояло вернуть тетрадку на место.

Стрелка спидометра застыла на отметке «70», Дракс, лавируя, гнал тяжелый автомобиль по середине дорожного полотна.

Она попыталась вспомнить пройденные уроки. Отвлекающее давление на какую-то другую точку тела. Отвлечение внимания. Отвлечение. Жертва не должна быть расслаблена. Органы восприятия должны быть сосредоточены на чем-то постороннем. Она не должна чувствовать прикосновение. Парализованная более сильными раздражителями.

Как, например, сейчас. Притиснувшись к рулю, Дракс был целиком поглощен поиском возможностей обгона 60-футового тягача BBC, однако встречное движение не оставляло места для маневра. Заметив свободное пространство, Дракс рывком переключился на вторую скорость и вклинился в промежуток, повелительно гудя клаксоном. Рука Галы сдвинулась под плащом влево.

Но вдруг она почувствовала, что ее руку, словно змея, схватила чья-то чужая рука.

— Попалась.

Кребс почти всем туловищем надел на водительское сиденье. Его рука все вдавливала кисть Галы в скользкую обложку тетрадки под складками плаща.

Гала словно вмерзла в глыбу черного льда. Она изо всех сил пыталась высвободить руку. Но безуспешно. Кребс уже навалился на нее всей тяжестью.

Дракс обошел прицеп, впереди открылся свободный путь. Кребс взволнованно затараторил по-немецки:

— Пожалуйста, остановите машину, mein Kapitän [мой капитан (нем.)], мисс Бранд шпионка.

Дракс бросил испуганный взгляд вправо. То, что он увидел, было для него вполне достаточно. Он немедленно сунул руку в задний карман, а затем, нарочно не спеша, снова положил ее на руль. Слева только-только показался крутой поворот на Миуорт.

— Не отпускай ее, — приказал Дракс. Он резко нажал на тормоз — так, что завизжали покрышки, — сбавил скорость и свернул на боковую дорогу. Проехав по ней ярдov сто, он прижался к обочине и остановил машину.

Дракс оглядел дорогу. Она была пуста. Он вытянул руку в перчатке и с силой повернул Галу к себе.

— В чем дело?

— Я объясню, сэр Хьюго. — Несмотря на написанные на ее лице ужас и отчаяние, Гала всеми силами пыталась отвести от себя подозрение. — Это недоразумение, я вовсе не хотела...

Тряхнув негодующе плечами, она незаметно убрала правую руку за спину и сунула компрометирующие ее перчатки под кожаную подушку.

— *Sehen sie her, mein Kapitän* [посмотрите сюда, мой капитан (нем.)]. Я видел, как она придвинулась к вам. Мне показалось это подозрительным.

Свободной рукой Кребс смахнул в сторону плащ — под ним обнаружились побелевшие, скрюченные пальцы Галы, впившиеся в обложку тетрадки, которая по-прежнему была в футе от кармана Дракса.

— Все ясно.

От слов Дракса веяло могильным холодом и всеявшей трепет определенностью.

Дракс отпустил ее подбородок, но ее исполненный ужаса взгляд так и не мог оторваться от его глаз.

Сквозь добродушное, румяное лицо, обрамленное бакенбардами, проглядывала леденящая жестокость. Перед ней сидел другой человек. Человек в маске. Некое неведомое существо, которое обнаружила Гала, перевернув залежалый камень.

Дракс снова оглядел дорогу.

Затем, впившись взором во внезапно все осознавшие голубые глаза, он стянул с левой руки кожаную перчатку и изо всей силы хлестнул ею по лицу девушки.

Из горла Галы вырвался лишь короткий крик, но слезы боли побежали по щекам. Вдруг она стала бешено защищаться.

Собрав все силы, она боролась с обхватившими ее железными объятиями руками, пытаясь вырваться. Правой, свободной рукой Гала старалась дотянуться до зависшего над ней лица и вцепиться в глаза. Но Кребс легко отвел голову в сторону и лишь сильнее сдавил ей горло, злобно прошипев что-то вполголоса, когда она ногтями содрала кожу с тыльной стороны его ладони, и глазом знатока отметив, что ее сопротивление ослабевает.

То и дело поглядывая на дорогу, Дракс пристально наблюдал, как Кребс постепенно брал верх, затем завел автомобиль и осторожно поехал по дороге, с обеих сторон которую обступал лес. Наткнувшись на уходившую вглубь леса просеку, он издал удовлетворенное мычание, свернул в лес и остановился лишь тогда, когда убедился, что их не видно с дороги.

Только услышав, как Дракс сказал: «Здесь», Гала поняла, что мотор заглушен. Чей-то палец коснулся ее головы за левым ухом. Рука Кребса отпустила горло, и Гала, глотнув воздуха, вся подалась вперед. Затем в том месте, куда ткнулся палец, что-то кольнуло, и вслед за этим — вспышка боли и тьма.

Час спустя прохожие могли видеть, как к небольшому дому на Эбьюри-Стрит, в той ее части, что прилегает к Букингемскому дворцу, подкатил белый «мерседес», и двое добрых джентльменов вывели из него занемогшую девушку и помогли ей войти в дом. Те, кто оказался поближе, могли заметить, что лицо девушки было чрезвычайно бледно, глаза закрыты, и джентльменам едва не приходилось нести ее вверх по лестнице. Было также слышно, как высокий джентльмен с красным лицом и бакенбардами отчетливо сказал своему спутнику, что бедная Милдред обещала не выходить из дома, пока не поправится. Как это все печально.

Гала пришла в себя в комнате верхнего этажа, которая, казалось, до отказа была нашпигована аппаратурой. Она была крепко привязана к стулу и кроме жесточайшей боли в голове чувствовала, что губы ее и щеки разбиты и опухли.

Окно было зашторено тяжелыми портьерами, в комнате стоял затхлый воздух, как будто она была нежилая. Мебель покрывала пыль, и лишь хромированные и эбонитовые поверхности приборов выглядели чистыми и новыми. Гала подумала, что, вероятно, находится в госпитале. Она закрыла глаза и погрузилась в раздумья. Вскоре память вернулась к ней. Несколько минут она потратила на то, чтобы прийти в себя, и затем открыла глаза.

Дракс стоял к ней спиной и следил за шкалами аппарата, внешне напоминавшего огромный передатчик. В поле ее зрения было еще три таких аппарата, от одного из которых к потолку тянулась тонкая стальная антенна, уходившая в неровную дыру, что специально была проделана в гипсовом декоре. Комнату ярко освещали несколько высоких торшеров, снабженных мощными лампами.

Откуда-то слева доносился звук ремонтируемого механизма. Скосив насколько было возможно полузакрытые глаза, отчего боль в голове лишь усилилась, Гала увидела фигуру Кребса, склонившегося над электрогенератором, стоявшим на полу. Возле него стоял небольшой бензиновый двигатель, который и был причиной неполадки. Кребс то и дело хватался за пусковую рукоятку и бешено вращал ее, однако двигатель неизменно отвечал измученным иканием, и Кребс вновь принимался за починку.

— Идиот, — сказал Дракс по-немецки, — торопись. Мне еще надо повидать этих остолопов из министерства.

— Момент, mein Kapitän, — озабоченно ответил Кребс. Он снова взялся за рукоятку. Теперь, два или три раза чихнув, мотор завелся и заурчал.

— Никто не услышит? — поинтересовался Дракс.

— Никто, mein Kapitän. Комната оборудована звукоизоляцией, — успокоил его Кребс. — Доктор Вальтер заверил меня, что за ее пределами не слышно ни звука.

Гала прикрыла глаза, решив, что единственный ее шанс спастись заключается в том, чтобы как можно дольше разыгрывать обморок. Намереваются ли они ее убить? Здесь же, в комнате? И для чего все это оборудование? С виду напоминает приемник, или даже радар. Этот выпуклый стеклянный экран над головой Дракса, который вспыхивал всякий раз, когда Дракс нажимал кнопки под шкалами.

Медленно ее сознание вновь включалось в работу. С какой стати Дракс, к примеру, вдруг заговорил на безупречном немецком языке? И почему Кребс обращается к нему Herr Kapitän [господин капитан (нем.)]. Эти цифры в черной тетрадке. Почему они едва не убили ее, как только она узнала о них? Каков их смысл?

Девяносто градусов. Девяносто градусов.

Ее мозг не спеша обдумывал задачу. Поправка на девяносто градусов. Предположим, ее график полета ракеты к цели, расположенной в Северном море и в восьмидесяти милях от берега, все время был верен. Предположим, она не допустила ошибку. Тогда она вовсе не целила вглубь Франции. Но расчеты Дракса. Девяносто градусов влево от цели в Северном море? Это должно быть где-то в Англии. В восьмидесяти милях от Дувра. Ну, конечно, вот оказывается в чем дело. Расчеты Дракса. График полета в маленькой черной книжке. Они хотят обрушить «Мунрейкер» прямо на центр Лондона.

Боже, Лондон! Лондон!

Значит, от страха действительно перехватывает горло. Как странно. И все же дышать стало труднее.

А теперь, дай Бог, сообразить: итак, этот радар наведения. Как все просто. Точно такой же, какой будет размещен на плотике в Северном море. Выходит, снаряд рухнет в ста ярдах от Букингемского дворца. Но какой в этом смысл, если боеголовка начинена аппаратурой.

Может быть, именно та жестокость, с которой Дракс ударил ее по лицу, и

расставила все на свои места, внезапно она поняла, что боеголовка будет настоящей, ядерной, и что Дракс — враг Англии и завтра в полдень он сравняет Лондон с землей.

Гала предприняла последнюю попытку понять все.

Сквозь этот потолок, этот стул, в землю. Тонкая словно игла ракета. Падающая с безоблачного неба со скоростью звука. Толпы на улице. Дворец. Няни в парке. Птицы на деревьях. Огромный огнедышащий цветок в целую милю в поперечнике. А потом грибовидное облако. И больше ничего. Ничего. Ничего. Ничего.

— Нет. Нет!

Но крик этот прозвучал лишь в сознании Галы, и она, чье тело вместе с миллионами других тел обречено было превратиться в обугленную шелуху, лишилась чувств.

19. Пропавшая без вести

Бонд сидел в ресторане за своим любимым столиком — для двоих, в правом углу на втором этаже — и разглядывал прохожих и автомобили на Пиккадили и Хеймаркете.

Было семь-сорок пять, и старший официант Бейкер только что принес ему вторую порцию сухого мартини с водкой и с большим ломтем лимонной цедры. Бонд сделал глоток и стал размышлять, впрочем, без особой тревоги, о причинах опоздания Галы. Это было на нее не похоже. Она была не такой девушкой, которая забыла бы позвонить, если бы задержалась в Скотленд-Ярде. Вэлланс, которого сам он посетил в пять часов, сообщил, что их встреча с Галой назначена на шесть.

Вэлланс очень хотел увидеть ее. Он был страшно занят: когда Бонд кратко докладывал о системе безопасности на площадке, Вэлланс, казалось, слушал вполуха.

Выяснилось, что на бирже зарегистрировано резкое падение курса фунта. Падение началось в Танжере и мгновенно распространилось на Цюрих и Нью-Йорк. Мощные потоки фунтов выплеснулись на валютные рынки мира, и перекупщики заработали огромные прибыли. За один день фунт упал на 3 цента и дальнейший прогноз был малоутешителен. Вечерние газеты информировали об этом на первых полосах, и в довершение всего Казначейство, связавшись с Вэллансом, сообщило сногшибательную новость — волну распродажи начала компания «Дракс Метал Лимитед» в Танжере. Операция началась утром и к концу дня фирме удалось продать британской валюты на 20 миллионов фунтов стерлингов. Рынок не смог вместить этого количества; чтобы избежать дальнейшего обострения ситуации, вынужден был вмешаться Английский Банк и скупить излишки. Тогда-то и стало известно, что в качестве продавца выступила «Дракс Метал».

Теперь Казначейство, естественно, желало знать, что произошло — сам ли Дракс выбросил на рынок валюту или же это была группа крупных вкладчиков, которые являлись акционерами его фирмы. Первое, что сделали в Казначействе, — разыскали Вэлланса. Вэлланс же мог только сказать в порядке предположения, что «Мунрейкер» каким-то образом обречен на неудачу и что Дракс, зная это, решил извлечь из этого выгоду. Он немедленно высказал это мнение также в министерстве ассигнований, но там отвергли подобную догадку. Оснований сомневаться в успехе «Мунрейкера» нет, но даже если испытания завершатся провалом, то факт этот будет объяснен техническими неполадками и тому подобными вещами. В любом случае, увенчается ли запуск успехом или наоборот, завершится неудачей, это никак не отразится на британских финансовых кредитах, Нет, они ни в коем случае не собираются ставить в известность премьер-министра. «Дракс Метал» — крупная торговая организация. Возможно, она действует от имени какого-либо иностранного правительства. Скажем, Аргентины. Или даже России. Или кого-то еще, кто

располагает большими запасами фунтов. Однако, все это не имеет ни малейшего касательства ни к министерству, ни к «Мунрейкеру», который в строгом соответствии с графиком будет запущен завтра ровно в полдень.

Такое объяснение имело свою логику, но Вэлланс тем не менее был по-прежнему обеспокоен. Он не любил загадок и был рад поделиться своими заботами с Бондом. Кроме того, он хотел выяснить у Галы, не попадались ли ей на глаза телеграммы из Танжера и, если попадались, то что о них говорил Дракс.

Бонд был убежден, что Гала обязательно проинформировала бы его о подобных фактах, и прямо сказал об этом Вэллансу. Они поговорили еще немного, и Бонд отправился в свой штаб, где его уже ждал М.

М. заинтересовало решительно все, даже бритые головы и усы мужчин. Он расспросил Бонда обо всех подробностях и, когда Бонд закончил доклад, изложив вкратце свой последний разговор с Вэллансом, долго сидел, погруженный в раздумья.

— 007, — наконец произнес он, — не нравится мне все это. Что-то там зреет, только я вот ни черта не могу в этом разобраться. В добавок непонятно, каким образом я мог бы вмешаться. Все факты известны и в Специальном управлении, и в министерстве, и, видит Бог, мне нечего к ним добавить. Даже если бы я переговорил с премьер-министром, что было бы очень нечестно по отношению к Вэллансу, что бы я ему сказал? Какие бы факты выложил? Ничего, кроме смутных догадок. А пахнет-то чем-то скверным. И, — прибавил он, — весьма скверным, ежели я не ошибаюсь.

— Нет, — продолжал он, глядя на Бонда, и в глазах его читалась непривычная тревога. — Похоже, разобраться во всем этом можете только вы. И эта девушка. Повезло вам с ней. Будут какие-либо пожелания? Могу я чем-то помочь?

— Нет, спасибо, сэр. — Бонд вышел в знакомый коридор и спустился на лифте к себе в кабинет, где до смерти перепугал Лозлию Понсонби тем, что, прощаясь, поцеловал ее. Такое случалось лишь на Рождество, в день ее рождения и в тех случаях, когда ему предстояло что-то действительно серьезное.

Бонд допил остаток martin и посмотрел на часы. Уже восемь. Вдруг ему стало страшно.

Вскочив из-за стола, он торопливой походкой направился к телефону.

На коммутаторе Скотленд-Ярда ответили, что помощник комиссара пытался связаться с ним, но потом вынужден был уйти на официальный ужин в Мэншн-Хаус. Пусть командер Бонд не вешает трубку. Бонд нетерпеливо ждал. Все его страхи были теперь заключены в черной пластмассовой коробке телефона. Ему виделись ряды вежливых физиономий. Ливрейный лакей медленно держит путь вдоль стены, направляясь к Вэллансу. Энергично отодвинутый стул. Никем незамеченная ретирата. Гулкие, с каменными полами холлы. Телефонная будка, не располагающая к долгим беседам. Наконец в трубке раздался голос.

— Это вы, Бонд? Говорит Вэлланс. Вы виделись с мисс Бранд?

У Бонда защемило сердце.

— Нет, — сипло произнес он. — Она опаздывает уже на полчаса. Ее не было в шесть?

— Не было. Я послал «курьера», но по адресу, по которому она обычно останавливается, когда бывает в Лондоне, ее не оказалось. Никто из друзей также не встречался с ней. Если она выехала в два-тридцать в машине Дракса, то к половине третьего должна была быть в Лондоне. Никаких аварий на дуврской дороге в этот промежуток времени не случилось. Ни Автомобильная ассоциация, ни Королевский автомобильный клуб также ни о чем не сообщают. — Он помолчал. — Послушайте. — В голосе Вэлланса появились настойчиво просительные нотки. — Гала очень хорошая девушка, и я не хочу, чтобы она попала в беду. Могу я в этом на

вас положиться? Я не могу объявить ее розыск. Убийство на площадке и так приковало к ней излишнее внимание, пресса буквально преследует нас по пятам. А после десяти вечера начнется вообще нечто невообразимое. По случаю испытаний Даунинг-Стрит готовится выпустить коммюнике, завтрашние газеты будут полны сведениями о «Мунрейкере». Премьер-министр выступит по радио с заявлением. И исчезновение девушки придаст всей истории криминальный оттенок. Завтрашний день слишком важен для подобного рода детективов, в добавок у девушки мог случиться внезапный обморок. Но я хочу ее найти. Понимаете? Что вы думаете? Можете взяться за это? Всю необходимую помощь вам окажут. Я предупреджу дежурного офицера, чтобы он исполнял все ваши приказания.

— Не беспокойтесь, — сказал Бонд. — Разумеется, я этим займусь. — Он помолчал, судорожно оценивая ситуацию. — Вот что мне нужно знать. Каковы предполагаемые шаги Дракса?

— К семи часам его ждали в министерстве, — ответил Вэлланс. — Я оставил записку... — В трубке послышался беспорядочный треск, а затем Бонд услышал, как Вэлланс кого-то благодарит. Потом снова возник голос Вэлланса. — Только что сообщили из городской полиции. Из Скотленд-Ярда не могли дозвониться из-за нашего разговора. Сейчас разберусь, — далее он прочитал, — «Сэр Хьюго Дракс в 19:00 прибыл в министерство, отбыл в 20:00. По его словам, найти его можно в клубе „Блейдс“, где он будет ужинать. Возвращается на площадку в 23:00». Иными словами, из Лондона он выедет около девяти, — пояснил Вэлланс и продолжал. — Далее. «Сэр Хьюго Дракс заявил, что мисс Бранд по приезде в Лондон пожаловалась на недомогание и он высадил ее по ее же просьбе на автобусном кольце „Вокзал Виктория“ в 16:45. Мисс Бранд сказала, что отдохнет у друзей, адрес которых неизвестен, и позвонит сэру Хьюго в министерство в 19:00. Однако этого она не сделала». Все, — сказал Вэлланс. — Да, чуть не забыл, мы наводили справки о мисс Бранд от вашего имени. Мы сказали, что вы договорились встретиться с ней в шесть, но она не явилась.

— Да, — подтвердил Бонд, думая уже о другом. — Похоже, так мы ничего не узнаем. Придется заняться этим. Вот еще что, где Дракс останавливается в Лондоне, на квартире или где-то в другом месте?

— Сейчас он постоянно останавливается в «Ритце», — сказал Вэлланс. — Переехав в Дувр, он продал дом на Гросвенор-Стрит. Но нам стало известно, что у него есть помещение на Эбьюри-Стрит. Мы проверяли. На звонки в дверь ник гоня отвечает, и мой человек доложил, что дом выглядит нежилым. Это рядом с Букингемским дворцом. Видимо, там его логово. Там все тихо. Похоже, он водит туда женщин. Что-нибудь еще? Мне нужно возвращаться, а то возомнят, будто сперли королевские регалии.

— Ладно, отпускаю вас, — сказал Бонд. — Сделаю все, что в моих силах, а нет — позову на помощь ваших. Не волнуйтесь, если какое-то время я буду молчать. До встречи.

— До встречи, — попрощался Вэлланс с облегчением в голосе. — И спасибо. Удачи вам.

Бонд положил трубку.

Но тут же поднял ее вновь и набрал номер «Блейдса».

— Говорят из министерства ассигнований, — представился он. — Сэр Хьюго, в клубе?

— Да, сэр, — послышался дружелюбный голос Бреветта. — Он в обеденной зале. Вы желаете с ним говорить?

— Нет, не нужно, — сказал Бонд. — Просто хотел убедиться, что он еще не уехал.

Не ощущая вкуса пищи, Бонд в спешке проглотил ужин и в восемь-сорок пять

покинул ресторан. Машина ожидала его у входа. Отпустив штабного водителя, он отправился на Сент-Джеймс-Стрит. Чтобы не бросаться в глаза, Бонд поставил машину в ряду такси перед входом в «Будл» и, устроившись на сиденье поудобней, развернул вечернюю газету, так чтобы поверх нее видеть «мерседес» Дракса, который, как он с облегчением обнаружил, был припаркован на Парк-Стрит. Рядом никого не было.

Ждать пришлось недолго. Внезапно от дверей «Блейдса» пролегла широкая полоса желтоватого света, и в проеме показалась исполинская фигура Дракса. На голове его была мягкая фетровая шляпа, натянутая на уши и потому скрывавшая глаза. Быстрой походкой подойдя к «мерседесу», он сел в него, хлопнул дверцей и, — прежде чем Бонд успел переключиться на третью скорость, — вырулив на левую полосу Сент-Джеймс-Стрит и тормознув на повороте у Сент-Джеймского дворца, умчался.

Вот оно что, он, оказывается, любитель полихачить, подумал Бонд, оглябая на скорости пешеходный островок на Мелле и завидя, что Дракс уже миновал статую перед дворцом. Стараясь не отставать, он по-прежнему держался на третьей скорости. Бэкингем-Пэлас-Гейт. Стало быть, Эбьюри-Стрит. Не спуская глаз с белого «мерседеса», Бонд судорожно строил планы. Светофор на углу Лоуэр-Гросвенор-Плейс пропустил Дракса, но перед носом Бонда зажег красный свет. Бонд не стал дожидаться разрешающего сигнала, и как раз во время — Дракс уже сворачивал на Эбьюри-Стрит. Будучи почти уверен, что Дракс сделает остановку возле своего дома, Бонд домчался до поворота и, чуть не доезжая до него, затормозил. Он выскочил из «бентли», оставив его на ходу и, пройдя несколько шагов по направлению к Эбьюри-Стрит, услышал два коротких гудка. Осторожно выглянув из-за угла, он увидел Кребса, тащившего по тротуару обмякшую девушку. Затем хлопнула дверца «мерседеса» и он рванул с места.

Бонд кинулся к машине, врубил третью скорость и пустился в погоню.

Слава Богу, что «мерседес» белого цвета. Вон он впереди, на перекрестках вспыхивают искры тормозных огней, фары включены на полную мощность, клаксон ревет при малейшем намеке на задержку и без того редком движении.

Бонд сжал зубы, он вел автомобиль так, словно это был необъезженный жеребец в Испанской школе верховой езды в Вене. Из опасения обнаружить свое присутствие он не мог пользоваться ни фарами, ни клаксоном. Все, что ему оставалось, — это обходиться тормозами и коробкой передач, да уповать на везение.

Низкий стрекот двухдюймовой выхлопной трубы «бентли» эхом отражался от стоящих по обеим сторонам улицы домов, скаты шуршали по гудронированному покрытию полотна. Он благодарил небо за то, что всего лишь неделю назад поставил на колеса новый комплект гоночной резины «Мишлен». Если бы только светофоры были более благосклонны. Бонду казалось, что он всегда попадает только на красный или желтый свет, тогда как Дракс всегда успевал на зеленый. Челсийский мост. Похоже, Дракс собирается попасть в Дувр по южному радиусу! Сможет ли он выдержать гонку с «мерседесом» по трассе А—20? У Дракса два пассажира. Возможно, его машина плохо отлажена. Но с независимыми подвесками ему куда проще брать виражи, чем Бонду. Старенький «бентли» был слишком высок для этого. Завидев показавшееся на встречной полосе такси. Бонд нажал педаль тормоза и не без опаски просигналил. Такси прижалось к краю полотна, и Бонд, пролетая мимо, краем уха услышал брошенное в его адрес короткое ругательство.

Клапем Коммон — белый «мерседес» замелькал между деревьями. Бонд гнал «бентли» на прямом участке шоссе под восемьдесят и вдруг заметил, что светофор перед самым носом Дракса вспыхнул красным светом, гот остановился. Бонд перевел рычаг переключения скоростей в нейтральное положение и теперь беззвучно приближался. Пятьдесят ярдов. Сорок, тридцать, двадцать. На светофоре

переменились огни. Дракс нажал на акселератор и был уже далеко, однако Бонд успел заметить, что Кребс сидит рядом с водителем и что Галы в салоне нет, а есть лишь ворох тряпья на узком заднем сиденье. Вопросы, отпали сами собой. Больную девушку не возят в машине, словно мешок картошки. И уж во всяком случае не на такой скорости. Стало быть, она пленница. Почему? Чем она провинилась? Что «раскопала»? И что все-таки происходит на самом деле?

Мелькали погруженные во мрак перекрестки, и каждый из них напоминал огромную хищную птицу, которая всякий раз набрасывалась Бонду на плечи и клочкотала прямо в уши, что он оказался слепым болваном. Слепец, слепец, слепец. С самого того момента, как после ночи в «Блейдсе» он, сидя в своем кабинете, пришел к выводу что Дракс опасен, ему следовало быть на чеку. И при первых же тревожных симптомах — к примеру, отпечатков пальцев на карте, — он должен был начать действовать. Но как? Он и так старался не обойти вниманием ни одну версию, ни один след. Что он мог сделать, кроме как убить Дракса? И в награду угодить на виселицу? Ладно. Что теперь? Может, стоит остановиться и позвонить в Скотленд-Ярд? Упустив при этом «мерседес»? Насколько он мог судить, Дракс заманил Галу в машину именно для того, чтобы по пути в Дувр избавиться от нее. И предотвратить это мог лишь Бонд, если, конечно, успеет.

Словно в ответ на его мысли жалобно завизжали шины, когда Бонд, сворачивая с южного радиуса на шоссе А—20, завращался на круговой развязке. Нет. Он обещал М., что справится сам. И то же он обещал Валлансу. Тяжкое бремя свалилось на его плечи, но он обязан сделать все от него зависящее. В крайнем случае, он попытается догнать «мерседес» и выстрелить в скаты. А если что, можно и извиниться. Но упустить Дракса — преступление.

Быть по сему, — сказал себе Бонд.

Отыскав место посветлее, Бонд сделал остановку, которую использовал для того, чтобы достать из «бардачка» пару защитных очков и надеть их. Затем, подавшись вперед, он ослабил левый винт лобового стекла и проделал то же самое с винтом справа. Потом опустил узкое стекло на капот и закрепил винты.

После этого на большой скорости он устремился прочь от суонлейской развилки и короткое время спустя уже мчался со скоростью девяносто миль в час по осевой разметке фаринигамского объезда. Лишь свист ветра в ушах и пронзительный вой нагнетателя были свидетелями этой безумной гонки.

Впереди сверкнули мощные фары перевалившего через вершину ротэмского холма «мерседеса» и потонули в налитой лунным светом панораме кентской пустоши.

20. Гамбит Дракса

Три отдельные источника боли ощущала в своем теле Гала. Пульсирующая боль за левым ухом, резь в запястье от гибкого шнура и ссадины на лодыжках.

Каждый толчок, каждый поворот, каждое резкое торможение отдавалось болью. Если бы только она лежала на заднем сиденье более плотно. Но места было много, и она свободно болталась по сиденью. То и дело ей приходилось отворачивать свое избитое лицо, постоянно притискивавшееся к обтянутой сверкавшей кожей спинке.

Воздух, который она вдыхала, был насквозь пропитан запахом новой кожаной обивки, выхлопных газов и вонью паленой резины, появлявшейся на крутых виражах от трения шин.

И все же эти неудобства и боль были не главным.

Кребс! Самое странное было в том, что именно страх перед Кребсом и отвращение к нему мучали ее более всего. Остальное же просто не поддавалось осмыслению. Тайна Дракса и его ненависть к Англии. Загадка его великолепного

знания немецкого языка. «Мунрейкер». Секрет атомной боеголовки. Каким образом спасти Лондон. Не найдя ответы на эти вопросы, она перестала о них думать.

Однако часы, проведенные наедине с Кребсом, по-прежнему стояли перед ней во всем их ужасе, и она мысленно возвращалась и возвращалась, словно язык к больному зубу, к подробностям дня.

После того, как Дракс ушел, она еще долго разыгрывала обморок. Сперва Кребс занимается механизмами, ласково, по-детски заговаривая с ними по-немецки.

— Так, моя Liebchen [милая (нем.)]. Теперь лучше, не правда ли? Не желаешь ли капельку масла, моя Pupperl [куколка (нем.)]. Ну конечно. Сию минутку. Нет, нет, лентяйка. Я говорю — тысяча оборотов. А не девятьсот. Попробуй еще разок. Уверен, ты можешь работать лучше. Да мое Schatz [сокровище (нем.)]. Вот так. Крутись, крутись. Вверх и вниз. Крутись. Позволь мне протереть твоё стеклышко, чтобы мы могли лучше разглядеть шкалы. Jesu-Maria, bist du ein braves kind! [Иисус-Мария, какой же ты славный ребенок! (нем.)]

Все это чередовалось с периодами, когда он прерывал свои занятия и вставал перед ней в зловещей задумчивости, ковыряя в носу и цыкая зубом. Постепенно он стал вставать перед нею все чаще и чаще, забывая о машинах, размышляя, прикидывая.

Вдруг Гала почувствовала, что его пальцы расстегивают верхнюю пуговицу ее блузы. Чтобы скрыть судорогу отвращения, она испустила правдоподобный стон и сделала вид, будто сознание вновь возвращается к ней.

Она попросила пить, и Кребс принес ей из ванны воды в стаканчике для полоскания. После этого он поставил перед ней задом наперед кухонный стул, оседлал его и, положив подбородок на верхнюю рейку спинки, стал внимательно разглядывать ее из-под бледных ниспадающих век.

Она нарушила молчание первой.

— Зачем меня сюда привезли? — спросила она. — Что это за приборы?

Он облизал свои вытянутые вперед губы, под соломенной щеточкой усов раскрылся ротик и медленно растянулся в ромбовидную усмешку.

— Это приманка для маленьких птичек, — сказал он. — Скоро в это тепленькое гнездышко прилетит маленькая птичка. А потом маленькая птичка отложит яичко. О, это будет большое яйцо! Такое прекрасное, огромное яйцо! — Нижняя часть его лица скривилась, глаза закатились. — А эта девушка находится здесь потому, что может спугнуть маленькую птичку. А это было бы очень грустно, не правда ли, — следующие три слова прозвучали подобно ударам хлыста, — грязная английская шлюха?

Взгляд его стал пристальным и напряженным. Он придвинул стул ближе, и теперь ее отделял от его лица какой-то фут. Зловонное дыхание душило ее.

— Ну, английская сучка. На кого ты работаешь? — Он ждал. — Ты обязана мне отвечать, — мягко проговорил он. — Мы здесь одни. Никто не услышит твоего крика.

— Не говорите глупости, — в отчаянии воскликнула Гала. — На кого я могу работать, кроме как на сэра Хьюго? — Услышав имя хозяина, Кребс осклабился. — Я просто хотела посмотреть график полета... — и она принялась путано объяснять про свои расчеты и расчеты Дракса и про то, как хотелось ей внести свой вклад в успех «Мунрейкера».

— Начни-ка сначала, — прошипел Кребс, когда Гала закончила. — Ты должна придумать что-нибудь более убедительное, — и вдруг глаза его загорелись садистским экстазом, руки из-за спинки стула медленно потянулись к ней...

Лежа на заднем сиденье мотавшегося из стороны в сторону «мерседеса» и сжав зубы, Гала со стонами негодования вспоминала, как мягкие пальцы шарили по ее телу, щупали, щипали, гладили, а пустой, горячий взгляд Кребса впивался в ее глаза, куда она не собрала слюну и не плюнула в его лицо.

Даже не позаботившись отереть лицо, он резко и сильно ударил ее. Она вскрикнула и к своему счастью лишилась чувств.

Очнулась она только тогда, когда ее, прикрыв сверху тряпьем, затолкали на заднее сиденье машины. Потом они неслись по улицам Лондона, и до ее слуха долетал шум проезжавших мимо машин, безумный звон велосипедного звонка, чей-то крик, рокот мотоцикла, визг тормозов. Она поняла, что вновь находится в мире реальности и что вокруг нее англичане — свои. Гала предприняла отчаянную попытку приподняться на коленях и закричать, однако Кребс каким-то чутьем уловил ее движение, поскольку руки его немедленно обхватили ее лодыжки и крепко привязали их к подножке сиденья. И тут Гале стало ясно, что она погибла. По ее щекам вдруг покатались слезы, она молилась лишь о том, чтобы хоть кто-нибудь успел к ней на помощь.

Все это происходило меньше часа тому назад, и теперь — судя по тому, как медленно они двигались, и по шуму автомобилей — Гала поняла, что они добрались до какого-то крупного города, очевидно, Мейдстона, если путь их лежал на площадку.

Вдруг в относительной тишине, которая сопровождала их продвижение по городу, Гала различила голос Кребса. В голосе чувствовалась тревога.

— Mein Kapitän, — произнес он. — Я уже давно наблюдаю за одной машиной. Уверен, она преследует нас. Она почти не включает фары. Сейчас она лишь в сотне метров позади нас. По-моему, эта машина принадлежит командеру Бонду.

В ответ Дракс что-то удивленно буркнул, и она услышала, как его грузное тело заворочалось на сиденье.

Дракс коротко выругался и замолк. Гала чувствовала, как большая машина стала маневрировать еще энергичнее.

— Ja, sowas! [вот как (нем.)] — наконец проговорил Дракс. Голос его был задумчив. — Стало быть, этот драндулет, годный разве что для музея, все еще на ходу. Тем лучше, мой милый Кребс. Кажется, он действует в одиночку. — Он хрипло захохотал. — В таком случае, мы предоставим ему возможность получить полное удовольствие, и, если он останется цел, то мы засунем его в мешок вместе с этой бабой. Включи-ка радио. Внутреннее вещание. Сейчас узнаем, успел ли он нам напакостить.

Раздался треск статического электричества, и наконец Гала услышала голос премьер-министра. Голос этот, сопровождавший все величайшие мгновения ее жизни, доносился сейчас обрывками фраз: «...оружие, сотворенное гением человека... на тысячи миль вглубь небесного свода... зона, патрулируемая кораблями ее Величества... созданное исключительно в интересах обороны нашего любимого острова... долгая эра мира... шаг вперед в осуществлении величайшей мечты человечества вырваться за пределы нашей планеты... великий патриот и благодетель нашей страны сэр Хьюго Дракс...»

Заглушая рев ветра, до слуха Галы докатился дикий, полный триумфа и презрения гогот Дракса. Приемник смолк.

«Джеймс, — мысленно шептала Гала, — на тебя вся надежда. Будь осторожен. Но торопись».

Лицо Бонда было сплошь покрыто коростой из пыли и мошек, что разбивались об него. То и дело приходилось отрывать от руля сведенную судорогой руку и протирать очки, но главное — «бентли» шел превосходно, и Бонд был уверен, что не упустит «мерседес».

Он мчался на прямом отрезке пути при въезде в Лидс-Касл со скоростью 95 миль в час, когда вдруг позади него вспыхнули мощные фары, и под самым ухом оглушительно и дерзко раздался сигнал клаксона.

Появление третьего участника погони было почти невероятным. С того момента, как он оставил Лондон, Бонд едва брал на себя труд посматривать в зеркало заднего

вида. Только какой-нибудь лихач или сорви-голова отважился бы ввязаться в такую гонку. Бонд инстинктивно оглянулся через левое плечо и краем глаза увидел, как приземистый, огненно-красного цвета автомобиль догоняет его и, выжимая дополнительные десять миль, вырывается вперед. Мысли его спутались.

Он успел заметить знаменитый радиатор «альфы» и четкую белую надпись на боку капота — «Удалец II». Он также заметил ухмылку на лице водителя, молодого парня в рубашке, который прежде чем умчаться в вихре грохота, производимого нагнетателем, тархтящей, как пулемет Гатлинга, выхлопной трубой и разболтанной трансмиссией разогнавшейся «альфы», показал Бонду два растопыренных в победном жесте толстых пальца.

С восхищенной улыбкой Бонд помахал водителю в ответ. «Альфа-ромео» с компрессором, догадался Бонд. И не новее, чем его «бентли». Вероятно, тридцать второго или тридцать третьего года выпуска. Какой-то гонщик-любитель с одной из местных авиабаз. Боится опоздать после вечеринки и проштрафиться. Бонд с теплым чувством проводил глазами «альфу», вильнувшую хвостовыми огнями на извилистом отрезке пути близ Лидс-Касла, а затем с ревом помчавшуюся по широкому шоссе в сторону чарингской развилки, до которой было еще далеко.

Бонд представил себе, с каким восторгом мальчишка поравняется с Драксом — "Ого, да это же «мерседес». И приступ ярости, с которым Дракс встретит дерзкий сигнал клаксона. Жмет где-то под 105 [миль в час], прикинул Бонд. Только бы не свернул. Он видел, как сближались задние огни двух машин. Юноша в «альфе» готовился во второй раз проделать свой фокус — подкрасться сзади и, как только представится возможность обгона, внезапно врубить разом и клаксон, и фары.

И вот этот момент наступил. Ярдах в четырехстах впереди во внезапно вспыхнувших сдвоенных фарах «альфы» забелел «мерседес». Осветившаяся дорога на целую милю была пуста и пряма как стрела. Бонд почти физически ощущал, как ступня юноши вдавливают педаль акселератора в днище кузова. Удалец!

На переднем сиденье «мерседеса» Кребс кричал в самое ухо Дракса.

— Еще один. Не вижу лица. Обгоняет.

Дракс грязно выругался. В бледном свете приборной доски блеснули его обнаженные зубы.

— Сейчас я преподам урок этой свинье, — проговорил он, ворочая плечами и крепко сжимая руками в черных кожаных перчатках руль. Косясь, он следил, как с правого борта подтягивался нос «альфы». Пом-пим-пом-пам — мягко и ненавязчиво визгнул клаксон. Дракс переложил баранку «мерседеса» на дюйм вправо и, услышав немилосердный скрежет металла, немедленно вернул ее в прежнее положение и выровнял машину.

— Bravo! Bravo! — завопил Кребс, вне себя от восторга; он с ногами забрался на сиденье и смотрел назад. — Двойное сальто. Перелетел вверх тормашками через бортик. Наверное, уже горит. Точно. Вижу пламя.

— Это даст нашему замечательному мистеру Бонду повод поразмыслить, — тяжело дыша, осклабился Дракс.

Однако Бонд, чье лицо было покрыто плотной коркой, и не помышлял сбавлять скорость. Продолжая преследовать «мерседес», он уже не думал ни о чем кроме мести.

Он видел все. И как, гротескно взмыв в воздух, красная машина перевернулась и раз, и другой, и как вылетел, растопылив конечности, со своего места водитель, слышал последний удар, когда «альфа», перевалив через ограждение, грохнулась в поле.

Проносясь мимо места катастрофы, Бонд кроме жутких, черных зигзагов на гудронированном покрытии шоссе, запомнил еще одну мрачную деталь. Непонятно, каким образом уцелевший в этой мясорубке клаксон замкнулся, скрипуче посылая в

небо сигнал, словно упреждая приближение «Удальца», которого больше не было — пом-пим-пом-пам. Пом-пим-пом-пам.

Итак, Бонд стал свидетелем неприкрытого убийства. Или по крайней мере покушения на него. Значит, каковы бы ни были его мотивы, сэр Хьюго Дракс объявляет войну и не возражает, чтобы Бонд об этом знал. Что ж, это упрощает многое и значит только одно — Дракс — преступник и, возможно, маньяк. В добавок, это означало то, что «Мунрейкеру» грозит страшная опасность. Этого для Бонда было вполне достаточно. Он запустил руку под приборную доску, достал из тайника длинноствольный армейский «кольт» 45-го калибра и положил его рядом с собой на сиденье. Теперь драка шла в открытую, и «мерседес» необходимо было остановить любой ценой.

Как будто оказавшись на донингтонском автодроме, Бонд сильнее вдавил педаль акселератора в пол и оставил ее в таком положении. Стрелка спидометра запрыгала в районе 100-мильной отметки, разрыв стал медленно сокращаться.

На развилке у Чаринга Дракс повернул налево и пустился вверх по длинному подъему. Впереди в лучах мощных фар «мерседеса» возник огромный восьмиколесный дизельный тягач компании «Боуотерс». Изнемогая под грузом 14 тонн бумаги, которую доставлял для утреннего тиража одной из восточно-кентских газет, он только-только начинал вписываться в крутой вираж.

Завидя длинный прицеп с двадцатью огромными рулонами, каждый из которых содержал в себе пять тысяч метров бумаги и был прикреплен веревками к платформе, Дракс вполголоса выругался. Тягач был сейчас на вершине подъема в середине S-образного зигзага, который дорога делала в этом месте.

Бросив взгляд в зеркало заднего вида. Дракс заметил, что «бентли» уже на развилке. Внезапно в его голове созрел план.

— Кребс, — словно выстрелив, позвал Дракс. — Достань-ка свой нож.

Раздался резкий щелчок, и длинное узкое лезвие выскочило наружу. Ни к чему мешкать, когда приказывает хозяин.

— Я пристроюсь в хвост тягачу. Ты снимешь туфли и носки, вылезешь на капот, и, когда я достану прицеп, перепрыгнешь на него. Скорость тут черепашья, так что это не опасно. Перережешь веревки, которыми крепятся рулоны. Сперва с левой стороны, потом — с правой. Я поравняюсь с тягачом, и когда перережешь вторую партию, прыгай назад в машину. Смотри, чтобы тебя не унесло вместе с бумагой. Verstanden? Also. Hals und Beinbruch! [Понятно? Приготовься. Береги шею и ноги! (нем.)]

Дракс потушил огни и на скорости восемьдесят миль в час миновал первое колено зигзага. До тягача оставалось ярдов двадцать и, чтобы избежать столкновения, Драксу пришлось резко тормознуть. «Мерседес» прочертил на асфальте полосу. Его радиатор оказался чуть ли не под самой платформой прицепа.

Дракс переключился на вторую скорость.

— Пошел! — Он очень аккуратно вел машину, пока Кребс перелезал через лобовое стекло и босиком, в раскорячку, с ножом в руке полз по капоту.

Оказавшись одним прыжком на платформе, Кребс стал одну за одной перерезать крепёжные веревки по левому борту. Дракс сместился вправо и тащился теперь вровень с задним мостом дизеля, жирные клубы выхлопного дыма били ему в глаза и нос.

Из-за поворота показались огни «бентли».

Рулоны с глухим стуком посыпались с левой стороны платформы и, шурша, исчезли во тьме. И снова удары — перерезаны веревки справа. Падая, один из рулонов порвался, и Дракс услышал, как разворачивающийся с сухим треском рулон, угрожая смести все на своем пути, покатился по 10-процентному уклону.

Облегченный тягач рванулся вперед, и Драксу пришлось немного поддать газу,

чтобы поймать зависшего в воздухе Кребса, который приземлился не то на переднее сиденье, не то на спину Галы. Дракс вжал в пол педаль акселератора и устремился вверх по склону, оставляя без внимания крики водителя тягача, заглушавшие даже стук клапанов.

Минуя второй поворот зигзага. Дракс заметил, как над верхушками деревьев взметнулись два луча и застыли на несколько мгновений почти вертикально; затем, кружась, они озарили небо и погасли.

Оторвавшись на тысячную долю секунды от дороги, Дракс подставил свое торжествующее лицо звездам. Его чрево исторгло жуткий гогот.

21. «Аргументатор»

Подобострастные смешки Кребса вторили хохоту маньяка.

— Классный удар, Mein Kapitän! Видели бы вы, как они посыпались один за одним. И тот, что разорвался. Wunderschon! [Грандиозно! (нем.)] Словно рулон туалетной бумаги для гиганта. Он завернет его в славную бандерольку. Он как раз выезжал из-за поворота. И второй залп был не хуже первого. Вы видели физиономию шофера? Zum Kotzen! [Какая гадость! (нем.)] Фирма «Боуотер»! Пусть-ка поищут свою бумагу.

— Молодец, — коротко похвалил его Дракс, однако мысли его были уже далеко.

Он вдруг притормозил у обочины, скаты протестующе завизжали.

— Donnerwetter [черт возьми (нем.)], — сердито проговорил он, разворачивая машину. — Мы не можем его там оставить. — «Мерседес» уже мчался в обратном направлении. — Пистолет, — приказал Дракс.

На вершине холма они вновь повстречали тягач. Тот стоял, водителя поблизости не было. Наверное, связывается по телефону с компанией, подумал Дракс, гася скорость и минуя первый поворот зигзага. В двух или в трех домах уже горел свет, вокруг одного из рулонов, что лежал среди обломков чьих-то ворот, собралась кучка местных жителей. С правой стороны дороги, у бортика были еще рулоны. С левой — стоял телеграфный столб, накренившийся точно пьяный и надтреснутый посередине. Далее, от второго поворота, по всей длине склона тянулась сплошная бумажная полоса, оплетавшая ограждение и дорогу словно серпантин на карнавале великанов.

«Бентли» почти проломил ограждение, установленное вдоль правой кромки виража, под которым открывался крутой обрыв. Запутавшись в металлических прутьях, автомобиль висел радиатором вниз, колесо, каким-то чудом державшееся на поломанной задней оси, криво торчало вверх, словно какой-то сюрреалистический зонтик.

Подъехав ближе, Дракс и Кребс вылезли из машины и тихо стали, прислушиваясь.

Кругом была тишина, если не считать далекого монотонного шума мчавшихся по скоростному ашфордскому шоссе автомобилей, да стрекота неумимых цикад.

С оружием в руках они осторожно приблизились к останкам «бентли», под ногами хрустело битое стекло. В поросшей травой обочине пролегли глубокие борозды. В воздухе носился запах бензина и горелой резины. Раскаленный металл издавал легкое потрескивание, из развороченного радиатора по-прежнему вырывался пар.

Бонд лежал на дне обрыва в футах двадцати от своей машины, уткнувшись лицом в землю. Кребс перевернул его. Лицо было окровавлено, но он дышал. Они тщательно обыскали его, и изящная «беретта» перекочевала в карман Дракса. Потом вдвоем они оттащили Бонда к шоссе и погрузили на заднее сиденье «мерседеса», едва не раздавив при этом Галу.

Когда Гала поняла, кто это, крик ужаса вырвался из ее горла.

— Halt's Maul! [заткни глотку (нем.)] — рявкнул Дракс. Он сел на переднее сиденье и стал разворачивать машину. Кребс перевесившись через спинку сиденья, производил какие-то манипуляции с электропроводом.

— Вяжи как следует, — приказал Дракс. — Мне не нужны лишние неприятности, — затем, секунду подумав, прибавил. — После вернись к машине и свинти номерные знаки. Живее. Я поспежу за дорогой.

Накинув на два недвижимых тела тряпку, Кребс выскочил из машины. Пользуясь ножом как отверткой, он быстро отвернул номера, и как только на склоне холма появилась возбужденная группа людей, освещавших фонарями сцену катастрофы, большая машина тронулась.

Мысль о том, что этим тупоголовым англичанам придется изрядно потрудиться, чтобы расчистить этот бардак, заставила Кребса самодовольно усмехнуться. Он снова сидел в машине, готовый насладиться оставшейся частью путешествия, которая всегда доставляла ему самое большое удовольствие — полный колокольчиков и чистотела весенний лес, не прерывавшийся до самого Чилэма.

Особую радость доставлял ему лес ночью. Вспыхивавший изумрудными факелами молодых деревцев, высвеченных яркими фарами «мерседеса», он вызывал в памяти чудесные леса Арденн, маленький сплоченный отряд, в котором проходила его служба, поездки в трофейных американских джипах вместе со своим обожаемым командиром. Теперь это все повторилось. Долго они ждали Der Tag [решающий день (нем.)], и вот он настал. И молодой Кребс был тут. А впереди — восторженные толпы, награды, женщины, цветы. Он посмотрел в окно. За окном проплывали широкие поля колокольчиков. Ему было тепло и радостно.

Гала ощутила вкус крови Бонда. Его лицо было рядом с ее лицом на кожаной обивке. Чтобы дать ему больше места, она подвинулась. Бонд дышал тяжело и прерывисто. Насколько опасны были его повреждения, Гала не знала. Она попробовала заговорить с ним, шепча ему прямо в ухо. Он застонал, и дыхание его участилось.

— Джеймс, — позвала она тихо. — Джеймс.

Он что-то пробормотал, и она прижалась к нему плотнее.

Из него выплеснулся целый поток ругательств, тело зашевелилось.

Затем он снова затих. Она почти физически ощущала, как чувства вновь возвращались к нему.

— Это я — Гала. — Она почувствовала, как напряглось его тело.

— Боже, — застонал он. — Какой ад.

— С тобой все в порядке? Ничего не сломано?

Бонд напряг конечности.

— Кажется, кости целы, — сказал он. — Только шишка на голове. Я говорю глупости?

— Все нормально, — успокоила его Гала. — Теперь слушай.

И она торопливо рассказала ему все, что узнала, начиная с истории с записной книжкой.

Его тело давило на нее точно доска. Слушая ее невероятный рассказ, он едва дышал.

Наконец, они въехали в Кентербери. Бонд приблизил лицо к ее уху.

— Я должен попробовать выпрыгнуть из машины, — прошептал он. — Нужно найти телефон. Это единственная надежда.

Он попытался привстать на коленях, при этом едва было не задавив девушку своей массой.

Последовал резкий удар, и Бонд рухнул на Галу.

— Еще раз шевельнешься, и ты труп, — негромко проговорил Кребс,

просунувшись между сиденьями.

Стало быть, до площадки осталось лишь двадцать минут езды! Со скрежетом стиснув зубы, Гала вновь ринулась приводить Бонда в чувство.

Однако это ей удалось только тогда, когда машина подкатила к двери купола шахты и Кребс, сжимая в руке пистолет, развязал путы на их ногах.

Прежде чем их втолкнули внутрь, они краем глаза увидели знакомое бетонное пространство и застывший в отдалении полукруг охранников. Затем Кребс сорвал с них обувь, и они оказались на узкой стальной площадке трапа.

Сверкавшая бликами ракета — прекрасная и нетронутая — напоминала какую-то циклопическую игрушку.

Но воздух был пропитан тошнотворными испарениями химических реактивов, и оттого Бонду «Мунрейкер» представлялся иглой гигантского шприца, которая вот-вот будет введена в самое сердце Англии. Оставляя окрики Кребса без внимания. Бонд медлил на трапе, его взгляд был прикован к носу ракеты. Миллионы жизней. Миллионы. Миллионы. Миллионы.

В его руках? В его руках?

Подталкиваемый пистолетом Кребса, Бонд, стараясь не отставать от Галы, медленно спускался по ступенькам.

Когда он, миновав двойные двери, вошел в кабинет Дракса, он уже полностью владел собой. Сознание его вдруг просветлело, боль и усталость покинули тело. Что-то — все равно что — необходимо предпринять. Он обязательно найдет способ. Он вновь ощущал прежнюю силу в мышцах и ясность в голове. Горечь поражения, словно змеиная шкура сползла с него.

Дракс обогнал их и уселся за стол. В руке он сжимал «люгер», который был нацелен куда-то между Бондом и Галой.

У себя за спиной Бонд услышал шум запираемых дверей.

— Я был одним из лучших снайперов в дивизии «Бранденбург», — предупредил Дракс без всякой угрозы. — Кребс, привяжи ее к стулу. Потом его.

Гала бросила отчаянный взгляд на Бонда.

— Вы не посмеете стрелять, — сказал Бонд. — Побоитесь прострелить баки. — Он сделал несколько шагов в направлении стола.

Дракс весело улыбнулся и направил ствол пистолета в живот Бонда.

— У тебя скверная память, англичанин, — безразлично сказал он. — Я уже говорил, что данный кабинет изолирован от шахты двойными дверями. Еще один шаг, и я разворочу тебе брюхо.

Глянув в уверенно сощуренные глаза, Бонд остановился.

— Продолжай, Кребс.

Когда оба были надежно, до боли, прикручены к ножкам и подлокотникам стальных трубчатых стульев, что стояли в нескольких футах друг от друга под стеклянной картой, Кребс вышел из комнаты, однако через мгновение вернулся снова, неся в руках слесарную паяльную лампу.

Поместив страшный прибор на стол, он несколькими энергичными движениями плунжера накачал воздух и поднес зажженную спичку. Шипя, наружу вырвалось голубое двухдюймовое пламя. Кребс взял инструмент и шагнул к Гале. Не доходя до нее, он остановился.

— Итак, — угрюмо произнес Дракс. — Покончим со всем этим без лишнего шума. Наш дорогой Кребс в этом ремесле мастер. Мы даже придумали для него прозвище — «Аргументатор». Никогда не забуду, как он обработал последнего пойманного нами шпиона. Это было к югу от Рейна, не так ли, Кребс?

Бонд весь превратился в слух.

— Так точно, Mein Kapitän, — вспоминая, Кребс захихикал. — Тот ублюдок был бельгийцем.

— Тогда начнем, — сказал Дракс. — И запомните оба. Здесь не будет никаких правил, никаких гарантий и всякой такой чепухи. Это дело. — Слова сыпались словно удары хлыста. — Ты, — он посмотрел на Галу Бранд, — на кого ты работаешь?

Гала молчала.

— Действуй по своему усмотрению. Кребс.

Челюсть Кребса отвисла. Он облизал нижнюю губу. Когда он сделал шаг к девушке, казалось, что дышать ему стало труднее.

Крошечный язычок пламени алчно гудел.

— Стойте, — спокойно сказал Бонд. — Она работает на Скотленд-Ярд. И я тоже. — Утаивать это теперь не имело смысла. К тому же, из этой информации Дракс все равно не мог извлечь никакой пользы. Да и никакого Скотленд-Ярда к завтрашнему полудню может уже не быть.

— Так-то лучше, — сказал Дракс. — Кто-нибудь знает о том, что вы захвачены? Вы звонили кому-нибудь по дороге?

Бонд размышлял: если сказать «да», он пристрелит нас обоих, уничтожит тела, и тогда все шансы остановить «Мунрейкер» пропали. И если Скотленд-Ярд в курсе всего, то почему их еще нет? «Нет». Вот наш шанс. «Бентли» будет обнаружен. Вэлланс встревожится, когда я не выйду на связь.

— Нет, — сказал он. — Иначе они давно были бы уже здесь.

— Верно, — задумчиво проговорил Дракс. — В противном случае вы мне больше не интересны, посему поздравляю вас с тем, что наша беседа протекает столь гармонично. Было бы гораздо труднее: если бы вы были один. В таких делах девушка всегда большое подспорье. Кребс, оставь. Можешь идти. Скажи всем, сам знаешь что. А то они еще не в курсе. Я еще некоторое время займу наших гостей, а затем приду в дом. Проследи, чтобы как следует вымыли машину. Особенно заднее сиденье. И пусть удалят царапины на правом крыле. Если нужно, пусть поставят новое крыло. Или пусть даже сожгут ее к черту. Больше она нам не понадобится, — он вдруг захохотал. — Verstanden?

— Так точно, Mein Kapitan. — Кребс с явной неохотой поставил мирно жужжавший прибор на стол возле Дракса. — На случай если вам понадобится, — сказал он, с надеждой глядя на Галу и Бонда, и вышел через двойные двери.

Дракс положил перед собой «люгер». Открыв ящик стола, он достал сигару и прикурил ее от настольной зажигалки «ронсон». Затем сел поудобнее. Пока Дракс с явным удовольствием курил, в комнате стояла тишина. Наконец, он как будто что-то решил и благодушно взглянул на Бонда.

— Вы не представляете себе, как давно я мечтал выступить перед английской аудиторией, — начал он словно на пресс-конференции. — Вы не представляете, как мне хотелось поделиться своей историей. Собственно говоря, полный отчет о моих деяниях находится в данный момент в руках одной очень уважаемой нотариальной фирмы в Эдинбурге. Да простят они меня, это фирма — «Райтерс ту зе Сигнет». Вам это можно знать. — Он сверкнул в них улыбкой. — Эти люди имеют инструкции вскрыть конверт по завершению первого успешного запуска «Мунрейкера». Но вам повезло, и вы узнаете то, что я написал, раньше других. А потом, когда завтра в полдень вы увидите сквозь эти открытые двери, — он сделал жест вправо, — первую струю пара из турбин и поймете, что через полсекунды сгорите заживо, до вас наконец дойдет, о чем пела пташка, как говорим мы, — он по-звериному оскалился, — англичане.

— Оставь свои шуточки при себе, — грубо оборвал его Бонд. — Валяй дальше, бош.

— Бош. Да, я действительно Reichsdeutscher [природный немец (нем.)], — губы под огненно-рыжими усами смаковали это аппетитное словцо, — но скоро Англия вынуждена будет признать, что ее обвел вокруг пальца всего один-единственный

немец. И, может быть, тогда нас перестанут называть бошами — ПО ПРИКАЗУ! — Эти последние слова он проревел, и в реве этом слышался голос марширующего по плацу пруссака.

Дракс сердито посмотрел на Бонда, его крупные выпяченные зубы под рыжими усами нервно вгрызлись в ногти. Затем, пересилив себя, он сунул правую руку в карман брюк, словно желая лишить себя соблазна, левой взял сигару. Он сделал затяжку, и после этого — голос его был по-прежнему скован — начал.

22. Ящик Пандоры

— Мое настоящее имя, — обращаясь главным образом к Бонду, произнес Дракс, — граф Гуго фон дер Драхе. Мать моя была англичанка, и именно по ее настоянию я до двенадцати лет воспитывался в Англии. Затем жизнь в вашей паршивой стране стала для меня невыносимой, и я завершил свое образование в Берлине и Лейпциге.

Бонд вполне себе представлял, что в английской частной школе этот неуклюжий грубиян с лошадиными зубами особого к себе сочувствия не внушал. И то, что он был заморским графом с цепочкой труднопроизносимых имен, едва ли спасало положение.

— Когда мне исполнилось двадцать, — глаза Дракса загорелись блеском воспоминаний, — я стал принимать участие в нашем семейном деле. Это была дочерняя компания мощного стального концерна «Рейнметал Борзиг». Вы-то, наверное, о нем не слыхали, но если бы на войне в вас угодил 88-миллиметровый снаряд, то он вполне мог бы оказаться нашим. Компания специализировалась на производстве особых видов сталей, и я изучил дело до тонкостей. Много я знал и о самолетостроении, где были самые требовательные наши заказчики. Тогда-то я впервые и услышал о колумбите. В те дни он шел буквально на вес золота. Потом я вступил в НСДАП и почти сразу же оказался в гуще войны. Чудесное было время. Мне исполнилось двадцать восемь, я был лейтенантом в 140-м бронетанковом полку. Мы словно нож масло кромсали британскую армию во Франции. То было упоительно.

Прервавшись, Дракс сделал смачную затяжку, и Бонд догадался, что сейчас перед глазами безумца стоят объятые пламенем и клубами дыма бельгийские села.

— То были замечательные деньки, мой дорогой Бонд. — Дракс вытянул свою длинную руку и стряхнул пепел с сигары прямо на пол. — Но потом меня перевели в дивизию «Бранденбург», и мне пришлось распрощаться с девушками и с шампанским и вернуться в Германию, чтобы готовиться к заброске через пролив в Англию. Мой английский пригодился в дивизии. Нас снабдили английским обмундированием. Все могло бы выйти очень забавно, однако вдруг эти паршивые генералы заявили, что подобная операция-де невозможна, и меня перевели в подразделение иностранной разведки службы СС. Оно называлось РСХА, и во главе его стоял обергруппенфюрер СС Кальтенбрунер, сменивший на этом посту погибшего в сорок втором году Гейдриха. Это был достойный человек, но я находился под непосредственным началом еще более достойного — оберштурмбаннфюрера СС, — это слово он произнес, едва не обсасывая вожделенно каждый звук, — Отто Скорцени. В РСХА он руководил акциями террора и саботажа. Это было приятной интерлюдией, за время которой мне удалось призвать к ответу многих англичан, что, — Дракс обдал Бонда холодным взглядом, — доставляло мне неопишемое на стол, — эти свиньи, генералы, предали Гитлера и позволили англичанам и американцам высадиться во Франции.

— Какая жалость, — сухо заметил Бонд.

— Именно, мой дорогой Бонд, какая жалость, — казалось, Дракс не заметил иронии. — Однако для меня настал звездный час на той войне. Скорцени

сформировал из террористов и диверсантов особые Jagdverbände [соединения истребителей (нем.)] для борьбы в тылу врага. Каждая Jagdverband делилась на Streifkorps [партизанские отряды (нем.)], а те в свою очередь на команды, каждая из которых носила имя своего командира. В декабре сорок четвертого в ходе арденнского наступления я в чине обер-лейтенанта во главе команды «Драх», — Дракс заметно приосанился, — и в составе прославленной 150-й панцербригады проник сквозь боевые порядки американцев. Уверен, у вас надолго запомнят рейд той бригады, одетой в американскую форму и воевавшей на американских танках и машинах. Kolossal! [Колоссально! (нем.)] Когда бригада вынуждена была отступить, мы затаились в арденнских лесах в пятидесяти милях от линии фронта. Нас было двадцать: десять здоровых мужчин и десять молодых «вервольфов» из гитлерюгенда. Им не было еще и двадцати, но это были славные ребята. Случилось так, что ими руководил некий молодой человек по имени Кребс, который обладал определенными качествами, позволившими ему стать экзекутором в нашей маленькой веселой компании, — Дракс довольно хихикнул.

Вспомнив стук, который издала голова Кребса, ударившись о туалетный столик, Бонд облизал губу. Бил ли он тогда изо всей силы? Да, подсказала память, в тот момент он вложил в носок ботинка всю силу.

— Мы прожили в лесу шесть месяцев, — с гордостью продолжал Дракс, — и все это время слали по радио донесения в Фатерланд. Местные пеленгаторы не могли напасть на наш след. Но однажды пришла беда. — Вспоминая, Дракс даже затряс головой. — В миле от нашего лесного убежища находилась ферма. Вокруг нее настроили множество домиков Ниссена и разместили там тыловой штаб связи какого-то подразделения. Англичане и американцы. Безнадежное место. Ни дисциплины, ни охраны, а сколько там сшивалось всякого сброда? Некоторое время мы следили за объектом и, наконец, решили его взорвать. Наш план был прост. Двое моих людей — один в американской форме, другой в британской — должны были пригнать туда трофейный «виллис», начиненный двумя тоннами взрывчатки. Автомобильный парк, разумеется, неохраняемый, располагался возле столовой, и мои люди должны были поставить машину как можно ближе к ней. Взрыв был назначен на семь вечера — время ужина. После этого мои люди должны были скрыться. Все очень просто. В то утро, поручив операцию своему заместителю, я отправился по делам. Нарядившись в мундир британского сигнальщика и сев на трофейный, британский же, мотоцикл, я отправился на охоту за курьером из части, который ежедневно курсировал по близлежащей дороге. Курьер, разумеется, появился вовремя. Я выехал из леса и сел ему на хвост, потом догнал, — по-прежнему как ни в чем не бывало рассказывал Дракс, — выстрелил в спину и, усадив на его же мотоцикл, сжег в лесу.

Заметив засверкавшие в глазах Бонда искры гнева, Дракс поднял руку.

— Что, не нравится? Но, друг мой, ведь он был уже мертв. Однако, продолжаю. Я отправился дальше, и что же произошло потом? За мной цепляется один из наших же самолетов, возвращавшихся с разведки, и расстреливает меня из пушки. Свои же самолет! Взрывом меня отбросило от дороги. Как долго я провалялся в канаве, не знаю. Днем я ненадолго пришел в себя и сообразил спрятать пилотку, мундир и депеши. Под камень. Возможно, они до сих пор там. Когда-нибудь заберу. Забавные сувениры. Затем я поджег разбитый мотоцикл и, видимо, вновь потерял сознание, потому что следующее, что я запомнил, было то, как меня подбирает британский автомобиль и везет напрямик в тот самый чертов штаб связи! Хотите верьте, хотите нет! А там прямо у самой столовой стоит наш «виллис»! Это было уже слишком. Меня всего изрешетило осколками, переломало ноги. Я потерял сознание, и когда вновь очнулся, надо мной уже колдовал весь госпиталь, я лишился половины лица. — Он поднял руку и провел ею по лоснившейся коже левого виска и щеки. —

После этого мне просто оставалось играть роль. Они совершенно не догадывались, кто я на самом деле. Машина, доставившая меня, уже укатила или же была разнесена на куски. Я был простым англичанином в английской рубашке и английских брюках, одной ногой стоящий на том свете.

Дракс смолк, достал новую сигару и закурил. В комнате воцарилась тишина, если не считать мягкого, затухающего гула паяльной лампы. Ее угрожающий зов стал тише. Падает давление, догадался Бонд.

Он повернул голову и посмотрел на Галу. Только теперь он заметил у нее за ухом уродливый синяк. Он послал ей ободряющую улыбку, и она искривилась в ответ.

Голос Дракса доносился сквозь завесу сигарного дыма.

— Мне почти больше нечего добавить, — сказал он. — За тот год, что меня таскали по госпиталям, я до мельчайших подробностей разрабатывал различные планы. Суть их была в одном — попросту отомстить Англии за то, что она сделала со мной и с моей страной. Согласен, со временем все это переросло в одержимость. Каждый день того года, года разорения и насилия над моей страной, увеличивал мою ненависть и презрение к Англии. — Вены на лице Дракса стали пухнуть, внезапно он заколотил кулаками по столу, его выпученные глаза перескакивали с Бонда на Галу и обратно, голос сорвался на крик. — Я ненавижу, я презираю вас всех! Свиньи! Бестолочь, ленивые, заплывшие жиром скоты, вы прятались за вашими проклятыми белыми скалами, пока другие проливали за вас кровь. Вы даже были не в силах защитить собственные колонии, пошли с протянутой рукой на поклон к Америке. Вонючие снобы, за деньги готовые на все. Ха! — он торжествовал. — Я знал, что мне понадобятся лишь деньги и личина джентльмена. Джентльмен! Pfu! Teufel! [Тьфу, дьявол! (нем.)] Для меня — джентльмен это дурак, которого можно облапошить. Взять к примеру, этих идиотов из «Блейдса». Карлики на сундуках с золотом. Сколько месяцев я обирал их на тысячи фунтов, надувал их прямо у них же под носом, пока не появились вы и не опрокинули мою тележку.

Дракс сощурился.

— Что навело вас на мысль о портсигаре? — вдруг спросил он.

Бонд пожал плечами.

— У меня есть глаза, — сказал он безразлично.

— Ладно, — проговорил Дракс, — возможно, я несколько потерял голову в тот вечер. Однако, на чем я остановился? Ах да, госпиталь. Эти добрые доктора так хотели помочь мне узнать себя. — Его потряс взрыв хохота. — Это было просто. Очень просто. — Глаза его приобрели лукавое выражение. — В числе тех образов, что они так любезно предложили мне, я наткнулся на имя некоего Хьюго Дракса. Какое совпадение! Из Драхе я превратился в Дракса! Осторожно я намекнул, что не возражаю быть им. Врачи очень обрадовались. Да, сказали они, это действительно ты. Сунув меня в чужие башмаки, медицина торжествовала. Я надел их, покинул госпиталь и пошел гулять по Лондону, ища кого бы убить и ограбить. И вот однажды в районе Пиккадилли я забрел в маленькую конторку еврея-ростовщика. (Теперь Дракс говорил быстрее. Слова лились из него бурным потоком. В углу рта, заметил Бонд, скопилась и все росла пена). Ха. Это было легко. Один удар по лысому черепу. В сейфе пятнадцать тысяч, и прочь из страны, в Танжер, а там делай что хочешь, покупай что хочешь, организуй. Колумбит. Встречается реже, чем платина, и нужен всем. Век реактивной авиации. Уж я-то в этом разбираюсь. Профессию не забыл. И тогда, честное слово, я стал вкалывать. Пять лет я занимался лишь тем, что делал деньги. Был смел как лев. Рисковал страшно. И вдруг у меня появился первый миллион. За ним другой. Потом пятый. Потом двадцатый. Я вернулся в Англию. Швырнул один миллион, и Лондон был у меня в кармане. Затем я вернулся в Германию. Разыскал Кребса. И еще пятьдесят таких же, как он, настоящих немцев.

Отличных специалистов. Все они скрывались под вымышленными именами, как и многие старые мои камрады. Я отдал приказ, и они стали спокойно и тихо ждать. А где же был я? — широко раскрыв глаза, он уставился на Бонда. — А я был в Москве. В Москве! Человек, торгующий колумбитом, вправе бывать повсюду. Я попал к нужным людям. Они выслушали меня. Дали мне Вальтера, нового гения из их центра управляемых ракет в Пенемюнде, а сами русские приступили к строительству атомной боеголовки, которая, — он махнул в потолок, — теперь ждет наверху. Потом я снова вернулся в Лондон. — Пауза. — Коронация. Письмо во дворец. Триумф. Слава Драксу, — он разразился хохотом. — Англия у моих ног. До последней шавки! Потом приехали мои люди, и мы начали. Прямо в сердце Британии. В толще знаменитых скал. Мы трудились как проклятые. Мы построили у берега Англии причал. Для снабжения! Чтобы нас снабжали наши добрые русские друзья, которые в ночь на прошлый понедельник успели как раз вовремя. Но Тэллон что-то прослышал. Старый дурак. Доложил в министерство. Однако у Кребса тоже есть уши. Совершить акт возмездия вызвались пятьдесят добровольцев. Был брошен жребий, и Бартш умер смертью героя. — Дракс помолчал. — Память о нем будет жива. — Затем он продолжал. — Новая боеголовка сейчас устанавливается. Она подошла как раз по размеру. Отличная работа. И даже тот же вес. Все в полном порядке, а старая боеголовка — пустая жестянка, набитая столь милыми сердцу министерства ассигнований приборами, находится уже в Штеттине — по ту сторону «Железного занавеса». А верная субмарина скоро вновь возвратится сюда, — он посмотрел на часы, — чтобы, пройдя водами Ла-Манша, забрать всех нас отсюда завтра ровно в одну минуту пополудни.

Отерев лицо тыльной стороной ладони. Дракс откинулся в кресле и уставился в потолок, глаза его были полны видений. Вдруг он хихикнул и лукаво скосился на Бонда.

— А знаете, что мы сделаем первым делом, когда попадем на борт подлодки? Мы сбреем эти знаменитые усы, которые вас так заинтересовали. Вы унюхали мышь, мой дорогой Бонд, там, где должны были почуять крысу. Эти бритые головы и усы, за которыми мы все так прилежно ухаживали, обычная мера предосторожности, мой дорогой друг. Попробуйте обрить собственную голову и отрастить пышные черные усы. Вас не узнает родная мать. Все дело в общем впечатлении. Небольшое усовершенствование. Точность, мой дорогой друг. Точность во всем. Таков мой девиз. — Он самодовольно засмеялся и глотнул дыма.

Вдруг, насторожившись, он испытующе поглядел на Бонда.

— Ладно, скажите что-нибудь. Не сидите болваном. Как вам моя история? Не кажется ли она вам необычной, замечательной? Ведь все это осуществил один человек. Не молчите, не молчите. — Рука его дернулась ко рту, и он с бешеной энергией накинудся на ногти. Затем рука снова нырнула в карман, и взгляд Дракса внезапно сделался жестоким и холодным. — Или вы хотите, чтобы я вызвал Кребса? — Он сделал движение в сторону стоявшего на столе телефона. — «Аргументатор». Бедный Кребс. Он был словно дитя, у которого отобрали любимую игрушку. Или, может, стоит позвать Вальтера. Ему есть что оставить вам на память. От него снисхождения не ждите. Ну?

— Хорошо, — сказал Бонд. Он без испуга смотрел в это большое красное лицо, от которого его отделял стол. — История и в самом деле замечательная. Быстро прогрессирующая паранойя. Мания величия плюс ненависть и жажда мести. Довольно забавно, — невозмутимо продолжал он, — возможно, это связано с формой ваших зубов. Кажется, это называется диастема. Она развивается, если в детстве ребенок привыкает сосать палец. Да. Полагаю, когда вас упрячут в сумасшедший дом, психиатры согласятся со мной. «Лошадиные зубы», издевательства в школе и тому подобное. Интересное влияние это оказало на

ребенка. Потом добавили нацисты, а потом вас трахнуло по вашей уродливой башке. Впрочем, в этом вы виноваты сами. Кажется, теперь все ясно до конца. С тех пор вы стали самым настоящим безумцем. Это то же самое, когда некоторые мнят себя Господом. И такое при этом проявляют ослиное упрямство. Полные фанатики. Вы почти гений. Ломброзо был бы вами доволен. А так вы просто бешеный пес, которого следует пристрелить. Кстати, есть еще время покончить жизнь самоубийством. У параноиков это не редкость. Нехорошо. Мне вас жаль.

Бонд помолчал, а затем, вложив в голос все то презрение, на которое был только способен, сказал:

— А теперь продолжим нашу комедию, волосатый дикарь.

Сработало. С каждым словом лицо Дракса все сильнее и сильнее искажалось гневом, глаза наливались кровью, пот ярости струился по щекам и капал на сорочку, изо рта вытекла слюна и сосулькой свесилась с подбородка. Теперь, когда он услышал кличку, которой дразнили его в школе и которая пробудила в нем вихрь жалящих воспоминаний, Дракс вскочил с кресла и, обежав стол, с кулаками бросился на Бонда.

Сжав зубы, Бонд терпел.

Стоило Драксу дважды поднять Бонда вместе со стулом, как гнев его иссяк. Он вынул шелковый платок и вытер им лицо и руки. Затем тихо прошел к двери и оттуда, обращаясь поверх упавшей на грудь головы Бонда к девушке, сказал:

— Думаю, что ни один из вас больше не сможет чинить мне препятствий, — голос его ровен и уверен. — Когда узлы вяжет Кребс, можно не опасаться ошибок. — Он махнул рукой в сторону окровавленной фигуры на стуле. — Когда очнется, — сказал он, — можешь передать ему, что эти двери откроются еще раз лишь перед самым полуднем. И через несколько секунд после этого от вас уже не останется ничего. Даже, — Дракс рывком отпер внутреннюю дверь, — зубных пломб.

Хлопнула внешняя дверь.

Бонд медленно поднял голову и с мукой усмехнулся сочившимися кровью губами.

— Я должен был взбесить его, — едва выговорил он. — Нельзя было дать ему время опомниться. Нужно было, чтобы он вышел из себя.

Гала смотрела на него непонимающими глазами, не в силах оторваться от той жуткой маски, в которую превратилось его лицо.

— Все в порядке, — прохрипел Бонд. — Не волнуйся. — Лондон вне опасности. У меня есть план.

Стоявшая на столе паяльная лампа издала слабый хлопок и потухла.

23. Перед стартом

Из-под полуопущенных век Бонд напряженно всматривался в паяльную лампу. Несколько драгоценных секунд он сидел неподвижно, по капле собирая растраченные силы. Голова трещала так, будто ею играли в футбол, но при этом никаких серьезных повреждений ему нанесено не было. Дракс бил неумело, обрушивая на Бонда шквал ударов не владеющего собой человека.

Гала с тревогой наблюдала за ним. Глаза на забрызганном кровью лице были почти закрыты, однако в мышцах челюстей чувствовалось сосредоточенное напряжение. Усилие воли, которое он предпринимал, она ощущала едва ли не физически.

Его голова дернулась, и когда Бонд повернулся к ней, Гала увидела, что глаза его блестят лихорадкой триумфа.

Он кивнул в сторону стола.

— Зажигалка, — торопливо проговорил он. — Я обязан был заставить Дракса

забыть о ней. Делай как я. Сейчас покажу, — и он принялся раскачивать легкий металлический стул, дюйм за дюймом приближаясь к столу. — Только, ради Бога, не опрокинься. Тогда мы пропали. Но торопись, иначе лампа остынет.

Не совсем еще понимая, что от нее требуется, и чувствуя себя участницей какой-то страшной детской забавы, Гала осторожно заковыляла по полу вслед за Бондом.

Несколько секунд спустя Бонд велел ей остановиться возле стола, а сам еще какое-то время продолжал движение вокруг стола, направляясь к креслу Дракса. Затем, заняв позицию напротив цели, он вместе со стулом резко рванулся вперед и уперся грудью в крышку стола.

Соприкоснувшись со стальным корпусом настольной зажигалки, зубы его издали зловеющий щелчок, однако губами Бонд все же удержал зажигалку, и, ухватив ее за верхнюю часть, качнулся назад, рассчитав силу толчка таким образом, чтобы не опрокинуться. Потом он терпеливо пустился в обратный путь к тому месту, где у угла стола сидела Гала и где Кребс оставил паяльную лампу.

Бонд сделал паузу, чтобы перевести дух.

— Теперь нам предстоит самое сложное, — мрачно произнес он. — Пока я буду пытаться раскопечгарить лампу, ты перевернись на стуле так, чтобы твоя правая рука оказалась как можно ближе ко мне.

Гала послушно стала разворачиваться на месте, а Бонд тем временем накренил стул и, прикинув к краю стола, зажал в зубах ручку паяльной лампы.

Затем он аккуратно придвинул лампу к себе. Еще несколько минут кропотливого труда ушло на то, чтобы расположить паяльную лампу и зажигалку на краю стола так, как было необходимо.

Немного передохнув, он вновь наклонился, зубами завернул вентиль лампы и принялся качать плунжер, медленно вытягивая его губами и затем вдавливая подбородком вниз. Его лицо обдавало жаром нагревателя и испарениями газа. Только бы не остыла.

Бонд выпрямился.

— Последнее усилие, Гала, — сказал он, искривясь в улыбке. — Возможно, придется немного потерпеть. Ничего?

— Пустяки.

— Тогда приступаю, — сказал Бонд, нагибаясь и отворачивая предохранительный вентиль с левой стороны резервуара.

Затем, быстро склонившись над «ронсоном», что стоял под прямым углом к лампе и как раз под форсункой, он двумя передними зубами резко надавил на рычаг зажигания.

То был адский трюк; и хотя голова Бонда отпрянула назад с проворностью змеи, он не сумел подавить в себе вздох боли, когда голубой язычок пламени горелки лизнул его по оплывшей щеке и переносице.

Однако все же превращенный в пар керосин уже свистел спасительным огоньком. Бонд смахнул влагу с заслезившихся глаз и вновь наклонил голову — теперь почти параллельно поверхности стола — вновь зажал в зубах рукоятку паяльной лампы.

Казалось, что от тяжести челюсти вот-вот переломятся, нервы передних зубов рвались на куски, но он осторожно откатнул свой стул от стола и изо всех сил стал тянуть вперед шею, пока кончик голубоватого пламени не впился в шнур, крепко-накрепко приковавший запястье Галы к подлокотнику стула.

Он отчаянно старался свести колебания лампы к минимуму, но когда рукоятка начинала вибрировать и пламя скользило по предплечью девушки, сквозь сжатые зубы Галы то и дело прорывались вздохи.

Наконец, все было позади. Расплавленные свирепым жаром медные жилки

провода лопнули одна за другой, и правая рука девушки внезапно освободилась. Она тут же перехватила лампу из зубов Бонда.

Голова его откинулась назад, и он с наслаждением завращал ею, стремясь побыстрее вернуть в затекшие мышцы кровь.

Не успел Бонд придти в себя, как Гала, поколдовав над путами, освободила и его.

Мгновение он сидел неподвижно, прикрыв глаза и ожидая, пока в тело его вновь вольется жизнь. Вдруг он с блаженством ощутил на своих губах упругий поцелуй.

Он открыл глаза. Она стояла перед ним, взгляд ее горел.

— Это за все, что ты сделал, — объяснила она серьезно.

Но осознав вдруг, что ему еще предстоит сделать, вспомнив, что, если у нее и есть шанс выжить, то ему оставалось жить лишь несколько минут. Бонд вновь закрыл глаза, пряча от девушки застывшее в них выражение безнадежности.

Заметив, как изменилось его лицо, Гала отвернулась. Она отнесла это на счет усталости и тех страданий, что достались на его долю. Неожиданно она вспомнила о пузырьке перекиси, который хранила в туалетной комнате своего кабинета.

Она прошла к себе. Как странно было видеть все эти знакомые вещи снова. Казалось, что это вовсе не она, а какая-то другая женщина сидела за этим столом, печатала письма, пудрилась. Содрогнувшись, она вошла в тесную уборную. Господи, на кого она стала похожа, какой разбитой она себя чувствовала! Но прежде всего она взяла влажное полотенце и перекись, вернулась назад и целых десять минут приводила в порядок то жуткое месиво, в которое превратилось лицо Бонда.

Он сидел молча, обхватив ее талию рукой и глядя на нее благодарными глазами. Когда она вновь удалилась в бывший свой кабинет и, как он услышал, заперла дверь уборной. Бонд встал, погасил горевшую еще паяльную лампу, прошел в душ Дракса, разделся и минут пять простоял под ледяными струями.

«Погребальный обряд!» — с грустью подумал он, изучая в зеркало свое обезображенное лицо.

Потом, одевшись, он вернулся к столу Дракса и тщательно его обыскал. Он добыл лишь один трофей — полбутылки «представительских» виски «Хейг-энд-Хейг». Он взял два стакана, набрал воды и позвал Галу.

Он услышал, как дверь уборной отворилась.

— Что такое?

— Виски.

— Пей. Я сейчас.

Бонд посмотрел на бутылку и, наполнив стакан на три четверти, в два глотка осушил его. Стало веселее, он закурил столь желанную сейчас сигарету и, присев на краешек стола, ощутил, как поднятая напитком горячая волна перекатилась из желудка в ноги.

Он снова взял бутылку и посмотрел на нее. Для Галы тут чересчур много, и он, прежде чем уйти отсюда, мог выпить еще целый стакан. В любом случае лучше, чем вообще ничего. Особенно, когда он тихо выйдет из этой комнаты и запрет за собой дверь. Не оглядываясь.

Вошла Гала — преображенная Гала, почти такая же красивая, как в вечер их первой встречи, если бы не тень усталости под глазами, которую не могла скрыть даже пудра, и рубцы от шнура на запястьях и лодыжках.

Бонд протянул ей стакан, другой взял себе, и они, глядя поверх стаканов, улыбнулись друг другу.

Потом Бонд поднялся.

— Послушай, Гала, — сказал он сухо. — Нам необходимо поговорить и решить кое-что, поэтому буду краток, а потом мы выпьем еще. — Он услышал, как она затаила дыхание, но продолжал. — Минут через десять я запрю тебя в душе Дракса, и

ты на полную мощность включишь воду.

— Джеймс, — воскликнула она, приблизившись к нему на шаг. — Не надо, не продолжай. Я знаю, ты скажешь сейчас что-то страшное. Прошу, остановись, Джеймс.

— Прекрати, — грубо оборвал ее Бонд. — Какое это имеет значение. Нам чудом предоставился шанс. — Он отступил от нее и подошел к двери, ведущей в шахту.

— После этого, — вновь заговорил он, держа в правой руке драгоценную зажигалку, — я выйду отсюда, запру дверь и прикурю свою последнюю сигарету у сопла «Мунрейкера».

— Боже, — прошептала она. — О чем ты говоришь? Ты с ума сошел. — Гала глядела на него широко раскрытыми от ужаса глазами.

— Не будь смешной, — не вытерпел Бонд. — Что еще мы можем сделать? Взрыв будет так силен, что я даже не успею ничего почувствовать. И это должно сработать. Все пропитано испарениями топлива. Либо один я, либо миллионы людей в Лондоне. Боеголовка не отделится. Атомные заряды взрываются не так. Возможно, она попросту расплавится. В этом, может быть, твой единственный шанс спастись. Основной удар взрыва примут на себя точки наименьшего сопротивления — колпак и стальное дно шахты выхлопа, если я справлюсь с механизмом, который откатывает пол. — Он улыбнулся. — Веселей, — сказал он, приближаясь к ней и беря ее за руку. — Я с пяти лет мечтал постоять на горящей палубе.

Гала отдернула руку.

— Я не желаю тебя слушать, — рассердилась она. — Мы должны придумать другой план. Ты, кажется, думаешь, что я ни на что не способна. С какой стати ты присвоил право решать за меня? — Она подошла к световой карте и нажала кнопку. — Конечно, если иного выхода нет, то придется воспользоваться зажигалкой. — Она пристально рассматривала ничего не видящим взглядом ложный план запуска. — Но эта твоя идея, пойти одному и стать в гуще этих чудовищных испарений, а потом спокойно щелкнуть этой штукой, с тем чтобы тут же превратиться в пыль... И уж в любом случае, если придется сделать это, то мы сделаем это вместе. Если уж погибать, то мне как-то больше по вкусу такая смерть, нежели заживо сгореть в душе. И уж, конечно, — она сделала паузу, — вместе с тобой. Мы ведь оба в ответе.

Когда Бонд подошел к ней и, обхватив за талию, привлек к себе, взгляд его лучился нежностью.

— Гала, ты чудо, — просто сказал он. — Если мы найдем выход, мы им воспользуемся. Однако, — он посмотрел на часы, — уже за полночь, и нам надо решать поскорее. Драксу может в любую минуту взбрести в голову послать охрану проводить нас, к тому же неизвестно, когда он вздумает прийти настраивать гироскопы.

Вдруг она изогнулась как кошка. Она вперилась в него, открыв рот; лицо ее загорелось от возбуждения.

— Гироскопы, — прошептала она, — надо перенастроить гироскопы. — Внезапно ослабев, она припала спиной к стене, глаза ее шарили по его лицу. — Неужели не понимаешь? — ее голос едва не срывался на истерику. — Когда он уйдет, мы перенастроим гироскопы, в соответствии с настоящим графиком, и тогда ракета просто-напросто упадет в Северное море, как и было задумано.

Она отошла со стены и, обеими руками вцепившись в его рубашку, умоляюще посмотрела на него.

— Ведь мы можем это? — проговорила она. — Можем?

— Тебе известны параметры? — резко спросил Бонд.

— Конечно, — не медля ответила она. — Я целый год занималась этим. У нас не будет сводки погоды, но можно сделать наугад. Утром сообщали, что погода сегодня будет такая же, как вчера.

— В самом деле, — сказал Бонд. — Мы могли бы попробовать. Если только где-нибудь спрятаться, чтобы Дракс решил, будто мы совершили побег. Как насчет шахты выхлопа? Если удастся открыть крышку.

— Это яма глубиной около ста футов, с отвесными стенами, — проговорила Гала с сомнением. — Они сделаны из шлифованной стали. Гладкие как стекло. А тут нет ни веревки, ничего. Вчера очистили мастерские. Вдобавок, на берегу охрана.

Бонд задумался. Затем глаза его просияли.

— Есть идея, — сказал он. — Но прежде скажи мне о радаре, наводящем на цель в Лондоне. Он не сбьет ракету с курса?

Гала покачала головой.

— Радиус его действия не больше ста миль, — сказала она. — Ракета даже не услышит его сигнал. Если ее направить в Северное море, то она попадет в зону действия морского радара. В моем плане нет просчета. Но где мы спрячемся?

— В одной из вентиляционных шахт, — ответил Бонд. — Идем.

Он напоследок окинул взглядом комнату. Зажигалка была в кармане. На всякий случай. Больше им ничего не понадобится. Следуя за Галой, он вышел в сверкающее пространство пусковой шахты и направился к пульту управления, с которого приводилась в действие крышка шахты выхлопа.

После недолгого осмотра Бонд переключил тяжелый рычаг из положения «Zu» ["Выключено" (нем.)] в положение «Auf» ["Включено" (нем.)]. Послышалось приглушенное шипение упрятанных в стену гидравлических механизмов, и две полукруглые створки под соплом ракеты разошлись, скользя по направляющим. Бонд подошел ближе и заглянул вниз.

Его взгляду открылась широкая стальная воронка, в полированных стенах которой отражался вознесшийся ввысь купол. Далее блестящие дуги терялись где-то в бездне, со дна которой доносился далекий и гулкий шум прибоя.

Бонд вернулся в кабинет Дракса и сдернул штору душа. Затем вместе с Галой они разорвали ее на полосы и связали их между собой. Конец последней полосы Бонд излохматил, чтобы создать иллюзию, будто веревка, с помощью которой они бежали, оборвалась. После этого он крепко привязал другой ее конец к заостренному окончанию одного из трех стабилизаторов «Мунрейкера» и скинул веревку в колодец.

Трюк этот был, конечно, не из самых оригинальных, однако позволял выиграть время.

Большие округлые пасти вентиляционных шахт были расположены на расстоянии десяти ярдов друг от друга и на высоте четырех футов от уровня пола. Их было пятьдесят. Он осторожно приподнял на петлях решетку, которая прикрывала одну из них, и посмотрел вверх. На высоте сорока футов Бонд заметил слабое свечение лунного света с улицы. Он понял, что каналы шахт шли в толще стены вертикально вверх, а затем поворачивали под прямым углом к решеткам в наземной части барабана.

Бонд просунул руку и провел ладонью по поверхности канала. Это был грубо выровненный бетон. Наткнувшись на острый штырь, а затем на другой, Бонд удовлетворенно хмыкнул. Это были концы стальных прутьев, что использовались в качестве арматуры.

Конечно, придется им потерпеть; но, без сомнения, они-смогут дюйм за дюймом пролезть вверх по шахте, как альпинисты по горной расселине, и скрытно залечь на излучине. Обнаружить их там будет практически невозможно, если не проводить утром тщательный обыск, осуществить который в присутствии многочисленных чиновников из Лондона чрезвычайно сложно.

Бонд опустился на колени, и девушка, воспользовавшись его спиной как ступенькой, начала подъем.

Спустя час, изрезавшись и наставив синяков на плечи и ноги, они лежали в

изнеможении, тесно прижавшись друг к другу. Всего лишь несколько дюймов отделяло их головы от большой решетки, расположенной как раз над входом, и они отчетливо слышали, как в темноте на удалении ста ярдов беспокойно переминались охранники.

Пять часов утра, шесть, семь.

Над колпаком медленно взошло солнце, в скалах загомонили чайки, и неожиданно Бонд и Гала увидели вдалеке трех человек, направлявшихся прямо к ним. Дорогу им перерезал свежий взвод охраны, спешивший беглым шагом, высоко вздернув подбородки и энергично работая коленями, сменить ночной караул.

Троица подошла ближе, и двое измученных, затаившихся беглецов, прищурившись, смогли во всех деталях рассмотреть налитое кровью лицо Дракса, поджарого, чем-то напоминающего лисицу доктора Вальтера и опухшего от сна Кребса.

Все трое шли словно палачи, молча. Дракс достал ключ, и они, все так же без слов, гуськом просочились в дверь, что была всего несколькими футами ниже застывших в напряжении тел Бонда и Галы.

Наступившая затем тишина, если не считать доносившихся по вентиляционному каналу отзвуков голосов трех мужчин, что расхаживали по стальному полу вокруг шахты выхлопа, длилась полных 10 минут. Представив себе ярость и оцепенение Дракса, жалкого Кребса, сникшего под сыпавшимися в его адрес, точно удары плетки, оскорблениями, горькое обвинение в глазах Вальтера, Бонд улыбнулся. Потом под ними хлопнула дверь и Кребс что-то прокричал начальнику караула. От цепочки отделился человек и бросился к колпаку.

— Die Englader, — голос Кребса срывался на истерику. — Сбежал. Herr Kapitan думает, что он может скрываться в одной из вентиляционных шахт. Попробуем их найти. Сейчас мы откроем купол и произведем продувку топливных испарений. Потом Herr Doktor прочистит каждый канал горячим паром. Если они там, им капут. Возьмите с собой четверых человек. Резиновые перчатки и огнезащитные костюмы внизу. Давление пара будет понижено. Пусть все слушают, не раздастся ли крик. Verstanden?

— Zu Befehl! [Слушаюсь! (нем.)] — Охранник проворно побежал к цепи, а Кребс, чье лицо лоснилось испариной волнения, повернувшись, исчез в проеме двери. Мгновение Бонд лежал неподвижно. Над их головами раздался тяжелый скрежет, купол, треснув, распался надвое. Струя пара!

Где-то он читал, что именно таким способом выкуривают на кораблях бунтовщиков. И участников беспорядков на фабриках. Сможет ли струя пара пробить на сорок футов? Хватит ли давления? Сколько бойлеров осуществляют нагрев? С которой из пятидесяти шахт они начнут? Не оставили ли они с Галой следов, которые бы однозначно указывали на их шахту?

Он понимал, что Гала ждет его объяснений. Действий. Защиты.

От полукруга охранников отделились бегом пять человек и, проскочив под ними, исчезли.

Бонд приблизился к уху Галы.

— Возможно, будет очень больно, — сказал он. — Не знаю, правда, насколько. Но ничего не попишешь. Нужно терпеть. И молчать. — Он ощутил слабое ответное пожатие ее руки. — Подтяни колени. Не стесняйся. Не время разыгрывать из себя недотрогу.

— Заткнись, — зло ответила Гала, и Бонд почувствовал, как подтянулось ее колено и уперлось ему между бедер. Он сделал то же. Она сердито заерзала.

— Не дури, — шепнул Бонд, прижав ее голову к своей груди так, что она оказалась почти полностью укрытой его расстегнутой рубашкой.

Насколько смог, он постарался прикрыть ее своим телом. Однако для рук и для

ног защиты не было. Он натянул на их головы ворот рубашки. Они крепко прижались друг к другу.

Взмокшие, помятые они едва дышали. Вдруг Бонд подумал, что со стороны они, наверное, напоминают прячущихся в кустах любовников и ожидающих, пока стихнут шаги посторонних, чтобы вновь возобновить прерванные ласки. Он грустно улыбнулся и прислушался.

В шахте было тихо. Видимо, все они были сейчас в аппаратной. Вальтер следит, как к штуцеру присоединяется шланг. Теперь слышался далекий шум. Откуда они начнут?

Где-то рядом раздался мягкий, свистящий шорох, словно гудок далекого поезда.

Бонд стащил с себя ворот и украдкой взглянул сквозь решетку на охранников. Те, что попали в его поле зрения, напряженно всматривались в купол пусковой шахты куда-то слева от него.

Снова раздался долгий хрипловатый свист. И потом еще.

Шорох становился все явственнее. Бонд видел, как головы охранников повернулись к решетке, за которой прятались он и Гала. Казалось, они заворуженно ждали, что вместе с густой струей пара, которая вырывалась из вмонтированной высоко в стену решетки, из шахты донесется и сдвоенный крик.

Бонд телом ощущал биение сердца Галы. Она не ведала, что их ждет. Она верила ему.

— Может быть очень больно, — едва слышно шепнул он ей. — Может обжечь. Но мы не погибнем. Держись. И не кричи.

— Со мной все в порядке, — рассердилась она, но он почувствовал, что тело ее прижалось к нему сильнее.

Ш-ш. Шорох все приближался.

Ш-ш! Теперь их отделяло от него всего два канала. Ш-ш-ш!!! Один. Влажный привкус пара уже давал себя знать.

Держаться, приказал себе Бонд. Он совсем задушил ее в своих объятиях и задержал дыхание.

Все. Скорей бы. Нет сил.

И вдруг — мощное давление и жар, рев в ушах и всепроникающая саднящая боль.

Потом — мертвая тишина, смесь пронизывающего холода и жара в руках и ногах, ощущение, будто ты насквозь пропитан влагой, и отчаянная попытка вобрать в легкие хотя бы глоток свежего воздуха.

Тела их помимо воли и в судорогах пытались разъединиться, выгадать лишний дюйм пространства и воздуха, чтобы облегчить страдания ошпаренных участков кожи, уже успевших покрыться волдырями. Дыхание с хрипом вырывалось из их глоток, струившаяся по стенкам вода попадала в рот. Наконец, им удалось перевернуться и, теперь они, давясь, выплевывали воду, и она сливалась со струями влаги, что текли под их вымокшими телами и вдоль обожженных лодыжек, и далее вертикально вниз по стенкам шахты, по которой совершали они свой подъем.

Рев паровой струи удалялся и, наконец, превратился в прежний шорох, стих. В тесном бетонном узилище установилась тишина, которую нарушало лишь прерывистое дыхание и тиканье часов Бонда.

Они лежали и ждали, каждый убавкивал свою боль.

Спустя полчаса — а может, целую вечность — Вальтер, Кребс и Дракс вереницей вышли наружу.

Однако внутри шахты — в качестве последней меры предосторожности — еще оставались охранники.

24. Старт

— Стало быть, все довольны?

— Да, сэр Хьюго, — это говорил министр ассигнований. Бонд узнал его опрятную, уверенную фигуру. — Это те самые параметры. Мои сотрудники самостоятельно проверили их сегодня утром в военно-воздушном министерстве.

— В таком случае, прошу оказать мне доверие. — Дракс взял лист бумаги и уже было повернулся, чтобы направиться в шахту.

— Минуточку, сэр Хьюго. Улыбнитесь, пожалуйста. Поднимите руку. — В последний раз засверкали вспышки, зажужжали и защелкали камеры. Дракс повернулся и зашагал к колпаку, глядя, как показалось Бонду из-за расположенной прямо над дверью решетки, прямо ему в глаза.

Толпа фотографов и репортеров рассеялась, они разбрелись на площадке, оставив лишь небольшую группку нервно переговаривающихся между собой чиновников, которые ждали возвращения Дракса.

Бонд посмотрел на часы. Одиннадцать-сорок пять. Торопись же, черт тебя возьми, думал Бонд.

Он уже в сотый раз повторял про себя цифры, которые назвала ему Гала и которые он заучил наизусть в те часы выворачивающей наизнанку боли, что последовали за пыткой паром; в сотый раз двигал он членами, стараясь поддержать в них нормальное кровообращение.

— Приготовься, — прошептал он Гале в ухо. — С тобой все в порядке?

Бонд почувствовал, что девушка улыбнулась.

— Все отлично. — Она отогнала от себя мысли о покрывающих ноги волдырях и о предстоящем спешном спуске по вентиляционной шахте, который грозил обернуться новыми ранами.

Дверь под ними гроыхнула, щелкнул запор, и внизу показалась фигура Дракса, шествовавшего позади пятерых охранников. С листком ложных данных в руке он властной походкой направился к кучке чиновников.

Бонд взглянул на часы. Одиннадцать-сорок семь.

— Пора, — прошептал он.

— Удачи, — шепнула она в ответ.

Снова предстояло ползти, сдирать и пропаривать кожу. Осторожно расправляя и сводя плечи, царапая об острия металлических штырей окровавленные, покрытые пузырями ступни, Бонд начал спуск. Протаскивая свое измученное тело сквозь сорокафутовый ствол шахты, он молил небо лишь о том, чтобы силы не покинули девушку, когда она повторит его путь.

Последний десятифутовый отрезок попросту сорвал кожу на хребте, наконец, толчок в решетку, и вот он уже стоит на стальном полу, оставляя за собой вереницу алых следов и разбрызгивая повсюду капли крови со своих пропоротых до живого мяса плеч.

Освещение было уже погашено, но сквозь раскрытый колпак внутрь вливался дневной свет. От синевы неба, перемешанной с ослепительными солнечными бликами. Бонду чудилось, будто он находится внутри гигантского сапфира.

Огромная смертоносная игла, высившаяся в центре шахты, казалась сделанной из стекла. Обливаясь потом и тяжело дыша, он мчался вверх по металлическому трапу. Глядя ввысь, он едва различал, где кончается плавно сужавшийся нос ракеты и где начинается небо.

Сквозь затаившуюся словно перед прыжком тишину, что обволакивала мерцавший снаряд, Бонд слышал частое, зловещее тиканье, как если бы в чреве «Мунрейкера» цокали чьи-то крошечные металлические копытца. Оно наполняло огромное стальное пространство точно стук сердца в новелле По, и Бонд знал, что как только Дракс, находившийся в данный момент на расстоянии двухсот ярдов в ЦУ,

нажмет кнопку, посылая изготовившейся ракете резкий, высокий радиосигнал, стук этот внезапно прекратится, раздастся подспудный гул, из турбин вырвутся струи пара, и следом за ними появится грохочущий сноп огня, который неспешно оторвет ракету и взметнет ее со все возрастающей скоростью по гигантской, изогнутой изящной дугой траектории.

Наконец перед ним возникло тонкое щупальце сложенной у стены стрелы. Рука Бонда уже легла на рычаг, стрела стала медленно тянуться к едва заметной квадратной дверце люка на мерцающей поверхности снаряда, за которой были скрыты камеры гироскопов.

Не успела стрела мягкими резиновыми подушечками упереться в сверкающую хромом оболочку, как Бонд на четвереньках уже полз по ней. Небольшой диск размером с шиллинговую монету, смонтированный заподлицо с поверхностью, находился именно в том месте, где описывала Гала. Надавив на него. Бонд услышал щелчок, и крошечная дверка под воздействием тугой пружины распахнулась. Он уже был внутри. Осторожно — не поранить голову. Сверкающие рукоятки под выпуклыми стеклами компасов. Повернуть, закрутить, зафиксировать. Теперь вертушка. Программа полета. Повернуть, закрутить. Очень осторожно. Фиксация. Последний взгляд. Теперь на часы. Четыре минуты до старта. Только без паники. Назад. Щелчок люка. Вновь по стреле. Ни в коем случае не смотреть вниз. Стрела убрана. Зафиксирована держателем. И теперь к трапу.

Тиканье продолжалось.

Сбегая вниз, Бонд заметил напряженное, бледное лицо Галы, стоявшей возле открытой внешней двери кабинета Дракса. Боже, как саднит тело! Последний скачок и неловкий бросок вправо. Гала с шумом захлопнула внешнюю дверь. Затем хлопнула внутренняя, и они, пересекши пространство кабинета, стояли уже под струями душа, вода со свистом катилась по их прижавшимся друг к другу телам.

Вдруг сквозь весь этот шум, перекрывая биение сердца, до слуха Бонда донесся электрический треск и вслед за ним голос диктора Би-Би-Си, раздававшийся из большого приемника в кабинете Дракса, от которого их отделяло лишь несколько дюймов тонкой перегородки душа. Оказалось, что Гала вспомнила о приемнике и, пока Бонд возился с гироскопами, успела нажать нужные клавиши.

— ...задерживается на пять минут, — произнес живой, возбужденный голос. — Нам удалось убедить сэра Хьюго выступить перед нашим микрофоном с краткой речью. — Бонд закрыл воду, и теперь голос доносился более отчетливо. — Он — сама уверенность. Что-то шепчет на ухо министру. Оба смеются. Интересно, о чем они говорят. Мой коллега принес последнюю сводку погоды из военно-воздушного министерства. Что в ней? На всех высотах идеальные условия. Превосходно. У нас здесь также прекрасная погода. Ха-ха. Толпы зрителей, что собрались неподалеку от базы береговой охраны, получают великолепный загар. Их буквально тысячи. Что вы говорите? Двадцать тысяч? Что ж, похоже на правду. На Уолмер-Бич также негде яблоку упасть. Кажется, весь Кент вышел сегодня на улицу. Боюсь, сегодня все мы изрядно растянем шеи. Хуже, чем на Уимблдоне. Ха-ха. Что это там показалось возле причала? Клянусь небом, это всплыла субмарина. Поистине, захватывающее зрелище. Это одна из самых наших больших субмарин. Команда сэра Хьюго направляется на причал. Они выстраиваются на причале словно для парада. Наши герои. Грузятся на борт. Какая дисциплина. Таков, видимо, план Адмиралтейства. Они будут наблюдать за происходящим с этой своеобразной трибуны в Ла-Манше. Потрясающее зрелище. Хотел бы я быть среди них. Теперь сэр Хьюго приближается к нам. Через несколько секунд он обратится к вам. Как величава его фигура. Он принимает поздравления. Уверен, каждый из нас хотел бы его сейчас поздравить. Вот он появляется в центре управления. За его спиной вдалеке сверкает нос «Мунрейкера», лишь чуть-чуть высываясь из-за стены стартовой площадки.

Надеюсь, у кого-нибудь здесь есть камера. Передаю микрофон, — пауза, — сэр Хьюго Дракс.

Бонд посмотрел на Галу, вода капала с ее лица. Мокрые и измазанные кровью они держали друг друга в объятиях и молчали, едва дрожа от захватившей их бури чувств. Их пустые, незрячие глаза встретились и впились друг в друга.

— Ваше Величество, народ Британии, — бархатным голосом прорычал Дракс. — Через несколько минут я изменю ход истории Англии. — Пауза. — Через несколько минут удар «Мунрейкера»... э-э... перевернет судьбы всех вас... хм... в некоторых случаях самым кардинальным образом. Я весьма горд и польщен тем, что из огромного числа моих соплеменников рок выбрал именно меня, чтобы выпустить в небо стрелу великого мщения, и тем самым возвестить на вечные времена и перед лицом всего мира мощь моего отечества. Я надеюсь, что сегодняшнее событие навсегда явится предупреждением врагам моей родины, что уделом их будет — прах, пепел, слезы и, — пауза, — кровь. А теперь я благодарю вас всех за внимание и искренне надеюсь, что те из вас, кому выпадет такая возможность и у кого есть дети, передадут им мои слова сегодня же вечером.

Из приемника донесся шелест довольно сдержанных аплодисментов, а затем вновь зазвучал торжествующий голос диктора.

— Это был голос сэра Хьюго Дракса, который обратился к вам со словом, прежде чем спуститься в бункер и повернуть ключ зажигания, который даст старт «Мунрейкеру». Это его первое публичное выступление. И, пожалуй, чересчур, хм, откровенное. Без обиняков. Однако, едва ли мы вправе упрекать его. А теперь я передаю микрофон специалисту, капитану Тэнди из министерства ассигнований, который и прокомментирует для вас непосредственно запуск «Мунрейкера». После этого вы услышите голос Питера Тримбла, который находится на одном из патрульных кораблей, а именно на корабле Ее Величества «Мерганзер», и который расскажет о том, что произойдет в точке приводнения ракеты. Итак, капитан Тэнди.

Бонд взглянул на часы.

— Еще минута, — сказал он. — Господи, как бы я хотел, чтобы Дракс оказался сейчас в моих руках. На, — он потянулся за мылом и отломил от него несколько кусочков. — Когда все начнется, заткни этим уши. Шум будет чудовищный, насчет жара не знаю. Это продлится недолго, может, стальные стены и выдержат.

Гала посмотрела на него. Она улыбалась.

— Когда ты рядом, мне ничего не страшно.

— ...теперь, опустив руку на ключ зажигания, сэр Хьюго внимательно следит за стрелкой хронометра.

— ДЕСЯТЬ, — это был уже другой голос, тяжелый и звучный, как зов колокола.

Бонд включил душ, и вода, шипя, заструилась по их слившейся воедино плоти.

— ДЕВЯТЬ, — звеня, вел отсчет голос.

— ...операторы радарных установок наблюдают за экранами. Пока на них лишь волнистые полосы.

— ВОСЕМЬ.

— ...все надели наушники. Бункер способен противостоять взрыву любой силы. Бетонные стены имеют толщину двенадцати футов. Пирамидальная крыша, имеющая двадцать семь футов толщины в точке...

— СЕМЬ.

— ...сперва радиосигнал остановит часовой механизм турбин и приведет в действие особый агрегат зажигания...

— ШЕСТЬ.

— ...откроются клапаны. Жидкое топливо. Секретный состав. Огромная взрывная сила. Динамит. Польется из топливных баков...

— ПЯТЬ.

— ...воспламенится, когда топливо попадет в двигатель ракеты...

— ЧЕТЫРЕ.

— ...тем временем перекись водорода и перманганат калия, смешиваясь, вырабатывают пар, насосы турбин начинают вращение...

— ТРИ.

— ...вспыхнувшее в двигателе топливо огненным столбом вырвется из сопла. Страшный нагрев... три с половиной тысячи градусов...

— ДВА.

— ...Сэр Хьюго готовится нажать кнопку. Он вглядывается в смотровую щель. Его лоб покрывает испарина. Стоит полная тишина. Адское напряжение.

— ОДИН.

Только лишь шум воды, ровно струящийся на два сжавшихся тела.

СТАРТ!

Бонд зашелся в крике. Он лишь почувствовал, как содрогнулась Гала. Тишина. И лишь шум воды...

— ...сэр Хьюго покидает центр управления. Он спокойно направляется к краю скалы. Являя образец самообладания. Ступает на подъемник. Спускается. Конечно, он собирается отплыть на подлодке. На телеэкране виден лишь язычок пара из хвоста ракеты. Еще несколько секунд. Да, он уже на причале. Оборачивается и машет рукой. Наш дорогой сэр Хью...

Низкий гул достиг Бонда и Галы. Он все нарастал. Выложенный плиткой пол задрожал под их ногами. Ураганный рев. Он буквально распылял их. Стены колебались, от них шел пар. Ноги под их объятиями ознобом телами выходили из-под контроля. Держать ее. Держать. Прекратить! Прекратить!!! ПРЕКРАТИТЬ ЭТОТ ШУМ!!!

Господи, он теряет сознание. Вода вскипела. Закрыть кран. Все. Нет. Лопнула труба. Пар, удушье, железо, краска.

Необходимо вывести ее! Вывести! Вывести!!!

И вдруг обрушилась тишина. Тишина, которую можно было пощупать, потрогать, ухватить. Они лежали на полу в кабинете Дракса. В душе по-прежнему горел свет. Дым постепенно рассеивался. Вместе с ним уходил невыносимый запах горящего металла и краски. Работал кондиционер. Стальной пол вспучился словно огромный пузырь. Глаза Галы были открыты, она улыбалась. Но ракета. Что с ней? Лондон? Северное море? Радио. Вроде цело. Он встряхнул головой, глухота стала медленно отступать. Вспомнив о мыльных пробках, он выковырял их.

— ...звуковой барьер. Она держится точно в центре радарного экрана. Идеальный запуск. Мы опасались, что из-за шума вы ничего не услышите. Это было грандиозно. Сперва из скалы, в толще которой проложена шахта выхлопа, вырвался столб огня, а потом над барабаном пусковой шахты стал медленно выползать нос ракеты. Словно большой серебряный карандаш. Поддерживаемый мощной колонной пламени, он не спеша поднимался вертикально вверх. Пламя опалило многие ярды бетонного пространства. Рев ракеты едва не порвал мембраны наших микрофонов. Огромные глыбы были отколоты от скалы, бетон покрылся паутиной трещин. Столь колоссальна была вибрация. Затем ракета стала увеличивать скорость. Сто миль в час. Тысяча. А, — голос прервался, — что вы говорите? Неужели! Сейчас «Мунрейкер» мчится со скоростью свыше десяти тысяч миль в час! На высоте трехсот миль. Теперь, конечно, ничего не слышно. Мы еще будем несколько секунд наблюдать факел. Он похож на комету. Сэр Хьюго вправе собой гордиться. В данный момент он на борту подводной лодки в Ла-Манше. Подлодка эта мчится под стать «Мунрейкеру», ха-ха, делая более тридцати узлов в час и вспенивая за собой воду. Она уже миновала Ист-Гудвинс, курс ее лежит на север. Скоро она достигнет патрульных кораблей. Таким образом, увидев старт, они станут свидетелями и

заключительной стадии полета. Эта прогулка явилась для нас полной неожиданностью. Никто ничего не знал заранее. Похоже, что даже командование флота теряется в догадках. Мы связались по телефону с командующим эскадрой Нором. Однако, это все, о чем я могу рассказать вам отсюда, поэтому передаю микрофон Питеру Тримбл, который находится на борту корабля Ее Величества «Мерганзер» у восточного побережья.

Лишь с трудом вырывавшееся из легких дыхание говорило о том, что два бесформенных тела, что грудями лежали на затопленном лужами полу, были еще живы, но их измученные барабанные перепонки отчаянно ловили треск помех, отрывисто долетавший из покореженного металлического ящика. Теперь они ждали известий о том, чем увенчаются их труды.

— У микрофона Питер Тримбл. У нас отличное утро, то есть... уже день. Мы находимся к северу от Гудвин-Сандс. Здесь тихо как в мельничной заводи. Ни дуновения. Ярко светит солнце. Сообщают, что район цели свободен от судов. Не так ли, командер Эдуарде? Да, капитан подтверждает мои слова. На экранах радаров тоже пока ничего нет. Рассказывать о радиусе действия наших радаров я не имею права, как вы понимаете, по соображениям безопасности. Однако, буквально через несколько секунд мы засечем ее. Не так ли, капитан? Цель только что появилась на экранах. С мостика ее, разумеется, пока не видно. По всей видимости, она где-то милях в семидесяти к северу от нас. Конечно, мы видели, как «Мунрейкер» взмыл в небо. Зрелище грандиозное. Грохот стоял точно при конце света. Из хвоста вырывался сноп огня. Нас разделяло около десяти миль, но свечение невозможно было не заметить. Правда, капитан? О да, я вижу. Очень любопытно. К нам стремительно приближается большая субмарина. До нее остается не больше мили. Видимо, это та самая подлодка, на борту которой, как сообщают, находится сэр Хьюго и его люди. Нам о ней ничего не говорили. Капитан Эдуарде утверждает, что она не отвечает на позывные. Идет без вымпелов. Теперь я вижу ее в бинокль вполне отчетливо. Очень странно. Мы меняем курс и идем на перехват. Капитан отрицает, что это наша подлодка. По его мнению, она принадлежит иностранному государству. Что происходит? Она выбросила вымпел. Что это? О небо, капитан говорит, что это русская подлодка. Боже! Она спустила вымпел и начинает погружение. Вы слышали выстрел? Мы дали предупредительный залп поперек ее курса. Но она исчезла. Что это? Аудиооператор докладывает, что в погруженном состоянии субмарина увеличивает скорость. Двадцать пять узлов в час. Невероятно. Вряд ли она ориентируется под водой. Но теперь она прямо в секторе приводнения «Мунрейкера». Двенадцать часов двенадцать минут. «Мунрейкер», вероятно, уже начал снижение и вскоре рухнет в море. С высоты ста миль и при скорости в десять тысяч миль в час. С момента на момент мы ожидаем его. Надеюсь, трагедия не случится. Русские углубились в зону непосредственной опасности. Оператор радара поднимает руку. Это значит, что лодка обречена. Ракета падает. Падает... БОЖЕ! Что это? Смотрите! Смотрите! Чудовищный взрыв. К небу поднимается облако черного дыма. Нас настигает гигантская волна. Вздывается целая стена воды. Субмарина. Господи! Ее буквально вытолкнуло из воды дном вверх. Нас настигает. НАСТИГАЕТ...

25. После старта

— ...пока что поступили сообщения о двухстах погибших и примерно о таком же количестве пропавших без вести, — сказал М. — Сообщения продолжают поступать с восточного побережья, и есть скверные вести из Голландии. Там на многие мили разрушена морская защита. Большинство наших потерь среди экипажа патрульного судна. Два из них, включая «Мерганзер», опрокинулись. Пропал без вести командир. И сотрудник Би-Би-Си. Сорваны с якорей оба «Гудвина». Из Бельгии и Франции

известий пока нет. Когда мы будем иметь полную картину, придется платить по всем счетам сполна.

Был полдень следующего дня, и Бонд, возле кресла которого стояла трость с резиновым наконечником, снова был там, откуда начинал — перед ним вновь сидел тихий пожилой мужчина с холодными серыми глазами, вечность назад пригласивший его на ужин и на партию бриджа.

Под одеждой Бонд вдоль и поперек был залеплен хирургическим пластырем. Каждое движение ноги отзывалось жгучей болью. Через всю его левую щеку и переносицу тянулась пылающая красная полоса, таниновая мазь блестела на ней в лучах падающего из окна света. Облаченной в перчатку рукой он неловко держал сигарету. Невероятно, но М. сам предложил ему закурить.

— Есть ли какие-нибудь известия о подлодке, сэр? — спросил он.

— Ее обнаружили, — ответил М. с удовлетворением. — Лежит на боку на глубине тридцати фатомов. С ней работает сейчас то спасательное судно, которое должно было позаботиться об останках «Мунрейкера». Спускали водолазов, но на сигналы лодка не отвечает. Советский посол нанес утром визит в Форин Оффис. Он уведомил нас, что с Балтики идет их спасатель, но мы ответили, что не можем ждать, поскольку она создает угрозу судоходству в этом районе. — М. усмехнулся. — И это абсолютная правда, вдруг кто-нибудь вздумает плыть по Ла-Маншу на глубине тридцати фатомов. Но я рад, что не вхожу в состав кабинета, — прибавил он сухо. — Они непрерывно заседают с самого окончания передачи. Вэллансу удалось выйти в контакт с этими эдинбургскими стряпчими прежде, чем они сделали писания Дракса достоянием гласности. Документ жутковатый. Читается, будто накатал его Иегова самолично. Вчера вечером Вэлланс взял его на заседание и теперь торчит на Даунинг-Стрит, заполняя протоколы.

— Знаю, — сказал Бонд. — Он до полуночи все звонил мне в госпиталь, выяснял подробности. Из-за наркотиков, что мне вкололи, я едва соображал что к чему. А что будет теперь?

— Будем пытаться провести самую крупную в истории операцию по дезинформации, — ответил М. — Наговорим всякой наукообразной чепухи, вроде того, что топливо сгорело не полностью. Неожиданно мощный взрыв в результате соприкосновения с водой. Полная компенсация. Трагическая гибель сэра Хьюго Дракса и его людей. Великий патриот. Трагическая гибель одной из подводных лодок Ее Величества. Последняя экспериментальная модель. Глубокие соболезнования. К счастью, погиб лишь экипаж. Ближайших родственников проинформируем. Трагическая гибель сотрудника Би-Би-Си. Непростительная ошибка, в результате которой наша эмблема была принята за русскую. Схожий рисунок. Английская эмблема обнаружена на месте катастрофы.

— А как быть с ядерным взрывом? — поинтересовался Бонд. — Радиация, радиоактивная пыль и тому подобные вещи. Пресловутое грибоподобное облако. Здесь, видимо, возникнут проблемы.

— Как раз это их волнует меньше всего, — возразил М. — Облако вполне может сойти за естественное следствие взрыва такой мощности. Министр ассигнований в курсе. Пришлось поставить его в известность. Его люди уже обследовали восточное побережье с счетчиками Гейгера, однако положительного результата до сих пор нет. — М. холодно улыбнулся. — Само собой, облако должно где-то проявить себя, но, на наше счастье, при нынешнем ветре его должно отнести к северу. Так сказать, туда, откуда оно и взялось.

Бонд болезненно улыбнулся.

— Понятно, — сказал он. — Очень кстати.

— Разумеется, — продолжал М., беря трубку и начиная ее набивать, — непременно пойдут какие-нибудь грязные сплетни. Да уже пошли. Масса людей

видели, как вас с мисс Бранд поднимали из шахты на носилках. Затем, это дело «Боуотерс» против Дракса по поводу порчи груза бумаги. Состоится дознание по делу об убийстве того юноши из «альфа-ромео». И еще как-то нужно объяснить твою-раз-битую машину, в которой был обнаружен, — тут он с укором взглянул на Бонда, — длинноствольный «кольт». В добавок Вэллансу пришлось вызвать сотрудников министерства ассигнований, чтобы помочь очистить дом на Эбьюри-Стрит. Но там-то привыкли держать язык за зубами. Естественно, операция рискованная. Как и всякая большая ложь. Но разве у нас есть альтернатива? Неприятности с Германией? Война с Россией? По обеим сторонам Атлантики полно людей, которые были бы только рады найти повод к этому.

Помолчав, М. поднес спичку к трубке.

— Ежели все обойдется, — в раздумий произнес он, — то в конце концов проигравшей стороной окажемся не мы. Мы ведь давно мечтали заполучить одну из их быстроходных подлодок, и вот нам предоставилась такая возможность. Русские знают, что нам известно, что их игра потерпела крах. Маленков вовсе не так крепко сидит в седле, и это может привести к очередному кремлевскому перевороту. Что же касается немцев, то нам и без того известно, что у них по-прежнему хватает нацистов, и это заставит правительство более осторожно подходить к вопросу о вооружении Германии. Существует и еще одно небольшое следствие этого дела, — М. косо усмехнулся, — в будущем Вэллансу, и мне, конечно, тоже, станет намного легче исполнять свои обязанности по обеспечению безопасности страны. Этим политикам невдомек, что ядерный век вызвал к жизни наиболее опасный тип террориста — незаметного человека с тяжелым чемоданом.

— Но согласится ли пресса поддержать эту версию? — с сомнением спросил Бонд.

М. пожал плечами.

— Сегодня утром премьер-министр имел встречу с редакторами некоторых газет, — сказал он, поднося к трубке вторую спичку, — и, я думаю, проблем с ними быть не должно. Но если все же позже пойдут гулять слухи, ему вновь придется встретиться с ними и приоткрыть покровы истины. Тогда они сделают все как надо. Так бывало всегда, когда речь заходила о серьезных делах. Самое главное — выиграть время и разметать костер. В настоящий момент все так гордятся «Мунрейкером», что никого особенно и не интересует, что же вышло не так.

Раздался приглушенный треск аппарата внутренней связи, что стоял на столе у М., замигала рубиновая лампочка. М. снял трубку и наклонился вперед.

— Да? — сказал он. Затем была пауза. — Соедините меня по линии правительственной связи. — Теперь он взял белую трубку одного из четырех телефонов.

— Да, — сказал М. снова. — У аппарата. — Вновь наступила пауза. — Вот как, сэр? Завершилось. — М. нажал клавишу модулятора помех. Он держал трубку очень близко к уху, поэтому до Бонда не долетало ни звука. Потом в разговоре наступил продолжительный перерыв, в течение которого М. сделал несколько затяжек. Он вынул трубку изо рта. — Я согласен с вами, сэр. — И опять пауза. — Уверен, мой человек был бы весьма признателен за это, сэр. Но у нас есть правило. — М. нахмурился. — Если вы позволите мне высказать свое мнение, сэр, то я считаю это неразумным. — Пауза, затем лицо М. прояснилось. — Благодарю, сэр. Разумеется, Вэлланс не столкнется с такой проблемой. И уж во всяком случае, это меньшее из того, что она заслужила. — Снова пауза. — Понимаю. Я сделаю это. — Еще пауза. — Очень великодушно с вашей стороны.

М. опустил трубку на рычаг, и клавиша модулятора, щелкнув, вернулась в прежнее положение.

Как все это было близко к тому, размышлял Бонд, чтобы замолчать навсегда.

Как все это было близко к тому, чтобы обернуться далеким визгом сирен скорой помощи под зловеще черным, с оранжевыми проблесками небом, запахом гари, стонами людей, погребенных под обломками зданий. На целые поколения вперед перестало бы биться живое сердце Лондона. И целое поколение осталось бы лежать мертвыми на его улицах среди развалин цивилизации, которая могла бы не возродиться еще столетия.

Все это вполне могло бы стать реальностью, если бы не было человека, который, пресыщая свое маниакальное самомнение, мухлевал за картами: если бы не было щепетильного председателя клуба «Блейдс», который уличил его; если бы не было М., который согласился помочь старому другу; если бы не было Бонда, который помнил уроки шулера; если бы не было предусмотрительного Вэлланса; если бы не память Галы на цифры, если бы не причудливое стечение счастливых обстоятельств, если бы не удача.

Кого благодарить?

Кресло М. с пронзительным скрипом повернулось к столу. Бонд снова и не без опаски устремил свой взор в эти серые глаза, от которых его отделял стол.

— Это был премьер-министр, — хрипло произнес М. — Хочет, чтобы вы с мисс Бранд на время уехали из страны. — М. опустил взгляд и невозмутимо посмотрел на чашечку трубки. — Вам обоим надлежит быть за границей завтра к полудню. Слишком много народу видели ваши лица. И когда вас увидят в таком состоянии, то без труда сообразят что к чему. Поезжайте куда хотите. Деньги можете тратить без ограничения. В любой валюте. Я отдам распоряжение казначею. Отдохните месяцок. Старайтесь особенно не мелькать. Вам обоим следовало бы скрыться еще сегодня, но завтра в одиннадцать у девушки аудиенция. Во дворце. Она была сразу награждена крестом Георга. Разумеется, до нового года в газетах вы этого не прочтете. Надеюсь когда-нибудь с ней познакомиться. Наверное, славная девушка. Собственно говоря, — М. запрокинул лицо, и выражение его невозможно было прочитать, — премьер-министр подумал было и о вас. Забыл, видно, что у нас это не принято. А потому просто просил поблагодарить вас от его имени. Лестно отозвался о нашей службе. Очень любезно с его стороны.

На лице М. появилась одна из редких его улыбок, и оно засветилось теплотой. Бонд улыбнулся в ответ. Они понимали друг друга без слов.

Бонд знал, что теперь он должен идти. Он встал.

— Благодарю вас, сэр, — сказал он. — Очень рад за мисс Бранд.

— Тогда все в порядке, — подвел итог М., — тоном давая понять, что больше не задерживает Бонда. — Таков уж наш удел. Увидимся через месяц. Да, чуть не забыл, — прибавил он между прочим. — Зайдите к себе в кабинет. Там я для вас кое-что оставил. Небольшой сувенир.

Спустившись на лифте, Джеймс Бонд ковылял по знакомому коридору к себе. Миновав дверь кабинета, он застал в нем секретаршу, которая приводила в порядок бумаги на соседнем столе.

— Что, 008 возвращается? — спросил он.

— Да, — радостно улыбнулась она. — Сегодня вечером вылетает.

— Я рад, что вы остаетесь не одна, — сказал Бонд. — Мне снова в путь.

— О, — воскликнула она, бросив быстрый взгляд на его лицо и тут же отвернувшись. — Кажется, вам не помешало бы чуть-чуть отдохнуть.

— Именно это я и собираюсь сделать, — успокоил ее Бонд. — Месячное изгнание. — Он подумал о Гале. — На сей раз только приятное. Есть что-нибудь для меня?

— Ваша новая машина внизу. Я уже осмотрела ее. Мне сказали, что вы утром взяли ее на испытательный срок. Смотрится здорово. И еще сверток от М. принести?

— Да, пожалуйста, — сказал Бонд.

Он присел к столу и посмотрел на часы. Пять часов. Он ощущал усталость. Он знал, что ощущение это пробудет с ним еще несколько дней. То была обычная реакция организма на завершение очередной опасной миссии, когда дни нервозности, напряжения, страха были позади.

Секретарша вернулась в комнату с двумя тяжелыми на вид картонными коробками. Она поставила их на стол, и он распечатал одну. Увидев промасленную бумагу, он уже знал, что ожидать.

В коробке была еще карточка. Взяв ее, он прочитал. На ней зелеными чернилами М. было написано «Может пригодиться». Подпись отсутствовала.

Бонд развернул бумагу и взвесил на ладони новенькую сверкающую «беретту». Сувенир. Нет. Память. Он подвигал плечами и сунул пистолет за пазуху в пустовавшую кобуру. Он не без труда поднялся.

— В другой коробке длинноствольный «кольт», — сказал он секретарше. — Пусть побудет у вас, пока не вернусь. Тогда спущусь в тир и пристреляю.

Он подошел к двери.

— Пока, Лил, — попрощался он. — Привет 008, и передайте ему, чтобы вел себя с вами поосторожнее. Я буду во Франции. Адрес оставлю в секции "Ф". Но только на случай крайней необходимости.

Она улыбнулась.

— Что значит «крайней»? — поинтересовалась она.

Бонд коротко рассмеялся.

— Любое приглашение на тихую партию в бридж, — сказал он.

Он, хромая, вышел и закрыл за собой дверь.

«Роллс-бентли» 1953 года выпуска имел открытый кузов и был выкрашен в тот же шаровой цвет, что и старый его автомобиль, нашедший могилу в одном из мейдстонских гаражей. Когда Бонд неловко взбирался на сиденье рядом с водителем-испытателем, темно-синяя кожаная обивка вальяжно скрипнула.

Через полчаса на углу Бердкейдж-Уолк и Куинн-Анн-Гейт водитель помог ему вылезти.

— Если желаете, сэр, то можно улучшить скоростные характеристики, — сказал он. — Если бы вы оставили ее нам недельки на две, мы бы наладили ее так, что она будет выжимать за сто.

— Это потом, — сказал Бонд. — Я беру машину. Но с одним условием. Вы доставите ее завтра к вечеру к паромному причалу в Кале. Водитель ухмыльнулся.

— Принято, — сказал он. — Я сам пригоню ее. До встречи на причале, сэр.

— Отлично, — сказал Бонд. — Только осторожнее на трассе А—20. Нынче опасно ездить по дуврской дороге.

— Не беспокойтесь, сэр, — ответил шофер, однако, подумав, что человек этот хоть и здорово разбирается в машинах, но все же немного белоручка. — Не дорога — сказка.

— Не всегда, — с улыбкой заметил Бонд. — До встречи в Кале.

Не дожидаясь ответа, он захромал, опираясь на трость, по запыленным полосам солнца, что пролегли меж деревьев парка.

— Джеймс.

Голос был чист, высок и несколько взволнован. Не этого он ожидал.

Он поднял глаза. Она стояла в нескольких футах от него. Он заметил на ней нарядный черный берет, вид у нее был возбужденный и таинственный, как у женщины, что мчится в каких-то неведомых краях в открытом авто, недостижимая и вместе с тем желанная как никто другой. Женщина, которая мчится, чтобы принадлежать другому, не тебе.

Он встал, и они пожали руки.

Она заговорила первая, но не села.

— Как бы я хотела, чтобы и ты был там завтра, Джеймс. — Ее глаза мягко разглядывали его. Мягко, но, как показалось ему, загадочно.

Он улыбнулся.

— Завтра утром или завтра вечером?

— Не говори глупости, — засмеялась она, вспыхнув. — Конечно, во дворце.

— А что ты собираешься делать после? — осведомился Бонд.

Она весело посмотрела на него. Что напоминал ему этот взгляд? Взгляд Морфи? Тот взгляд, которым он в «Блейдсе» обдал напоследок Дракса? Нет. Не то. Тут было иное. Нежность? Сожаление?

Она бросила взгляд куда-то через его плечо.

Бонд обернулся. В сотне ярдов от них маячила высокая фигура молодого человека со светлыми коротко постриженными волосами. Он стоял к ним спиной, просто так, явно скучая.

Бонд повернулся к ней, взгляды их встретились.

— Я выхожу за него замуж, — тихо проговорила она. — Завтра днем. — И прибавила, будто это было необходимо. — Его зовут инспектор Вивиен.

— Ого, — выдавил из себя Бонд, мучительно улыбаясь. — Понимаю.

Наступила тишина, оба отвели глаза.

С какой стати он ожидал другого? Поцелуй. Просто прикосновение двух притиснутых друг к другу тел в минуту смертельной опасности. Ведь было лишь это. И он видел кольцо. Чего ради вообразил он, будто это обыкновенная уловка, имевшая целью держать на расстоянии Дракса? Почему он решил, что она непременно должна разделять его желания, его планы?

А что теперь? — подумал Бонд. Он пожал плечами, отгоняя от себя горечь поражения — ту самую, что во столько раз горше радости победы. Путь отступления. Он должен оставить эти юные существа и унести свое холодное сердце прочь. Он не должен испытывать сожалений. Ложных сантиментов. Он должен играть ту роль, которую от него ждут. Бессердечный человек. Секретный агент. Просто тень.

Она в тревоге всматривалась в него, ожидая, пока чужак, осмелившийся просунуть ногу в дверь ее сердца, оставит ее в покое.

Бонд тепло улыбнулся.

— Я ревнив, — сказал он. — У меня были в отношении тебя на завтра другие планы.

Она улыбнулась в ответ, благодарная за то, что безмолвие было наконец сломано.

— И какие же? — спросила она.

— Я собирался отвезти тебя на одну ферму во Франции, — сказал он. — А после великолепного ужина проверить, правда ли, что розы стонут.

Она засмеялась.

— Извини, ничем не могу помочь. Но ведь кругом и так немало роз, которые только и ждут, чтобы их сорвали.

— Да, верно, — сказал Бонд. — Ну что ж, прощай, Гала.

Он протянул руку.

— Прощай, Джеймс.

В последний раз он прикоснулся к ней. Потом оба развернулись, и каждый пошел своей дорогой.